

Historia Universalis de Ars

Петр ГНЕДИЧ

ИСКУССТВО
СРЕДНИХ ВЕКОВ

Петр Петрович Гнедич

Искусство Средних веков

Интересна ли современному человеку история искусства, написанная почти полтора века назад? Выиграет ли сегодня издатель, предложив читателям эту книгу? Да, если автор «Всеобщей истории искусств» П.П. Гнедич. Прочтите текст на любой странице, всмотритесь в восстановленные гравюры и признайте: лучше об искусстве и не скажешь. В книге нет скучного перечисления артефактов с описанием их стилистических особенностей. В книге нет строгого хронометража. Однако в ней присутствуют – увлеченный рассказ автора о предмете исследования, влюбленность в его детали, совершенное владение ритмом повествования и умелое обращение к визуальному ряду. Познакомившись с трудом П.П. Гнедича однажды, читатель навсегда останется инфицирован искусством, по мнению современных издателей, это одна из прекрасных инфекций.

Содержание

#1	0006
#2	0008
Предисловие	0008
Древнехристианская эпоха Борьба язычества с христианством. – Катакомбы. – Базилики и баптистерии. – Живопись. – Византия	0011
I	0011
II	0023
III	0029
IV	0043
V	0057
VI	0064
Сасаниды и арабы Сасаниды. – Арабы. – Магометанство. – Арабский стиль. – Мавританский стиль. – Магометанское искусство в Индии	0073
I	0073
II	0083
III	0110
IV	0124
V	0135
VI	0145
VII	0150
Русь Влияние на славян Византии и Грузии. – Киев. – Владимир. – Суздаль. – Москва. –	

Иконография. – Одежда	0164
I	0164
II	0179
III	0186
IV	0198
V	0208
VI	0219
VII	0228
VIII	0235
IX	0249
X	0266
XI	0275
XII	0281
XIII	0294
Архитектура запада Романский стиль. – Готика	0318
I	0318
II	0332
III	0346

Петр Гнедич
Искусство Средних веков

Серия «Всеобщая история искусств»

© Д. В. Феоктистов, иллюстрации

© Издательство АСТ, 2020

* * *

ИСТОРИЯ

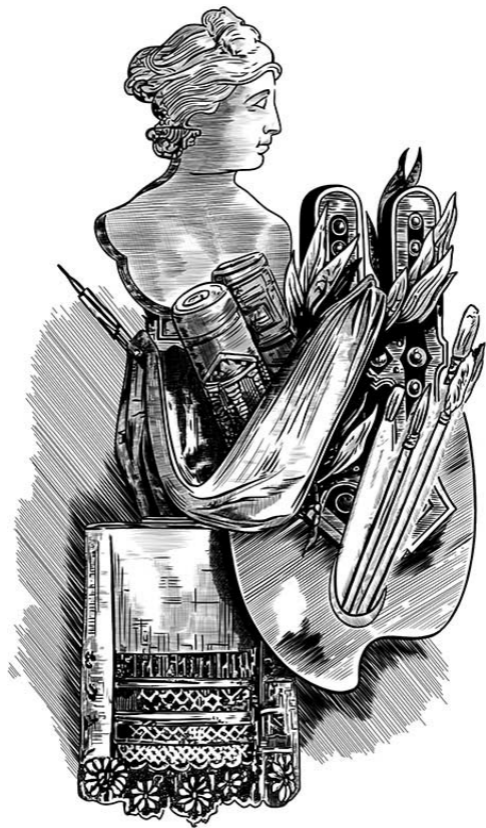
ИСКУССТВЪ

Л. ГИЛЬДИЧА.

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Предисловие

Эпоха Средних веков богата как историческими, так и художественными событиями. Литератор, переводчик, искусствовед Петр Петрович Гнедич (1855–1925) предлагает взглянуть лишь на самую примечательную грань этого времени – искусство. Началом пути автор избирает момент крушения некогда могущественной Римской империи. Мы оказываемся у истоков зарождения христианства и художественной культуры, которую оно породило. Базилики Равенны, первые византийские храмы, робкие попытки христианской иконописи – на страницах этой книги. Затем нас ждет знойный, непокорный и мудрый Восток, зарождение арабского и мавританского стилей. Автор приоткрывает секреты арабского щегольства и смысл восточной вязи. Влияние Византии и Грузии на русскую художественную школу мы увидим в древних храмах Киева, Новгорода, Владимира, Суздаля. Иконописцы Дионисий и Андрей Рублев станут нашими проводниками в царство русской иконописи. Организация пространства

православного храма будет понятна даже непосвященному. Наконец, западный средневековый мир готических соборов, устремленных вверх, стремительно перенесет нас в мир поиска оптимальных архитектурных форм и скульптурной орнаменталистики.

В течение всего путешествия в эпоху искусства Средних веков мы постоянно будем чувствовать благоговение человека перед божественным светом, который, подобно откровению, снисходил на него, вдохновляя создавать нетленные образы, которыми мы восхищаемся до сих пор.

От редакции

Древнехристианская эпоха **Борьба язычества с** **христианством. –** **Катакомбы. – Базилики и** **баптистерии. – Живопись. –** **Византия**

I

Царствованию Тиберия суждено было стать эпохой, когда обнаружилось открытое движение в пользу новых нравственных принципов. Усталое человечество не могло уже, как прежде, довольствоваться политическими идеалами: поворот от древних языческих религий к свету и простору нового учения был неизбежен, – и не во власти кесарей было остановить это движение.

У берегов Средиземного моря к этому времени сгруппировались побежденные Римом народы – товарищи по общему горю, по общей бедственной судьбе; придавленные, они несли безмолвно тяжкое иго всемирной мо-

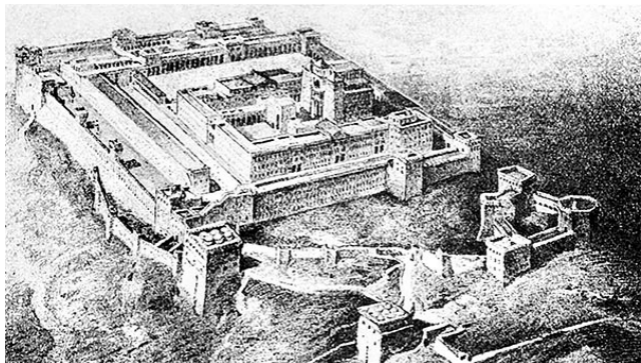
ДРЕВНЕХРИСТИАНСКАЯ ЭПОХА

нархии, а Рим, имевший в виду одну только цель мирового политического благоустройства, не обращал внимания на человека, смотрел на него как на вещь, и понятие о равноправии закона для всех людей было ему совершенно чуждо. Рука, занесенная для кары, останавливалась не движением милосердия, но сознанием своего величия и высших политических соображений. Законный грабеж, те подати, которые платили Риму несчастные завоеванные земли, доводили до нищеты богатые и плодоносные места. Грубая солдатская власть заменяла выборное правление. Чувствовалось давление сверху неведомых прищельцев, в силу кулачного права распоряжающихся их имуществом. Удивительно ли поэтому, что все сердца двинулись с восторгом по новому пути всеобщего равенства и того основного положения христианского учения, по которому велено людям любить друг друга как самого себя.

Иерусалимский храм при царе Соломоне.
Рисунок XIX в.

В Палестине было открыто провозглашено

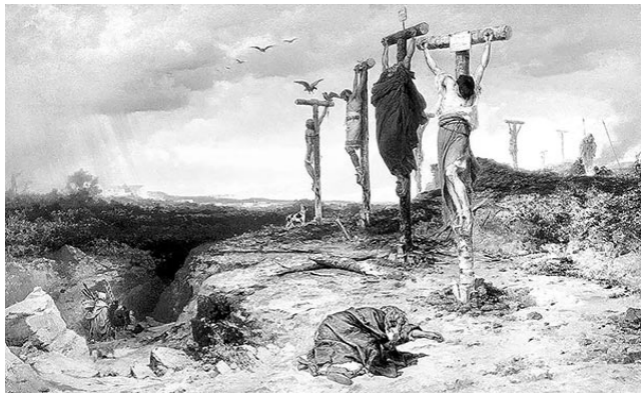

равенство всех людей перед Богом, Который приказал солнцу светить равномерно для всех – и добрых, и злых, равно орошать дождями и имения праведных, и неправедных.

Язычество, в смысле соперника, не могло выдержать борьбы с мощным напором нового вероучения. Язычество слишком отдавалось внешней обрядности и не давало руки помощи и утешения тем, кто нуждался в поддержке. Какие-то смутные, неясные представления о загробной жизни носились в обществе. Утешения перед смертью жрец не мог преподать никому, а тем более какому-нибудь одряхлевшему на работе невольнику, ко-

торый считался чуть не зверем. На смерть смотрели как на вечное освобождение от земных мук, и самоубийство было признаком великой души и характера.

Вот почему стремление к земному благосостоянию развило до чудовищной степени скопление богатств в руках аристократии, нарушая равновесие экономических сил в государстве.

Ф. Бронников. Проклятое поле. Место казни в Древнем Риме. Распятые рабы. 1878 г.

Покаяние, прощение, дивная сила прича-

ствия, близость Страшного, последнего Суда, будущее воскрешение мертвых – вот что заставило с таким энтузиазмом и пламенной верой откликнуться на призыв апостолов. Каждое богослужение, на которое сходились первые христиане, состояло из молитв за пленных, заключенных, обреченных на смерть; на такую веру, скорее всего, могли откликнуться рабы, и скорее всего, должны были отвернуться те, которые не могли быть последователями Христа иначе, как раздав имение нищим. Но и в этих обеспеченных классах общества в минуты отчаяния и горя христианство являлось великим утешителем. Римлянка, потерявшая любимого сына, мужа или дочь, в горьких слезах мучительной разлуки с изумлением слышала от своей прислужницы или от старика управителя, что это разлука временная и что там, в лазурной неведомой вышине, сойдутся все любящие Бога в одной общей радостной и бесконечной жизни. Какой радостный трепет должен был охватывать истерзанные муками сердца тех обреченных на смерть пленников, которых травили в амфитеатрах хищными зверями,

когда они шли навстречу ужасной смерти с ясным сознанием, что в Царстве Небесном они будут первыми, а этот могучий цезарь со всем двором и нечестивым весельем будет достоянием огненной геенны.

Форма общины, которую приняло христианство первых времен, соединила имущества отдельных членов в социальную кассу, удовлетворявшую отдельным нуждам. Дешевизна существования в полуденной стране, при малых требованиях, позволяла церкви при помощи небольших сумм поддерживать существование множества бедняков.

Евангельское выражение «нет пророка в отечестве его» лучше всего было бы применить к Иисусу Христу, так как учение Его, распространяясь по обширным владениям Рима, менее всего нашло поддержки в Палестине, где евреи были сильно разочарованы в земной власти Мессии. Учение о Троице было чуждо их духу, как все то, что имело возможность поколебать понятие об абсолютном единстве Божиим. С тех пор как Иерусалим был разрушен, иудействующее христианство более не существовало.

Завоевание христианством Римской империи началось с убедительных предсказаний о том, что близок конец мира. В Иудее это произвело гражданскую войну, охватило всю Малую Азию, Грецию, Пиренейский полуостров и острова. Гонения на христиан со стороны Нерона только развивали упорное размножение в катакомбах церквей, и к концу I столетия борьба приняла новый характер. Императоры поняли всю величественность новой организации, которая имела чисто политический оттенок, – составляла государство в государстве. Христиане не отказывались не только от увеселений, театров и цирка, но и от государственных должностей. Объединение под одной властью всего побережья Средиземного моря помогло распространению новой веры: еврейские и греческие купцы были посредниками, торговые города – пунктами средоточия; поэтому у многих явилась мысль, что христианство – торговая община. Конфискация собственности христиан была вызвана именно этим мнением, как кара лиц, подрывающих основу государственного благоустройства. Но чем более преследования бы-

ли несправедливы и жестоки, тем теснее сплачивались общины, тем сильнее они давали отпор гонителям.

По мере того как общины возрастали и усиливались, их действия становились все смелее: они открыто начали порицать язычников, называя их божества демонами, предупреждая, что если старые боги не будут изгнаны, то нечестивые их поклонники будут поражены слепотой и съедены червями. Понятно, что подобные воззвания должны были вызвать гонения, и главным образом против духовенства.

Принесение даров. Сант-Аполлинаре-ин-Класе. Равенна. Мозаика

При Диоклетиане императорская власть почувствовала всю шаткость почвы под ногами, когда во всех городах, местечках, в каждом легионе явились ревнители христианства, единодушно готовые восстать на общего врага, пока еще не поздно.

Зимой 302/303 года по Р. Х. солдаты-христиане отказались участвовать на торжественном богослужении для умилоствления бо-

гов. Диоклетиан, жена и дочь которого были христианками, понял всю трудность своего положения и только с крайним отвращением согласился на гонение; но, уступая государственному совету, он тщетно настаивал, что-

бы никто не был казнен. В Египте, Армении, Сирии, Мавритании множество христиан было брошено на растерзание диким зверям, сожжено и замучено, – и в момент смерти они пели молитвы и благодарили Небо за то, что оно послало им мученическую кончину. Величие их мужества привлекло на свою сторону сердца их врагов, и победа все больше и больше переходила на их сторону.

Теснимый Галерием Константин, бежавший из заключения, ясно осознал, что все христиане, тайно ютившиеся в разных уголках государства, открыто пойдут за ним, если он открыто станет во главе их. Жестокость и несправедливость теснителей должна же была вызвать месть со стороны новообращенных. Это не было библейское изречение «око за око», но евангельский текст – «бесплодную смоковницу посекают». И Константин не ошибся: в каждом легионе нашлись сторонники, и победа осталась за ним.

Достигнув престола, Константин как представитель новой партии должен был порвать все традиции с языческим миром. Сама столица должна была быть перенесена на другое

место. Римская империя заканчивается, и начинается Византийская. Римляне до такой степени ассимилировались с побежденными народами, что давно уже утратили нравственный и политический престиж. Одно войско поддерживало централизацию власти, возводя на престол своих же солдат и выскочек, не имевших ничего общего с аристократическими фамилиями прежних цезарей. Прежней привязанности к Риму не было у представителей власти; быстро сменявшиеся высшие чиновники не представляли никакой опоры государству, и перенесение резиденции в другой город не могло встретить ни в ком сопротивления. Константин удалился из Рима, быть может избегая упреков языческой партии, которую, впрочем, он и не подавлял, восстановив даже, по званию верховного жреца, языческие храмы, и уравнивал этим обе религии. Он прямо высказывал мысль о том, что можно обсуждать великие вопросы индифферентно, не сходясь во мнениях, но, расходясь, не ненавидеть друг друга. Он поставил в Константинополе огромную колонну со статуей на ее вершине, соединявшей в

себе изображения солнца, Спасителя и императора. Торс фигуры представлял Аполлона, голова принадлежала Константину, а над ней, в виде сияния, были прикреплены гвозди, которыми Христос был пригвожден к Кресту, найденные незадолго до этого вместе с Крестом в Иерусалиме.

II

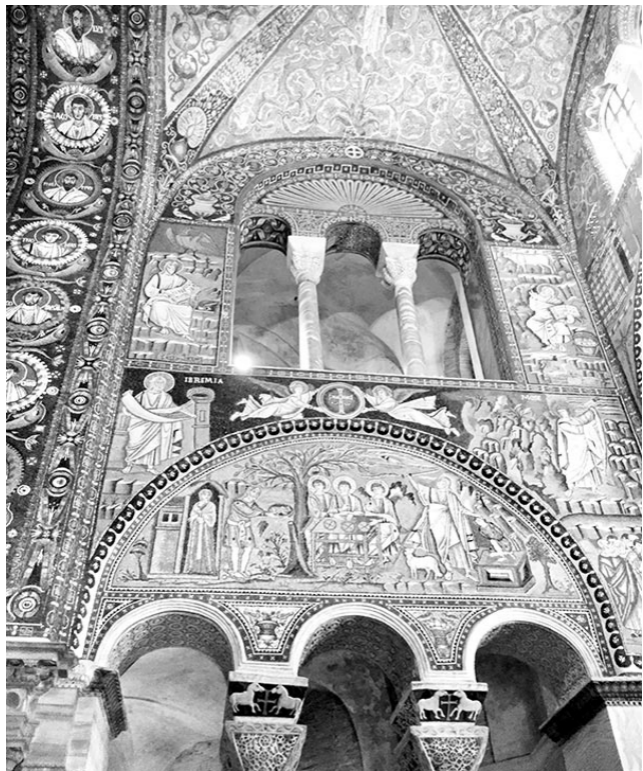
В первое время гонений господствующей идеей христианства было возможное отчуждение от языческих идолослужебных форм. Таясь в катакомбах, христиане ввели по необходимости в свое богослужение огонь и символические знаки, из которых на первом плане нужно поставить крест и монограммы Христова имени самых разнообразных видов. Впоследствии, когда христианство могло открыто совершать свое служение и церковные помещения из катакомб и комнат в частных домах, в домах членов христианской общины перешли в обыкновенные здания, явился вопрос: какого типа нужно держаться для воспроизведения новых храмов? То отвращение, которое чувствовалось к язы-

честву, не позволяло взять за образец постройки храмы Весты, Марса и Юпитера. Но надо же было остановиться на чем-нибудь, хотя бы преобразовав какое-нибудь, уже готовое, здание, удовлетворяющее новым требованиям. Наиболее годным для этого оказались базилики, общий тип которых и повторился во всех первых христианских храмах. Базилика – место римского суда или коммерческих сделок – имела вид продолговатого четырехугольника, состоящего из двух частей: передней – большой залы с колоннадами и полукруглой ниши с полукупольным сводом, закруглявшей залу в глубине. В этой нише и заседал суд, и место это называлось трибуной. Два ряда колонн делили базилику на три части, или корабля. Иные базилики были пятикораблевые, с четырьмя рядами колонн. Иногда их перерезывал поперечный корабль-трансцепт. У христиан портик базилики получил название паперти, и на ней обыкновенно помещались оглашенные, то есть лица, не допускавшиеся до литургии верных. Трибуна, или апсид (закругленная часть базилики), образовалась в алтарь; за балюстрадой

хора помещались певчие и дьячки, а по бокам – два амвона для чтения Апостола и Евангелия. В центре апсида стоял престол, отделенный рядом колонн от прочей церкви, причем средний проход между ними был завешен богатыми коврами (триумфальная арка, впоследствии Царские врата).

Сан-Витале. Равенна. Мозаика

В глубине апсида, у самой стены ставился трон епископа, а вокруг шел в несколько рядов амфитеатр для прочих священнослужителей. Под престолом помещался саркофаг с мощами; над ним колыхался балдахин, из центра которого спускалась лампада или серебряный голубь со Святыми Дарами. С боков балдахина были занавеси, которые задергивались во время совершения таинства. Иногда рядом с главным апсидом выступали два апсида меньшие, из которых – в одном священники облачались, а в другом – готовили Святые Дары. Самая зала храма вмещала с одной стороны женщин, с другой – мужчин; если в базилике были верхние галереи над боковыми кораблями, женщины помещались навер-

ху. Часть среднего наоса у апсиды оставалась незанятой – для отправления службы. Перед

входом в церковь у нартекса ставился бассейн или фонтан для омовения. Потом нартекс обратился в большой двор, окруженный портиками и предназначенный для помещения тех христиан, которые были временно отлучены от церкви и только издали могли слышать слабо долетавшие звуки песнопения. В левом углу нартекса помещался баптистериум, или купель, для крещения; над нартексом устраивались отдельные помещения для наставления в вере и поучений.

Христианство застало античный мир в период упадка, когда искусство быстро падало; поддержать это падение христианство не могло, а внеся в него чистоту своего мировоззрения, с эстетической стороны только усилило его падение.

Могила Теодориха. Равенна. Мозаика

Христианское искусство – прямое продолжение античного, и со стороны внешности – продолжение его порчи. Но зато внутреннее, незримое его веяние до сих пор способно охватывать душу истинно верующего. Беззастенчивое достоинство и величавый покой –

вот отличительные признаки древнехристианских построек. Их пластика продолжает идти путем, унаследованным от римлян, внося в изображения целомудренность и тихое очарование. На Западе, где народности постоянно смешивались, выработка стиля не могла успешно идти в известном направлении: там первоначальный принцип мутится, переходит в новые формы. Совершенствуясь, видоизменяясь, он формируется то в грандиозные

постройки романского стиля, то в кружевные, фантастические здания – готики. На Востоке, где древняя монархия остается во всей силе, прежнее направление делается национальным, и когда во всей Европе с X века влияние Византии становится нечувствительным, на Востоке выработанный стиль остается и до наших дней.

III

Сначала художественная деятельность христиан стоит в такой близкой связи с античным искусством, что индивидуальная сила Рима чувствуется наравне со свежей и духовной жизнью Византии. Несмотря на отвращение к скульптуре как к идоловаянию, христиане не могли отрешиться от желания украсить храм хотя бы символическими изображениями, ограничиваясь библейскими преданиями. Их живопись и мозаика стали законным детищем языческого искусства. Прежде чем достигнуть высоты глубоко религиозных изображений, образовавших византийский стиль, искусству, в этом новом фазисе, пришлось пройти много посредствующих

Звеньев, связывающих старый мир с новым.

Сант-Аполлинаре-Нуово. Равенна

Одна из первых базилик-церквей, базилика Святого Петра, поставленная в Риме на том самом месте, где впоследствии был воздвигнут знаменитый собор Святого Петра – этот колоссальнейший храм мира, – захватывала своим фундаментом часть арены Неронова цирка, где был умерщвлен апостол Петр. Длина этой базилики простиралась до 57 сажен, а ширина до 30, да, кроме того, при ней находился двор в 34 сажени длины. Средний наос отделялся от боковых колоннами без арок с прямым антаблементом, поверх которого шли два яруса картин (мозаик), а выше – ряд окон с изображениями святых в простенках. Колонны, отделявшие друг от друга боковые наосы (всех наосов было пять), соединялись арками. По мнению архитекторов-специалистов, если бы мотив арочных соединений колонн был повторен в среднем наосе, общее впечатление храма тогда бы могло произвести удивительный эффект. Когда в XIV столетии базилику начали срывать для постройки нового собора, приказано было снять с нее

точный план и перспективный вид, вследствие чего эти чертежи, дошедшие до нашего времени, дают нам полное представление о базилике, гораздо более полное, чем то, какое она могла бы дать сама, дойдя до нас в измененных, испорченных временем подробностях. Только что упомянутый эффект арок среднего наоса был трактован в другой старинной церкви, построенной Гонорием в Риме, известной под названием «Базилика Святого Павла за стенами Рима». Из колонн, подпиравших арки, 24 колонны чисто античного происхождения были взяты из языческих храмов, остальные же колонны были только неудачным подражанием. Базилика эта в 1723 году сторела; до этого она была разграблена сарацинами, горела от молнии и вообще подвергалась многим перестройкам. Теперь она великолепно восстановлена, хотя уже в измененном виде.

Баптистерий православных. Равенна

Остатки разных базилик, и побогаче и победнее, разбросаны по разным провинциям Римской державы и даже по Алжиру. В Ли-

вийской пустыне, на малом оазисе, находилась тоже базилика, в которой римский стиль путается с чисто египетским. Константин строил базилику над Гробом Господним, базилику в Вифлееме (начатую, по преданию, его матерью). Дошли они до нас в сильно измененном виде. Ничего существенного о первоначальном сооружении их сказать нельзя, но во всем виден староримский безличный мотив с расширенным только объемом. Потребность в большем пространстве и свете логическим образом придала судилищу два боковых наоса и возвысила средний, что вышло и торжественно, и эффектно. В течение IV столетия установился тип для христианской базилики, удовлетворяющий целям общественного богослужения. О самостоятельной выработке новых форм совершенно не заботились и, несмотря на отвращение к памятникам язычества, брали в новые церкви великолепные принадлежности античных памятников. В более самостоятельную форму стало вырабатываться христианское архитектурное искусство в Равенне.

Император Гонорий, считавший Рим ме-

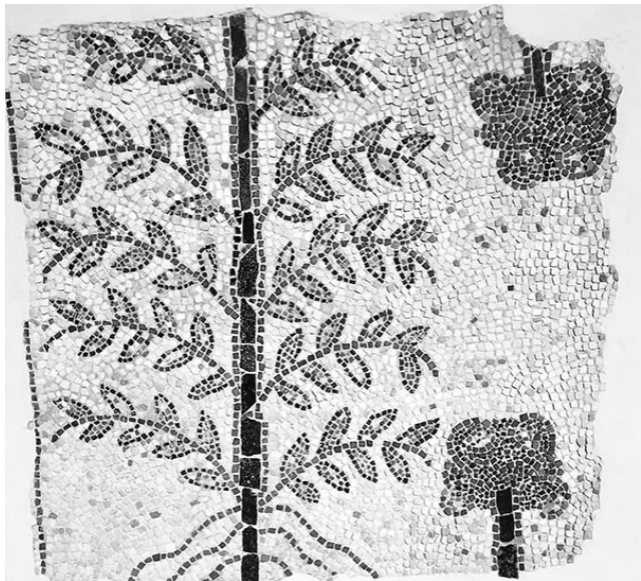
стом слабо укрепленным, составившим слишком легкую приманку для северных народов, решил перенести свою резиденцию в Равенну, окруженную со всех сторон лагунами, выдвинувшуюся далеко в Адриатическое море и представлявшую собой вторую Венецию. Здесь стали воздвигаться дворцы и церкви, и с каждым веком город расширялся и украшался, – то известной Галлой Плацидией (сестрою Гонория), то королями остготскими, то представителями греческого экзархата. Не имея за собой наличных языческих памятников, Равенна вынуждена была быть самостоятельной, – в ней должно было более сказаться влияние Востока, чем Рима.

Орнамент на полу. Сан-Витале. Равенна.
Мозаика

Настенная роспись. Сан-Джованни-Эван-джелиста. Равенна. Мозаика

Бедность наружных стен здесь уже не повторяется: их красит глухая аркада; над капителью колонны помещается куб с трапециевидными сторонами, который облегчает переход от колонны к опирающейся в нее арке, почему арка не давит всей тяжестью на капители, и колонна кажется менее придавленной, с большей легкостью несущей тяжелый

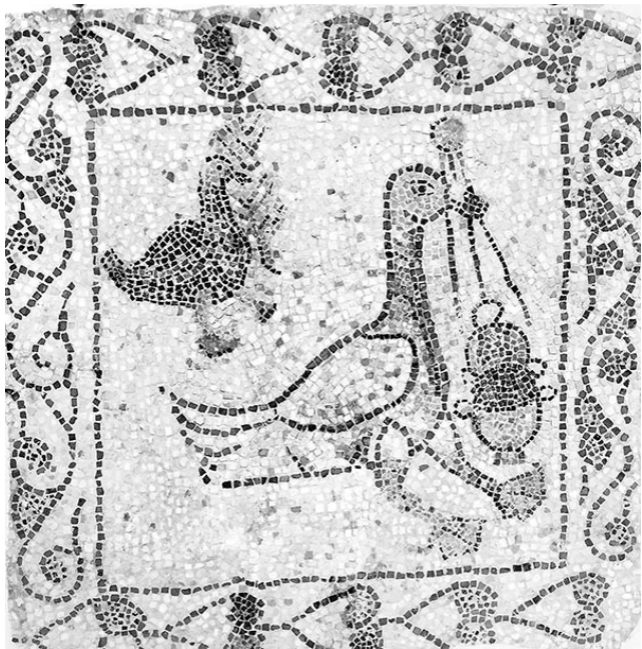

груз стены. Из равенских церквей особенно замечательна церковь Святого Аполлинария, в которой нет обычных боковых крыльев. У Святого Аполлинария вместо этих крыльев есть вытянутое пространство, встречающееся в архитектуре впервые. Колонны расставлялись в Равенне несколько шире; и колонны, и

детали начинают носить отпечаток какой-то новой, еще не ясной мысли. Некоторая пестрота выкупается прекрасным светом и величавостью общего.

Освобождение от каких бы то ни было подачей не только архитекторов и художников, но даже каменщиков должно, по-видимому, было повлиять на увеличение строительных сил в Византии. Те изменения, которые сделали художники в сложноримской капители, мы не можем назвать противными духу эстетики. Выпуклый фриз этого ордера покрыт очень красивым орнаментом, и можно указать разве на неудачный архитрав как на самую слабую часть композиции. Волюты заменены модильонами с тоненькими кистями, и в общем, повторяем, получается впечатление более чем удовлетворительное.

Настенная роспись. Сан-Джованни-Эванджелиста. Равенна. Мозаика

Настенная роспись. Сан-Джованни-Эван-
джелиста. Равенна. Мозаика

Одновременно с этими базиликами стали,
сперва в Риме, а затем и в других местностях,

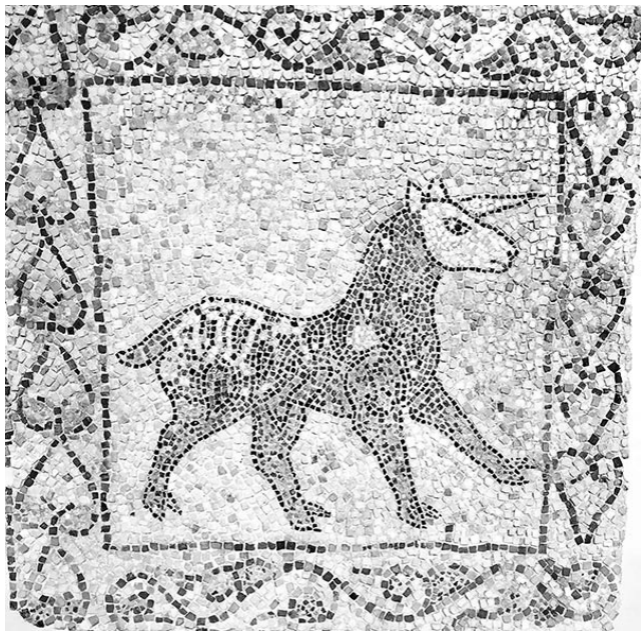
появляться круглые церкви, мотивом внутренней отделки которых послужили те же базилики. Вообразим себе какую-нибудь продольную церковь, рассеченную по центральной линии пополам; если мы возьмем одну из этих половин и свернем ее в круг, то мы

получим совершенно ясное представление о большинстве круглых церквей. Высокий пролет и арочные колонны среднего наоса образуют центр здания; боковые узкие галереи вторых наосов обнимут здание кругом и будут значительно ниже среднего. Такова была церковь Святого Стефана в Риме, такова была церковь Святых Ангелов в Перудже. Первые круглые храмы так близко подходили к круглым языческим постройкам, что некоторые детали (например, орнаменты из виноградных листьев на своде церкви Святой Консуанции, схожие с орнаментами храма Бахуса) давали повод думать, что это постройки языческие. Собственно говоря, назначение этих круглых церквей было двух родов: это были или баптистериумы, или надгробные памятники. Круглая форма для баптистериума чрезвычайно выгодна и позволяет расположить бассейн в середине здания под самым светом. Простые купальни римских терм, конечно, послужили прямым образцом этих мотивов. Иные из баптистериумов не вполне круглы, а срезаны по сторонам и имеют многоугольную форму. Из надгробных памятников

особенное внимание мы можем обратить на гробницу Теодориха в Равенне, довольно оригинальную по облицовке стен и по колоссальности купола, сделанного из одного куска камня, с необычайными усилиями перевезенного и поднятого на часовню. Подножие часовни восьмиугольное, к настоящему времени испорченное пристройками лестниц с металлическими перилами.

Настенная роспись. Сан-Джованни-Эвангелиста. Равенна. Мозаика

Дальнейшее развитие архитектуры старалось совместить в плане церкви форму круглую с формой квадрата. Нередко перестроенные из кальдариума каких-либо терм баптистерии и церкви принуждены были донельзя разнообразить формы, пристраивая нартекс то сбоку, то прямо, то принимая форму креста, то восьмиугольника, то параллелограмма, то квадрата. Как на интереснейшую постройку этого времени можно указать на равеннскую церковь S. Vitale, представляющую переходное звено к чисто византийскому искусству, к храму Святой Софии.

IV

Первоначальным приютом христианства были римские катакомбы – узкие подземные ходы, происхождение которых с точно-

стью неизвестно. Сперва думали, что это были каменоломни, где добывался для многочисленных построек Рима строительный материал, но теперь более склоняются к мысли, что это был римский некрополь. Расширяясь все больше и больше, они образовали сеть коридоров и зал, длину которых определяют в 1000 верст. Из окрестностей Рима они проникли под самый город, образовав собой второй, подземный Рим, оказавшийся впоследствии сильнее и могучее первого. Когда наступила пора гонений и христиане не могли, под страхом смерти, открыто совершать свое служение, катакомбы оказались лучшим убежищем для них. Первые христиане, люди по преимуществу из низшего класса, рабы, проводившие весь день на работах, не могли иначе собираться на богослужение, как ночью; оттого-то всенощные, заутрени и ранние обедни никогда не мешали их дневным трудам. Из какого-нибудь дома, или, вернее, из сада, помещавшегося в центре Рима и принадлежавшего хозяину, который втайне исповедовал новую веру, шел подземный ход в катакомбы, — и сюда-то, скрытые сумраком

ночи, под видом клиентов и друзей, сходились христиане в пещеры, вероятно, несколько увеличенные, обращенные в крипты для служения. Престолом служил саркофаг с телом какого-нибудь мученика, варварски убиенного в цирке, или епископа, признанного святым за непорочность жизни. Переход от чудной южной ночи, с огромными фосфорическими звездами, с зеленым светом луны, с блестящими, ярко освещенными дворцами, – в мрачные, скудно освещенные катакомбы, откуда слышалось пение, придавал особенную таинственность и прелесть богослужению. После травли и зверских убийств в Коллизее целые сотни мучеников сносили сюда и ставили в ниши, на которых делали надписи родные и родственники умерших. Сожжение тела было противно духу христианской идеи воскрешения, а зарывать покойного в землю и ставить на могиле христианские эмблемы – значило выдавать себя и своих родственников на жертву гонителей. Добивались в большинстве случаев быть похороненным близ гроба мученика, следовательно, и ближе к месту служения и трапезы христиан. Ино-

гда наверху, над алтарем, делалось отверстие для света, так что потолок шел кверху уступами. Нередко над криптой, пользовавшейся особенным уважением, воздвигали впоследствии, когда гонения прекратились, настоящую церковь.

Джованни Паоло Панини. Древний Рим. 1757 г.

Первое время христианства отличается удивительной чистотой представлений. Было строжайше воспрещено христианам всякое изображение живописное или скульптурное Иисуса. Апостолы-евреи, по давно укоренившимся в их национальности традициям, смотрели на каждое скульптурное произведение как на идола и позволяли изображать только один крест. Христиане должны были носить образ своего великого законодателя в душе и даже крест налагать на себя – в виде знамения, во время молитвы. Едва ли христиан могло удовлетворить и то почтение, которое оказывал Иисусу Александр Север – этот космополит в деле религии: он, не стесняясь, делал Ему возлияния, поместив статуэтку Его

наряду со статуэтками Моисея, Венеры и Осириса. Кроме креста христианами употребля-

лись монограммы имени Иисуса, Андреевский крест, напоминавший букву Х; по бокам монограммы ставили первую и последнюю буквы греческого алфавита, обозначавшие начало и конец, о которых говорил Иисус Христос. Порой вместо монограммы имени Христова изображали рыбу, пять букв названия которой соответствовали пяти первым буквам полного имени Иисуса – Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель.

Базилика. Равенна

Вообще аллегорические изображения были не чужды духу христианства, – иногда в виде павлина изображали вечную жизнь и бессмертие, иногда голубь знаменовал чистоту Духа Святого. Даже языческий феникс и тот был олицетворением бессмертия. Согласно мифу, феникс, предчувствуя свой конец, сам собирал для себя костер из душистых трав, поджигал его и сгорал, а из его пепла возникала новая птица – молодой феникс. Легенда эта как нельзя лучше олицетворяла воскрешение из мертвых, имея притом готовый образец языческого характера, практиковавшийся в живописи и не возбуждавший ни в ком подозрения. Апокалипсические четыре образа: львиный, тельца, орла и ангельский, нашедшие себе место и в видениях ветхозаветных пророков, изображались в катакомбах. Иногда встречались эмблемы совершенно ясные для нас – якоря, венцы, камни, сосуды с водой. Рисунок эмблем этих очень плоховат, иногда кое-как нацарапан, представляет в надписях смешение латинских и греческих

букв, что становится совершенно понятным, если мы вспомним низкую степень образования первых ревнителей христианства. Символами этими было предначертано то настроение, с которым взялись впоследствии за изображение христианского содержания. Но и тогда, когда рискнули на введение человеческой фигуры, прямо подойти к Христу не рискнули и ограничились тем же символом. Самым приятным мотивом изображения было то мягкое поэтическое уподобление, к которому так часто обращался Иисус: к сравнению с добрым пастырем, спасающим заблудшую в пустыне овцу. На таких изображениях Иисус представлен безбородым, в короткой тунике, с овцой на плечах, с типом чисто римского характера. Моменты из истории как Ветхого, так и Нового Заветов выбираются самые мягкие, действующие на душу самым умиротворяющим образом. Обыкновенно изображают разговор Христа с самаритянкой, омовение ног, Пилата, умывающего руки, Ноя с голубем в ковчеге, – и никогда нельзя встретить среди этих изображений ни распятия, ни воскресения. На большинство таких сюже-

тов мы должны смотреть как на поучение – на аллегорию: три отрока в печи, Даниил во рву львином, Ной в ковчеге – все это символы того, как праведные могут спастись среди общего нечестия.

Христиане были прямыми врагами реализма, им решительно было все равно – с бородой Христос или нет, им важна была только идея. Никакого типа более или менее определенного выработаться поэтому не могло, и только впоследствии уже явились изображения Спасителя таким, каким он был по преданию.

Ватикан. Главный двор музейного комплекса

Композиция скульптурных барельефов, которыми изукрашены саркофаги лучших времен Римской империи, несколько изменилась ко времени упадка и не имела уже той плавности трактовки, которая замечается в античной работе. Вся полоса барельефа разделяется колонками на маленькие амбразуры, а в каждой из них помещается отдельный сюжетик, трактованный двумя, иногда тремя фигурками, упирающимися головами в потолок и концами ног касающимися карнизов. Такая отделка пришлась по душе невзыскательному вкусу первых христиан, и их саркофаги теперь мы можем во множестве видеть в итальянских музеях и церквах. Тут изображаются Адам и Ева в момент искушения, въезд Христа в Иерусалим, Иисус Христос, сидящий на троне (причем небесный свод поддерживается мифическим Атлантом), Авраам, приносящий Иакова в жертву. Конечно, мы не можем искать в этих изображениях и следа этнографической верности: Авраам стоит

молодцевато в римской тоге; в таких же костюмах ходят на Небесах пророки; на отроках в печи огненной надеты римские сапоги. Первым долгом соблюдается симметрия; в сцене райского искушения центр композиции занимает дерево, обвитое снизу змием, а прародители, ростом как раз с это дерево, стоят картинно по бокам, подогнув симметрично одну из ног и склонившись в разные стороны; по бокам Даниила два льва, выглядывающие из-за рамки, – словно вылеплены из одной формы. Ни один тип не имеет индивидуальности, все лица между собой схожи, но общее впечатление движения передано недурно.

Из статуй этого периода на первом плане можно поставить известную бронзовую статую апостола Петра, помещающуюся в Ватикане. Статуя эта служит предметом самого яркого поклонения со стороны современных итальянцев, так что большой палец правой ноги совершенно стерся от их усердных лобызаний. В общем сидящая фигура, с ключом в одной руке и с пальцами другой руки, сложенными для благословения, несколько натянута и суха, но все-таки представляет много

благородства и даже сенаторской важности, чему немало способствует римское одеяние.

Император Юстиниан. Мозаика

Катакомбы самых первых времен христианства стали покрываться символическими фресками. Со временем эти фрески стали преобразовываться в целые сцены из жизни христиан, причем общий характер рисунков мало чем отличался от поздних римских фресок. Но и здесь, как и всюду, тонкость античных красок, унаследованная христианами, согрета тем высоким величием, которого мы не найдем в антиках. Отсутствие рисунка, неправильность анатомии не мешает нам восхищаться этими формами в катакомбах святого Калика, Розалии. В VI веке стали появляться в живописи фресок новые элементы; символика заменяется изображениями святых; художник ищет характерный тип. В работе не чувствуется широкого размаха рисовальной кисти, но всюду сквозит удивительное внутреннее воодушевление. Мозаика все более и более завоевывает себе место, заменяя собой непрочную живопись фресок. Хотя гораздо за-

труднее передать мозаичной работой всю тонкость и нежность лица, и хотя, в сущности, она пригодна только для колоссальных работ, но ее долговечность пересиливает все остальное.

Ученики Рафаэля. Крещение Константина.
Фреска. Ватикан

Нельзя не отметить также в высшей степени замечательных работ по литературе. Рукописи, бывшие в то время в общем употреблении, иногда расцвечивались замечательными изображениями и ценились очень высоко.

ко. Библия, иллюстрированная христианами художниками, явила прямое подражание римским иллюстрациям к Гомеру и Вергилию.

V

Полный расцвет древнехристианского искусства нашел себе место в Византии, где было сравнительно меньше базилик и где круглая церковь взяла преобладание над остальными. Роскошная отделка деталей, уклонение от простого характера первых базилик, стремление к грандиозному и к блеску общего впечатления проявились на Востоке еще во времена Константина. Сперва обширность места для разраставшегося богослужения потребовала пространства перед алтарем, а затем пришлось и верх церкви сделать соответствующим обширному расположению нижних частей. Византийцы с особенной любовью останавливаются на куполе, которым венчают главный наос, заставляя впадать в его устье купола других, соседних, меньших наосов. Сосредоточие такого сооружения совмещается в эффекте общего, и только алтар-

ное пространство, устраивавшееся, конечно, в стороне, невольно отвлекало внимание, тянуло его вглубь, давало резкое противоречие с желанием строителя. Верхом всего, что создало искусство Византии, надо, конечно, считать знаменитый Софийский собор – создание двух архитекторов: Анфимия из Траллеса и Исидора из Милета. Здание было выстроено по повелению императора, которому во сне было видение, указавшее ему размеры и план постройки. Постройка его тянулась шесть лет, и на ней постоянно работало 10 тысяч рабочих. Издержки на постройку были громадны. Через 20 лет после открытия храма землетрясение повредило купол, тогда его заменили новым и укрепили контрафорсами. Храм сохранился до сих пор, обращенный в мечеть, и до сих пор производит своей внутренностью поразительное впечатление. Архитектонические формы внутренней отделки менее интересны, чем их материал. Здесь во всей красе сказался восточный блеск и роскошь. Все стены и столбы облицованы мрамором, самоцветными камнями, мозаикой самого искусного подбора и снизу доверху покры-

ты орнаментами, фигурными изображениями; золото, чудесно полированный мрамор и постоянно изменяющаяся игра светоотражения делает Софийский храм одним из чудес мира: это волшебная декорация, какая-то чудесная сказка. Это диаметрально противоположность простоте первых базилик, способная ошеломить зрителя и поразить чудесным впечатлением общего, но едва ли соответствует органическому развитию христианства.

Применение греческого огня во время византийско-арабских войн

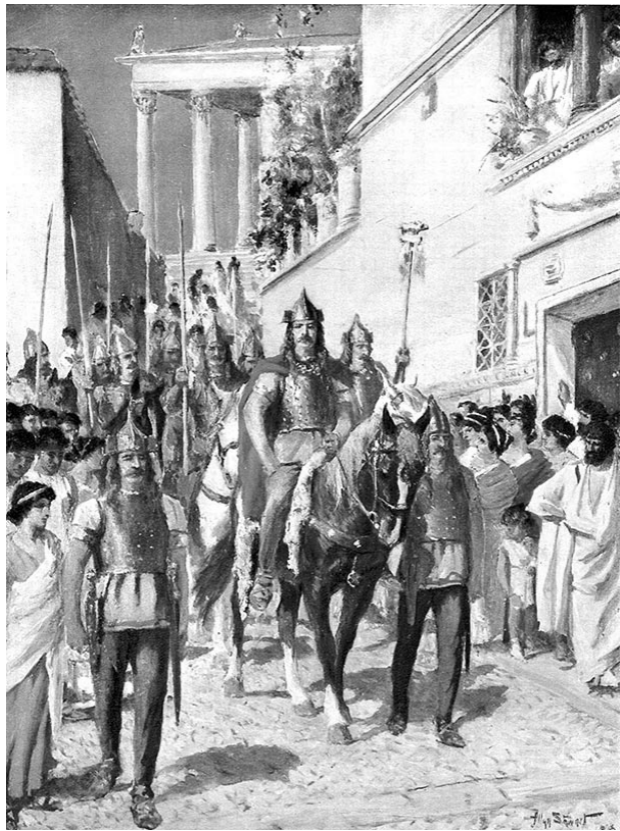
Конечно, оригинальные формы его строе-

ния появились не сразу, и предтечей их мы видим в храме Святого Виталия и в церкви Святых Сергия и Вакха. До нас не дошли некоторые постройки, служившие мотивами для деталей Святой Софии. Нельзя же предположить, что некоторые нововведения трактовали впервые при ее строительстве, это было бы слишком рискованно. Купол собора, имеющий в диаметре более 15 сажен и вершину на 23 сажени от пола, выпускает от себя на восток и на запад два полукупола, а те, в свою очередь, разрешаются к краям тремя маленькими полукуполами, опирающимися на галереи арок. В главном куполе сделано 40 окон, а под ними идет еще тройной ряд наружных окон стенных. Галереи, апсид, нартекс освещаются тоже стенными окнами очень светло и удобно. Купол кажется очень легким, потому что столбы главных арок поставлены ребром к центру и тем маскируют свою толщину. Архитекторами понято глубокое значение масштаба, и глаз сразу может делать точную оценку расстояния. Если детали храма нельзя назвать классическими, то тем не менее надобно сказать, что их взаимная гармония вы-

держана. Отсутствие игры и плосковатость общего – характерные черты всего храма. Наружное его впечатление громоздко и более смело, чем красиво; это, по выражению Куглера, нагромождение стихийных масс первобытного мира, тяжелое и массивное. Христианский культ должен был выработать нечто более простое, сосредоточенное, действующее более успокоительно на душу зрителя. Внешность храма не представляет ни одного архитектурного нового образования, хоть сколько-нибудь замечательного. На Святой Софии сказалась та черта византийского искусства, в силу которой оно ничего не выработало до конца, стало искусством этнографическим, остановившись на полдороге и апатично застыв.

Аларик, входящий в Афины. Иллюстрация. 1920

Объем нашей книги не позволяет нам останавливаться долго на искусстве Византии, множество образцов которого раскидано в юго-восточной части Европы. Отсылаем желающих к специальным сочинениям, подроб-

но трактующим о развитии деталей в Византии, укажем только на один известный собор, выстроенный на Западе в византийском стиле и пользующийся огромной известностью, мы говорим о церкви Святого Марка в Венеции, построенную в чисто византийском стиле и впоследствии измененную римскими порталами, новыми куполами и готическими вышками, совершенно заслонившими византийский характер постройки. Собор Святого Марка начат был в конце X века и окончен в конце XI. Первичный его план представляет обычный греческий крест, хотя и не похож ни на один из планов византийских церквей. Нартекс передней части собора возведен, несомненно, позже, тем более что стиль его романский; внутренняя отделка собора отличается хорошо рассчитанными эффектами и сплошь украшена мозаикой по золотому фону. Смешанный стиль всего строения придает храму очень своеобразный и далеко не безвкусный вид.

VI

В Западной Европе христианство долго имело характер чисто греческий. Даже богослужение и книги богословского содержания были писаны на греческом языке. Латинская церковь клонилась инстинктивно к монархии; сначала представители ее вели скромную жизнь, не желали присваивать себе никакой особенной власти. Иаков – брат Господень – был первым епископом Рима, и преемники его, принявшие благодать – стоят во главе хранителей Предания и Писания, не выказывали стремления к господству; но впоследствии религиозные споры, различные понимания догматов породили несогласие между главой Рима и восточными церквями. Святой Киприан на Карфагенском соборе говорил: «Мы не должны поставлять себе епископов над епископами, стремиться к деспотической власти: каждый епископ должен поступать, как он знает, как ему кажется лучше; ни он судить, ни его судить никто не может; над нами один судья – Иисус Христос».

Людвиг Тирш. Аларик в Афинах. 1894

Политическое положение и громадное скопление богатств Рима невольно выдвинуло его на первый план. Римский епископ решился не присутствовать на вселенских соборах, а посылать представителей, что было несравненно выгоднее. Епископство Рима, в силу огромных богатств церкви, сделалось заманчивым, и избрание на епископский престол вызывало ожесточенные раздоры. При избрании Дамаса в базилике Цетиньи было убито 130 человек, так как соискатели призывали к себе на помощь толпу гладиаторов и

всякой сволочи, а правительство принуждено было употребить для водворения порядка вооруженную силу. В Рим стали стекаться обиженные чем-либо в Восточной Церкви, – он стал убежищем всех партий. Учреждение монашеского ордена, который ввел в Риме святой Иероним, было необходимой мерой против безнравственности римского духовенства, во главе которого стоял Дамас. Но много лет должно было пройти, прежде чем безбрачие духовенства было признано обязательным.

Все чувствовали, что необходима одна сильная монархическая власть для ясного и определенного решения вопроса о римском первенстве и о том противоречии и разладе, которыми был переполнен синклит римского духовенства, но в это время совершилось огромной важности событие: произошло падение Рима.

Шестьсот девятнадцать лет прошло с тех пор, как чуждый враг подступал к Риму – Ганнибал, и вот теперь является Аларих. Народ смутился, его религиозные принципы пошатнулись, в голове мелькнула мысль сомнения:

полно, покровительствует ли Господь Риму, не была ли лучше религия дедов и не обратиться ли снова к ней? С согласия самого папы народ в слепом отчаянии опять приносит жертвы Юпитеру. Аларих то брал выкуп и отступал, то, в силу новых несогласий с императором, подступал к Риму, и наконец в 410 году чернь открыла изменнически врагам ворота, – и вечный город пал. Мысль о падении великого города была ужасна. Богатства его были разграблены. Аристократические фамилии пали. Но из пепла его возродился новый феникс – христианский Рим. Унижение старых аристократических родов только возвысило духовную власть, – епископ стал первым лицом в городе. Как раз в это время святой Иероним окончил свой латинский перевод Священного Писания. В то время как Восток занимался отвлеченными спорами и диспутами, на Западе церковь добывала практические результаты, – организовала духовную власть. На стороне Рима было слишком много преимуществ перед остальными церквами. Рим был слишком изолирован от контроля императорской власти, чтобы встать вровень

с епископством Александрии и Константинополя.

Язычество падало все более и более. Еще при Феодосии Великом вышел закон, по которому каждый вошедший в языческий храм Египта платил штраф в размере 15 фунтов золота. На языческие храмы Александрии смотрели как на гнездо колдовства, волшебной магии и сношения с дьяволом. Монахам и черни были ненавистны наследия Птолемея – дивный храм Сераписа, признававшийся великолепнейшим храмом не только Африки, но и всего мира. Глубокая ученость жрецов казалась ненужной, греховной. Живопись удивительного совершенства, отличные статуи – словом, прекраснейшие остатки античного мира казались отголоском идольской тьмы. Распространено было мнение, что в сокровенных покоях этого здания совершаются самые отвратительные мистерии. На портиках храма стояли блестящие бронзовые круги, и чернь говорила, что это атрибуты волхвов, которые вместе с фараоном интриговали против Моисея. Увы, чернь не знала, что эти диски служили Эратосфену для определе-

ния окружности Луны, Атихомару для определения движения небесных планет! Уверяли, что в святилище храма жрецы увлекали наиболее богатых и красивых женщин Александрии, а те воображали, что их похищают боги. При разрытии земли, для закладки христианского храма, были найдены остатки символических изображений Осириса, и их выставили для посмешища на площади. Египтяне не снесли такого поругания, и среди них вспыхнуло восстание с философом Олимпием во главе. Христиан захватывали, приводили к жертвеннику, заставляли приносить жертву и затем убивали. Тогда вышло повеление от Феодосия истребить знаменитую Александрийскую библиотеку и разграбить храм Сераписа. Удар топора повалил старого бога на землю, и кучи испуганных мышей, гнездившихся в нем, ринулись во все стороны, когда великан рухнул на землю. Масса чудес, которыми жрецы держали в повиновении и страхе народ, была разыскана законными грабителями. С огромными трудами успели разрушить чудное здание до фундамента; на его месте была выстроена новая церковь.

Александрия считалась в то время пунктом огромной важности – соперницей Византии; в ее гавани всегда толпилось бесчисленное множество судов, защищенных от северного ветра моллом в 3/4 мили длиной. Со всех сторон тянулись караваны судов и верблюдов. В центре города стоял роскошный мавзолей с прахом Александра; превосходные здания дворца, биржи, суда, храмов Пана и Нептуна, театров, церквей и синагог делали город одним из прелестнейших городов побережья. В гавани стоял знаменитый Родосский маяк, считавшийся чудом света; на одном краю города находились царские доки, на другом – цирк; далее шли рынки, гимназии, фонтаны, сады,obelisks. Позолоченные купола крыш сверкали на солнце. По улицам шли богатые христиане в платьях, вышитых изречениями из Библии, с маленьким Евангелием, висевшим на золотой шейной цепочке, с мальтийскими собачонками в алмазных ошейниках и рабами, защищавшими их от солнца большими зонтиками и опахалами. Вечно занятые евреи толковали кучами о своих делах. Язычники на колесницах ездили на лекции пре-

лестной Ипатии, дочери математика Феона, которая комментировала учение перипатетиков, неоплатоников и геометров. У ее ворот стоял всегда длинный ряд колесниц, на ее лекции собирались такие аристократические представители города, что собранию их мог бы позавидовать и сам епископ. В городе говорили, что она чернокнижница, увлекающая слушателей чарами, говорили, что она гадает по халдейским талисманам, по свету месяца на стене, по волшебным зеркалам, по жилам на руках, по звездам. Борьба епископа Феофила и Ипатии наглядно олицетворяет борьбу христианства и греческой философии.

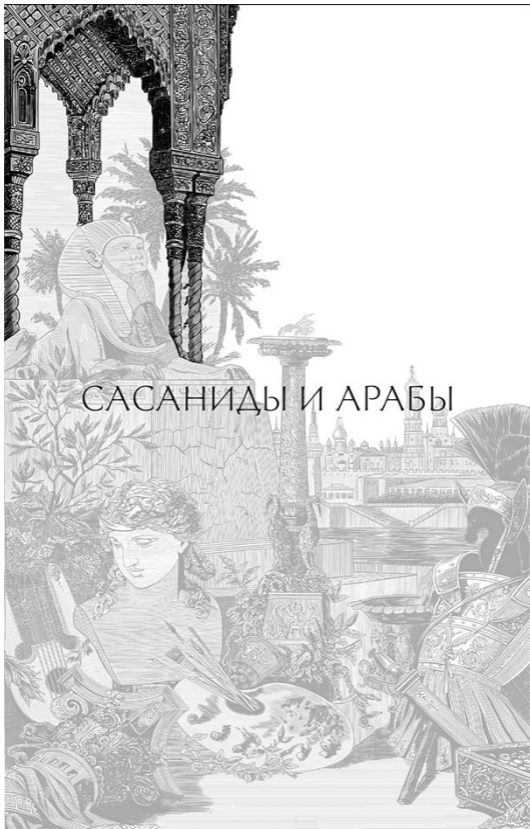
Судьба греческой науки была решена. Когда Ипатия подъезжала однажды к своей академии, толпа фанатиков напала на нее, сорвала одежды и повлекла по улицам Александрии, обнаженную, в соседнюю церковь. Там ее, испуганную и недоумевающую, чтец Петр оглушил ударом дубины по голове. Его сотоварищи разрезали ее на части и, устричными раковинами отодрав кожу от костей, швырнули их в огонь. Таким-то путем, в 414 году по Р. Х., в умственном центре тогдашнего мира

был положен конец философии, по крайней мере путем официальным.

Сасаниды и арабы Сасаниды. – Арабы. – Магометанство. – Арабский стиль. – Мавританский стиль. – Магометанское искусство в Индии

I

На развалинах древней среднеазиатской культуры суждено было в III веке по Р. Х. еще раз зацвести искусству под покровительством новоперсидской державы сасанидов. Не имея особенно серьезного значения и обширного развития, не оказав такого огромного влияния на европейскую архитектуру, какое оказывали искусства магометанское и древнехристианское, оно тем не менее интересует нас как передаточная форма, как звено, связывающее эпохи, как выражение идеи, смелой и романической. Нельзя не видеть в постройках сасанидов желания воссоздать забытую своеобразность могучих памятников

САСАНИДЫ И АРАБЫ

древних народов Средней Азии. Строгая выработка новых форм римского стиля не могла остаться без влияния на возрождение среднеазиатских идеалов; огромная техника, многообразные средства, умение владеть массажи, – так развитые в Риме, – оказали свое влияние и здесь; но восточная фантазия требовала роскошных форм и слагала архитектуру из смеси старых и новых приемов. Изнеженный стиль Византии приходится по душе сасанидам и как-то путается в их обществе; грубые формы у них как-то вяжутся с изысканной энергией и свежими порывами творчества.

Развалины Персеполя дали нам приблизительную картину развития архитектурных принципов в Средней Азии в эпоху глубокой древности. Преемники Александра Македонского образовали там империю селевкидов, потом там царили парфяне целых пять столетий, и, наконец, в III веке являются сасаниды.

Артаксеркс, уверявший, что он потомок великих персидских царей, завладел в ту пору престолом Персии и, восстановив во всей чистоте учение Зороастра, образовал крепкое,

Твердо сплоченное государство, смело противопоставившее свои силы слабейшему Риму.

Чаша с грифоном. XI в

Веротерпимость, впоследствии составив-

шая одну из черт характера мусульман, была сильна и у их предшественников, сасанидов. Цари призывали художников, мудрецов и ученых в свой дворец, без различия национальности и религиозных воззрений. На персидский язык переводится индийская и греческая литература, пишется летопись царства, которая служит материалом для знаменитого Фирдоуси, написавшего эпическую поэму «Шахнаме».

В зданиях Пальмиры сказался во всей силе стиль упадка Римской империи, так называемый барокко. Порой в сасанидских развалинах встречаются коринфская колонна и пилястры. Любя купольные постройки, они в то же время не признают парусов, которые практиковались Римом, и заменяют их нишами. Купол у них не круглый, а эллиптической формы, которая составляет первый намек на стрельчатый купол. Лепка на сасанидских зданиях давно обвалилась, а лепка внутреннего убранства, дошедшая до нас, громко говорит о византийском влиянии.

Весьма много самобытного и менее римского влияния чувствуется на постройках Фе-

руз-абада, близко подходящего к типу персеполитанских построек. В общем сооружение сухо и тяжело, двери и петли целиком заимствованы из Персеполя. Дворец Та-Кесра, в царствование Ануширвана, дает новые мотивы: полуциркульная арка свода представляет округленную стрельчатую линию огромной величины.

В Та-Кесра арка эта по своей огромной пропорции убивает все остальное, – двери и окна кажутся легкими. Зачатки романской и даже готической архитектуры здесь удивительно ясны.

Александр Великий приказывает поджечь Персеполь. Итальянская плита. 1534 г.

Когда в Европе еще и не появлялась готика, здесь уже встречаются стрельчатые окна и даже готические трилистники, правда, в грубой форме. Да и вообще царство сасанидов напоминает средневековую Европу, с ее замками, феодальной системой, рыцарями и трубадурами. Остатков пластики от сасанидов дошло до нас много. Рельефы изображают наглядно деяния и обстановку царей, служба бле-

стящими иллюстрациями к местным летописям. Аллегория и символы здесь господствуют во всей силе. Нередко здесь трактуется символическое возведение на престол победы Шапура над Римом. Общее расположение моно-

тонно, но отдельные детали и типы характерны и оригинальны.

Сухость линий, отсутствие складок, присущее первой эпохе сасанидского барельефа, впоследствии преобразовались в гораздо более жизненные картины. Одним из любимейших изображений было так называемое аллегорическое венчание на царство. Изображается оно обыкновенно так: два всадника едут друг другу навстречу, причем лошади сделаны на одной линии, едва не стучающиеся лбами; один из всадников подает венок с лентой, который принимает другой всадник; собственно говоря, трудно сказать, что обозначает этот сюжет. Скульптуру сасанидов можно поставить в параллель с кипрскими барельефами времен Константина; впадение в манерность заставляет тщательно разрабатывать детали костюмов и не заботиться о главном. Но тем не менее иные работы несравненно лучше византийских того же времени. Нередко встречаются изображения картины охот, где ловцы представлены на лошадях, слонах, верблюдах и в лодках; фигуры слонов и экспрессия движения переданы пре-

красно. Олени и кабаны, на которых совершается охота, изображены очень наглядно с ловко подмеченными движениями; местами является даже ракурс.

Михраб (Молитвенная ниша). Надпись, обрамляющая нишу: «Сказал [Пророк] (да благословит его и мир)... засвидетельствуйте, что нет Бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед является его Апостолом и Благословенным Имамом, и в законной милостыне, и в паломничестве, и в пост Рамадана, и он сказал: да благословит его и мир». Надпись в центре: «Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: Мечеть – это обитель каждого верующего». XIV в.

Сасанидская живопись хотя и дошла до нас, но, если судить по позднейшим миниатюрам рукописей, отличалась яркостью красок. Миниатюры эти обладают таким горячим колоритом, до которого далеко лучшим миниатюрам Западной Европы. Стиль сасанидов не успел выработаться до могучей, самостоятельной формы и был подавлен владичеством арабов, на которых, несомненно, ока-

بسم الله الرحمن الرحيم
 الحمد لله رب العالمين
 والصلاة والسلام على
 سيدنا محمد وآله
 أما بعد
 فإني أهدى هذه
 الرسالة
 إلى من أحببته

بسم الله الرحمن الرحيم
 الحمد لله رب العالمين
 والصلاة والسلام على
 سيدنا محمد وآله
 أما بعد
 فإني أهدى هذه
 الرسالة
 إلى من أحببته

بسم الله الرحمن الرحيم
 الحمد لله رب العالمين
 والصلاة والسلام على
 سيدنا محمد وآله
 أما بعد
 فإني أهدى هذه
 الرسالة
 إلى من أحببته

بسم الله الرحمن الرحيم
 الحمد لله رب العالمين
 والصلاة والسلام على
 سيدنا محمد وآله
 أما بعد
 فإني أهدى هذه
 الرسالة
 إلى من أحببته

зал огромное влияние.

II

Четыре года спустя после смерти Юстиниана в Мекке родился человек, оказавший огромное влияние на судьбы человеческого рода. Европейцы его прозвали обманщиком, в Азии – величайшим из пророков. Он дал арабам новую религию, упрочил в них великое понятие о монотеизме, отучил их от поклонения фетишам и от идольского культа; его вероучение отняло у христиан лучшую половину их владений, и в том числе колыбель их религии, Палестину, охватило собою всю Северную Африку, перешло в Европу, и она только чудом спаслась от его влияния.

Араб в традиционном костюме. Гравюра. XIX в.

Теология Магомета была проста: «Бог един», – этим сказано все. В отвлеченную метафизику он не пускался, он требовал нравственной чистоты – пост, молитву и милосердие. Он говорил, что каждый добродетельный человек спасется без различия религии и на-

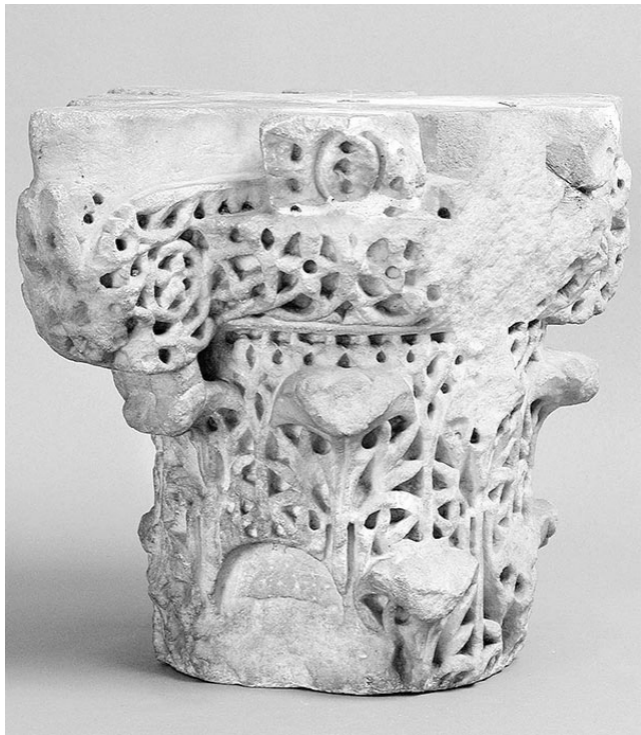
циональности. Он говорил: «Бог един, и Магомет пророк его», – это было нечто большее, чем самоуверенность и обман. Развернув теперь, более тысячи лет спустя, карту распространения человеческих религий по земному шару, мы увидим огромное пятно одноцветной окраски, захватывающее Центральную Азию, часть Сибири, всю Малую Азию, Аравию и добрую половину Африки. Притязания Магомета на имя величайшего пророка, посланника Божия, распространителя лучшей веры, оказались, таким образом, небезосновательны.

Резная слоновая кость. Около IX–VIII вв. до н. э. Фрагмент

К христианству Магомет отнесся вполне терпимо, но с понятием о Троице у него не могло составитья другого понятия, как о трех божествах, и почитание Богоматери он сводил на многобожие. Он отринул учение о безбрачии, утверждая, что взаимное сожитие – естественное состояние человека. Аскетизму, развившемуся на Западе, он противопоставляет многоженство, предоставляя его право-

верным не только в здешнем мире, но и в загробном.

Капитель. Около 960 г.

Христианство было вполне подавлено в тех самых пунктах, с которыми были связаны его наиболее дорогие воспоминания: в Палестине, в Малой Азии, в Египте и в Карфагене. Палестина была началом учения; в Малой Азии основались первые церкви; из египетской Александрии пошло первое учение о Троице; из Карфагена вера перешла в Европу.

Миниатюра из книги. Около 1430 г.

سرگوزان که روداغ دارگی
 کوس روداغ کا اودی
 انجان کورخان کور و بلوغ
 رودزی اندر شکار کا پین
 تیر که کعبه امو کور شید با
 سوز از کعبه شکار کورین
 کرگی از دور راه گمان بر

زندگی بگوشه از نهار یکی
 کردن شان زندگی بگوشه
 کورگان روداغ در سرت
 سوزش کورین بود و همان
 کا گمان از من کی شد در آن

جو تک روداغ تک رژی
 ما که ما روداغ نام سلطانیم
 در حسین کورخان کور رژی
 سوزگی در شکار کورین
 اشتر کعبه شکار کورین

کردار از او کوریدی
 نقلی آن که کور شکر که رایتم
 کور روداغ دست زور رژی
 باد ایران ان دیار کور کعبه
 کوی رودار سپهر باش
 ما نده حیران نامی سوز او
 سوی آن کرد شکار کورین

الشراب قابضه وهو مغذي للمعدة نافع لمن عسر عليه انقسام المعدة والمعدة

المترخية ولله الخما ولرب قولنج الذي يعرض فيه في الجوع ويقال انه ينفع
 في الامراض التي يعرض فيها اللوا وهذا الشراب يخرج ان عتق سيناك شبيه
 فانه ان لم تعلمه لم تنهيا ان تشرب ع ع ع ع

واما الشراب الذي يقال له الثاني ويقال له ايضا الشراب ويسمى حمر
 فانه يحل على هذه الصفة تاخذ خبز عذيقا ما عصرته لتخرج من فلقه عليه
 جلا تامر لاس بالاجل ويعصر ويطبخ حتى يذهب منه اللتان وبقي اللث ويلقى في

«Мужчины, топчущие виноград». Иллюстрация из рукописи. XIII в.

Успешное распространение магометанства мы должны объяснить тем, что христианская вера для толпы, для массы представлялась нередко в ложном свете, при постоянных пререканиях епископства из-за первенства и замене истинной религии метафизическими спорами. Всевозможные ереси опутывали страны: монофизиты, евтихиане, несториане, ариане подготовили как нельзя лучше почву для фанатического пророка и могущественного завоевателя.

Мариано Фортуну Марсал. Сидящие арабы. XIX в.

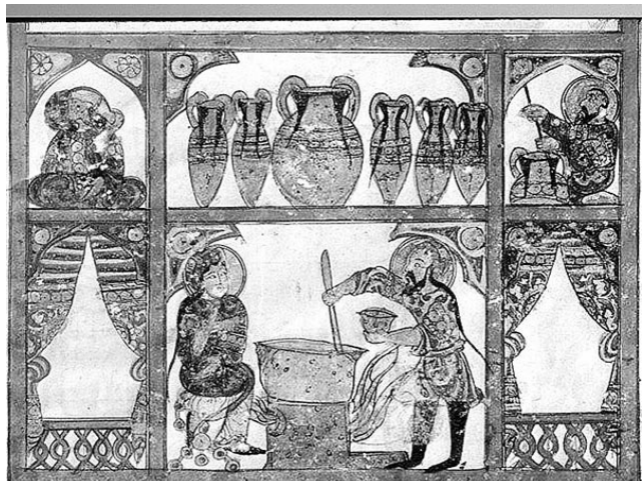
Магомет с войском до 30 тысяч человек пошел к Дамаску, но смерть помешала ему довершить начатое. Его преемники продолжали его дело, и в 638 году великий город Запада – Александрия была уже в руках магометанского генерала Амру. Арабы двинулись на запад, заняли Триполи, пошли еще дальше и вплоть до Атлантического океана раскинули

свои владения. Патриархат Александрии перестал существовать политически. Христианское влияние Африки на Европу было уничтожено. Через двенадцать лет после смерти Магомета в Сирии, Персии и Африке 4000 христианских церквей были заменены 1500 мечетей. Дамаск был взят. Знаменитый халиф Омар приехал из Медины на своем рыжем верблюде, с мешком фиников, пшеницы и мехом для воды, чтобы принять формально Иерусалим. Торжественный въезд арабов в этот центр христианства совершился, причем Омар ехал рядом с патриархом. Захватив малоазийские и африканские порты, арабы захватили этим и море. Скоро Родос и Кипр перешли в их власть; окончательное завоевание Персии довершило их военные подвиги. В первом жару завоевания арабы оказались не особенно гуманными и даже сожгли Александрийскую библиотеку; но вскоре взгляд их на ученость изменился, и, завоеывая народность, они завоевывали в то же время у них образование и науку. «Чернила ученого, – говорили они, – настолько же почтенны, как и кровь праведника. Рай равно служит помеще-

нием и для писателей, и для воинов. На четырех основах держится мир: на науке ученого, на справедливости властителя, на молитвах доброго и на храбрости мужественного». Высшие государственные должности стали замещаться людьми только замечательной учености. При дворе Аль-Мансура собрались философы самых разнородных религиозных понятий и мнений, – астрономы, математики, литераторы, доктора. Аль-Рашид издал закон, который недурно бы применять и теперь, в наше время: ни одна мечеть не могла быть построена без школы при ней. Всюду собирались драгоценнейшие рукописи, организовывались обширные библиотеки. Вся восточная торговля перешла в руки арабов. Подати с населения были сбавлены, и отяготительные поборы, производимые византийским императором, мало чем отличавшиеся от поборов Рима, были заменены арабами на легкую дань. Веротерпимость арабов влияла на подвластное им население самым благоприятным образом. Вся тягость завоевания пала на церковную иерархию, низшие же классы не чувствовали этого ярма. Безопасность отпра-

ления религиозных служб была полная, и если арабы узнавали, что христиане имели право по договору на церковь, переделанную ими в мечеть, они снова переделывали ее на церковь. Был еще другой могущественный импульс, в силу которого обращались завоеванные народы к своим победителям. Любому стоило сказать открыто основное изречение: «Нет Бога кроме Бога, и Магомет пророк его», – и он делался тотчас же равным своему завоевателю.

«Приготовление лекарства из меда». Иллюстрация из рукописи. XIII в.

Такое положение дела, конечно, увлекло многих; спустя одно поколение население уже говорило по-арабски. Последнему особенно помогло многоженство; обширные семьи, появившиеся в Северной Африке и Малой Азии, семьи, где насчитывалось до 200 сыновей от одного отца, сократили длинный ход ассимилирования, и то, что могло совершиться в течение нескольких поколений, совершилось сразу. Дети местных женщин учились у своих отцов арабскому языку, служили арабским интересам и целям; один из калифов даже официально запретил греческий язык, считая язык арабский достаточно популярным.

Арабы, так долго находившиеся в застое, внезапным толчком были сдвинуты, и их вековой квиетизм сменился каким-то фанатическим бредом. Они, не колеблясь, решались на самые смелые предприятия, на самые необузданные экспедиции. Как всегда, при таком могучем порыве нации должно было за-

цвети искусство, и притом искусство в полном блеске южного цветка, со всей фантазией чисто азиатского воображения. Арабы быстро шли вперед в умственном развитии; им нужно было бы много тысяч лет провести на месте, прежде чем они могли бы достигнуть того развития, которого они достигли в течение одного столетия. Война заставляет народность жить лихорадочнее, мысль работать энергичнее, быстрее проходить фазисы своего существования.

Сосуд, украшенный надписью с добрыми пожеланиями владельцу. Вторая половина XII – начало XIII в.

Но бесспорно, Коран, пользующийся таким успехом до наших дней, не меньшим успехом пользовался и в то время, привлекая невольно к себе сердца людей в силу того обстоятельства, что он переполнен массой действи-

тельно прекрасных нравственных поучений. Нельзя сказать, чтобы философская сторона Корана была слишком высока. Он изобилует сомнительными научными данными, по глубине философии стоит несравненно ниже произведений буддийского Шакья-Муни. Антропоморфические толкования Корана настолько образны, что в них правоверный несколько не затруднялся объяснить, что Господь Бог от венца головы до груди – пустой, а от груди вниз плотный, что у него черные кудри и он каждый час ночи рычит, подобно льву. Коран говорит, что всех этажей на небе семь, что в самом верхнем этаже живет Бог, престол Которого поддерживается крылатыми животными. Рассказы, общие в Библии и Коране, переданы в последнем несравненно хуже и прикрашены многими христианскими легендами, заимствованными из апокрифических евангелий; много есть эпизодов собственного изобретения, – и повествования об Ионе, о потопе мешаются с рассказами вроде Шехерезады, – о разных духах, волшебниках и чародеях. Но в то же время Коран переполнен чудесными житейскими правилами,

годными при каждом случае жизни. Коран чужд системы, что тоже составляет достоинство: систематический свод нравственности никогда не будет принят с такой доверчивостью, как вразброску, без системы, собранные тексты и изречения. Если у Магомета нет глубины философских идей, зато есть удивительное умение – применять к обыденной жизни духовные потребности. С течением времени учение Магомета обставилось массой дополнений и толкований, причем фантастический элемент играл роль немаловажную. Составились рассказы про духов злых и добрых, которые обладают чисто человеческими свойствами: пьют, едят и производят потомство. Душа после смерти находится в неопределенном положении: ожидая дня воскрешения, она не то витает, не то блуждает вокруг своей могилы, не то живет у какого-то источника. Перед воскресением будет идти сорок суток дождик, отчего спинной хребет покойников обрастет мясом, и все снова будут живыми. Раздадутся три трубных звука: первый звук – печали – потрясет всю землю и потушит солнце, которое перед этим взойдет с за-

пада; от второго звука – уничтожатся все предметы, кроме ада, рая и Божьего престола. Из трубы третьего ангела, который будет трубить 40 лет, вылетит бесконечное количество душ, приютившихся здесь после смерти в ожидании суда. На суде будут судить ангелов, гениев, людей и животных. Процедура эта, конечно, должна длиться очень долго, и потому полагают, что суд будет продолжаться от 1000 до 50 000 лет. Для верующих, воскресших душ, будут приготовлены белые верблюды с золотыми седлами. Нечестивые будут поставлены неподалеку от солнца, которое вновь зацветит, и будут обливаться от жара таким потом, что иные погрузятся в него по щиколотку, а отборные грешники до самых губ. На праведников будет падать тень от престола Божьего. Все судимые длинной вереницей перейдут через мост, острый как лезвие ножа, который перекинут через адскую пропасть. Грешники не выдержат этого перехода, потеряют равновесие и полетят в адскую бездну; праведные, с Магометом во главе, благополучно доберутся по мосту до рая, почва которого состоит из мускуса. Их встретят гурии и

толпы прекрасных юношей. Каждый святой получит от Бога 72 девушки и 80 тысяч слуг. Иные прибавляют к этим девам всех земных жен, но более суровые отводят для последних ад. Жить они будут на берегах рек, которые текут по дну из рубинов и изумрудов. Никто никогда не будет болен, не будет уставать, и все земные отправления будут заменены камфорной испариной.

Альфред Дедрё. Сидящий араб с лошастью. Около 1850–1858 гг.

Выше уже было упомянуто, что при взятии Александрии арабы уничтожили Александрийскую библиотеку. Халиф рассуждал так: если книги эти содержат то же самое, что содержит Коран, они ни на что не нужны, если же они противоречат Корану, то их следует уничтожить. Но этот варварский порыв завоевателей, к счастью, не привел к той нетерпимости, которую обнаружили церковные иерархии в той же Александрии и последствием которой была смерть Ипатии. Арабы восстановили опытные науки, поддержали тухнувший свет знания. Наука стояла тогда

на прочной почве опыта и еще не служила

фундаментом того средневекового направления, которое силилось превратить свинец в золото, найти философский камень, жизненный эликсир; ученые-алхимики заводили почему-то свои мастерские в мрачных подземельях (быть может, боясь подозрительной мнительности черни, считавшей их за колдунов) и там, в этих подвалах, поддерживали годами огонь, перегоняли разные снадобья через свои кубы, тигли и реторты.

Медицинская наука Греции и Александрии, получившая свое начало от Гиппократа, перешла к арабам через несториан. Последние имели связь с идеями иноземных халдейских знаний и потому наряду с медициной признавали астрологию, то есть мнение, что планеты оказывают влияние на земные события. Ворование это с особенной любовью было воспринято Европой, и величайшие люди со страхом и трепетом справлялись у астрологов насчет своей судьбы. Некромантия, то есть вызывание мертвых (наш современный медиумизм), практиковалась нередко, — и египетские жрецы вызывали в храме Исиды души умерших.

Резная деревянная панель. XI в.

Но то что теперь, для нынешних физиков, может показаться обыденным явлением, то приводило в трепет тогдашних представителей науки. Крепко закрытые сосуды, когда их держали на огне, сами собой открывались. В трубке образовывался цветной налет от бесцветных паров. Бесцветная жидкость окрашивалась в яркие цвета; пламя без видимой причины разлеталось во все стороны, причиня взрывы. Все таинственное и сверхъестественное имеет для человека свою прелесть, и халдейские толкования о мировой душе и о внутренних духах были применены для объяснения физических законов. Сила, разрывающая крепкие сосуды, из которых внезапно вылетало с треском пламя, образовывались пары, – это было признано за дух или душу материи. Все это была о материализованная высшая сила, то есть, в сущности, тот же пантеизм.

Кувшин с носиком в форме лампы. Конец XII в.

Тем не менее эксперименты, произведенные арабскими учеными, привели ко многим замечательным открытиям по химии: был найден фосфор, указан способ приготовления чистого алкоголя и серной кислоты. У докторов явилась широта взглядов и правильность понятия. Метеорологические явления получили правильную оценку. Медицинская практика, сосредоточенная у христиан в руках духовенства, пришла в столкновение с арабскими и еврейскими врачами, полнейшими материалистами, – и победа оказалась на стороне магометан.

III

Появление арабов в Европе совершилось при следующих обстоятельствах. Со времен Адриана на Пиренейский полуостров стали переселяться евреи, и скопилось их там до 50 тысяч семейств. Плодовитость еврейского населения стала серьезно озабочивать христиан – до 100 000 их было окрещено и подпало под жестокую власть католицизма. Их принуждали к соблюдению обрядов церкви, что вызывало неудовольствие. Граф Юлиан, оскорбленный к этому времени королем Родриго и желая отомстить ему за бесчестие дочери, обратился к арабам с предложением легкого завоевания полуострова ввиду начинающихся несогласий. Родриго был побежден и утонул в Гвадалквивире, а магометанское войско торжественно двинулось к северу, сдавая взятые города евреям, на которых можно было положиться и которым они были обязаны во многом. Перейдя Пиренеи, арабы двигались дальше и наконец остановились на берегах Роны. Несогласие между самими арабами остановило успех этой экспедиции. При

благоприятных обстоятельствах и энергии войск арабская армия могла бы пройти, покоря народы, вплоть до Византии. Войско вернулось на Пиренейский полуостров. Вскоре там образовался новый калифат, и Кордова стала его резиденцией.

Кувшин. Надписи: «С благо, благословением, процветанием и радостью», «С благо, благословением, радостью, счастьем и миром». XI в.

Зацвела наука. Халифы Кордовы покровительствовали ей с тем тонким чутьем и отзывчивостью ко всему прекрасному, которое было таким резким контрастом с действиями европейских монархов.

Кордова быстро изменила свой вид и достигла под управлением мавров высшей степени благосостояния. В ней было более 10 тысяч жителей и более чем 200 тысяч домов. На 10 миль вокруг горели фонари по бокам на отлично вымощенных улицах (а между тем несколько столетий спустя в Лондоне не было ни одного городского фонаря, и в Париже обыватели буквально тонули в грязи). Рос-

кошь и блеск азиатской неги были привиты арабами Европе. Их жилища с балконами из полированного мрамора, висевшими над померанцевыми садами, каскады воды, цветные стекла – все это представляло такую резкую разницу с дымными хлевами Франции и Англии, где ни труб, ни окошек не делалось.

Астролябия. Надпись: «Во имя Бога, Милосердного, Сострадательного». 1065 г.

Роскошь арабов доходила до того, что зимой комнаты нагревались теплым воздухом, надушенным в тайниках. С потолков спускались огромные люстры, из которых иные вмещали более 1000 огней. Мебель из лимонного дерева, с инкрустацией из перламутра и слоновой кости, стояла на персидских коврах вперемежку с великолепными комнатными цветами и экзотическими растениями. В библиотеке находились книги, украшенные необычайными по вкусу и изяществу виньетками, – чудеса каллиграфии, предупредившие своим появлением в свет книгохранилища пап.

Халиф Альхакем обладал библиотекой та-

кого размера, что один каталог ее вмещал сорок томов. Придворный блеск был совершенно сказочный. Приемные залы нередко выкладывались золотом и жемчугами. Число служителей дворца было более 6 тысяч человек. Собственная стража халифа, носившая золотые сабли, достигала 12 тысяч человек. Гаремные женщины были образцами красоты всего Средиземного побережья. Арабы были первые садоводы в Европе, все самые ценные фрукты были перенесены в Европу ими. В искусственных бассейнах разводили рыбу. Держали огромные птичники и зверинцы. Мануфактурное производство шелковыми, льняными, бумажными пряжами и тканями совершало чудеса. Арабы первые ввели опрятность в одежде, употребляя нижнее, моющееся платье из полотна.

Кувшин, инкрустированный серебром и украшенный каллиграфической лентой XII в.

Халифы не только покровительствовали наукам, но сами нередко были авторами серьезных сочинений. Один из них написал трактат об изящной литературе, состоявший

из 50 томов, другой написал сочинение по алгебре. Школа музыки процветала в Кордове, и

музыканты пользовались таким уважением, что знаменитый халиф Абдаррахман выехал навстречу прибывшему с Востока музыканту – Зариabu. Переводя на арабский язык, в высшей степени старательно, греческих философов, они с негодованием отворачивались от Гомера, приходя в ужас от разврата классической мифологии, смотря как на невозможное богохульство на совмещение с высшим божеством сладострастного Юпитера. Впоследствии Гомер был переведен на сирийский язык, но на арабский его перевести все-таки не решились. Поэзия и музыкальность была доведена трубадурами до замечательного совершенства. Арабские авантюристы, проникая на север через Пиренеи, заносили в варварскую Европу рыцарские нравы арабов, их роскошь и вкус к изящному. От них в Европе получили начало рыцарские турниры, страстная любовь к лошадям, псовая и соколиная охоты. Звуки лютней и мандолины раздавались не только в Кордове, но зазвучали и во Франции, и в Италии, и в Сицилии. Всюду любовная песнь сделалась любимой формой литературы, проникая одинаково и во двор-

цы арабов, и в монастыри католиков, отражаясь даже в грубом виде на песнях оксфордского духовенства. Для получения высшего образования стали отправляться в Испанию, и бывали примеры, когда воспитанники Кордовского университета делались папами. Университет был, кроме Кордовы и Гренады, и в других значительных городах, нередко под ведением ректоров-евреев, так как для арабов не существовало в деле знаний религиозных различий. Только их веротерпимость и широкий взгляд на дело могли вверить главное управление школами христианину, как это было сделано в Азии Харун ар-Рашидом. Большое внимание было обращено в школах на изучение отечественного языка, и поэтому среди арабов являлось так много превосходных грамматиков. У них были толковые словари (иногда в 60 томов), где объяснялось значение каждого слова, закрепленное цитатами из известнейших писателей. В поэзии арабов были все новейшие мелкие формы: сатира, элегия, лирика.

Курильница в форме льва Амира Саифа аль-Дунья ва-дин ибн Мухаммада аль-Мавар-

ди 577 г.

Благодаря роскоши, богатству и гибкости языка арабы ввели в свое произведение рифму. Среди поэтов выдавались женщины, иногда дочери халифов. Поэзия арабов была прямой матерью провансальской поэзии, которая, в свою очередь, создала европейскую лирику. Та любовь арабов к сказкам, которая проявилась у них в такой роскошной форме еще под степными шатрами, не умерла и здесь: у вечернего огня бродячие сказочники-поэты развертывали фантазию во всю ширь восточного воображения, и сказки «Тысячи и одной ночи» дают нам ясное понятие игривости их мысли.

Не меньшим уважением пользовалась у них история, причем существовали историки не только халифов, но и замечательных верблюдов и лошадей. Обширная торговля, морские путешествия, сношения с африканскими и азиатскими дворами, невольные приключения от столкновения со многими людьми в разных странах обставляли жизнь чисто романтическими случайностями, с постоянным

колебанием счастья в ту и другую сторону, с
насильственной смертью.

Ароматическая бутылка для масла. Конец XII в.

Было бы слишком долго перечислять всех арабских ученых, которые оставили после себя сочинения по топографии, статистике, философии, фармакопее, химии, хирургии, астрономии. Скажем только, что наши словари переполнены арабскими словами, что арабские названия до сих пор попадают на каждом шагу в аптечной кухне, что ими введены в медицинскую практику прижигательные средства и хирургические инструменты. В то время как в Европе больной прибегал к реликвиям и ждал от них чудесного исцеления, мавр полагался более всего на искусство врача. Тонкая деликатность, с которой он относился к женщине, заставила его обратить преимущественное внимание на обучение женщин-докторов. Из Индии арабы заимствовали арифметику и то удивительное счисление с помощью 10 цифр, которое у арабов называлось индийским, а у нас неосновательно зовется арабским. После сложного механизма арифметических действий над римскими и

греческими цифрами индусское счисление могло, конечно, привести математиков в восторг. Удобство его при торговых сношениях было незаменимо.

Светильник из мечети Амира Кавсана.
1329–1335 гг.

Наконец, арабам принадлежит изобретение алгебры, без которой математический анализ и бездна прикладных отраслей науки не могли бы развиться до настоящей высоты. Когда во всей католической Европе земля считалась за плоскость и учение о ее шаровидности считалось за ересь, арабы учили в своих школах по глобусу, а Альмаймон определял величину земного шара измерением градуса у Красного моря. Арабы вписали свои исследования по астрономии неизгладимыми наименованиями звезд на самом небе. Стоит взглянуть на небесный глобус, чтобы убедиться, как много было сделано ими по этой части.

Арабы, разнося во все стороны света учение Магомета, не имели никакой предварительной художественной подготовки. Им пришлось столкнуться с народностями, у которых формы искусства были уже развиты; поневоле им пришлось брать чуждые исламу, переработанные на христианский лад поздне-римские мотивы. Но разнородный материал, которым пришлось им пользоваться, обрабатывался ими в одном определенном направлении, главными факторами которого были восточная фантастичность и в то же время отсутствие живых образов фантазии. Та опухлость форм, которая так сродни восточному вкусу, позволила разыгаться их художественной мысли до самого необузданного изящества; отсутствие изображения живых форм раз навсегда сжало художественную свободу.

Сабля, инкрустирована золотом и украшена надписями из Корана. 1522–1566 гг.

Одно не противоречило другому. Безобраз-

ность магометанского искусства – прямое следствие религиозных воззрений. Отвращение от идолов исключало возможность создания какой бы то ни было животной формы. Лицеизображение Коран считает делом сатаны; подобно Моисею, запретившему изображения кумиров и всяких подобий, арабы раз навсегда отреклись от видимого изображения Бога. Евреям, с их чисто материальной подкладкой воззрения и с отсутствием какой бы то ни было художественной фантазии, такая заповедь не представляла никакого ущерба. Арабы же, как народ богато одаренный, оказались лишенными огромной отрасли искусства – скульптуры и живописи, и принуждены были ограничиваться архитектурой и орнаментом. Но зато здесь явился полнейший разгул фантазии. Полуциркулярная сложная форма арки то закручивается в упругую подковообразную дугу, то ломается наверху в виде стрельчатого свода. Стрельчатый свод получает впоследствии подковообразный вынос; линия арки формируется разнообразным сочетанием изломанных дуг. Своды перекрещиваются сводами. Над головой нависает

множество ячеек – целая сеть клеточек; тонкие колонны поддерживают огромную тяжесть; отдельные части то скручиваются и нависают, то смело летят вверх. Если нет во всем мотиве стройки одного целого, основанного на своем внутреннем законе, – зато орнаментистика, испестрившая все стены, однообразная по форме, блестящая по бесконечным комбинациям, получает решительный перевес над архитектурным целым. Нередко кажется, что все здание – только подкладка для затейливого узора и все сводится на декорацию.

Шлем. Надпись: «Слава нашему Господу, величайшему султану, благородному, могущественному кагану, повелителю шей (народов)». Конец XV–XVI в.

Магометанское искусство представляет существенное различие в плане и конструкции своих зданий, смотря по местности, куда закидывает его случай. Но как закон Корана был везде один и тот же, хотя сект было много, так и в монументальных их произведениях одна и та же художественная основа чув-

ствуется всюду. В течение многих лет искусство это проходило стадии своего развития в

связи с изменчивой судьбой самого ислама. И если оно заимствовало свои первичные формы от искусства христианского, то и последнее, в свой черед, восприняло от него новые формы и образы.

Первой задачей магометанского искусства было приурочить существующие элементы древнехристианского стиля в его византийской оболочке к своим понятиям и религиозным воззрениям. Первые храмы арабов были не вместилищем божества, как у всех народов, а просто местом для богослужения – святым домом. Их первой монументальной святыней была меккская Кааба, небольшое, обнесенное двором, неправильное кубическое здание, – примитивно грубое, напоминающее древнюю шатровую постройку чисто азиатского характера.

Часть военных доспехов (для правой ноги).
Середина XV в.

Другое подобное святилище находится в Иерусалиме, на месте дворцов Соломона и его знаменитого храма, – это известная мечеть аль-Акс. Но в плане ее уже чувствуется пря-

мое подражание семинаосной христианской базилике. Несмотря на общее сходство с византийским характером постройки, на ней уже заметно, что новый стиль начинает искать для себя новые пути; в архитраве, в форме окон и арок чувствуется много самобытности, много решительности нового направления. Рядом с ней поставленная мечеть Омара носит на себе также характер византийского баптистериума. Омарова мечеть охвачена целой группой зданий, в центре которых в мечети, под роскошным балдахином лежит Сакра – камень, на котором, по еврейскому преданию, стоял ангел, избивавший народ еврейский за гордость Давидову. Камень этот потому пользуется почетом у магометан, что пророк называл его первым из камней иерусалимских.

Затем следует отметить большую мечеть, построенную в начале VII века в Дамаске, сохранившую трехнаосную форму христианской церкви, на месте которой она возведена. Вся постройка рассчитана уже на новый, совершенно своеобразный эффект. Перед мечетью расположен огромный атриум, с колон-

надами вокруг и фонтаном посередине. На задней стороне мечети есть маленький апсид, так называемая кибла, указывающая направление к Каабе в Мекке, куда и должен обращаться с молитвой каждый правоверный. Возле находится мимбар, или кафедра для проповедей. Минареты, заменявшие у магометан колокольни, откуда сзывают криком на молитву, не отличались в то время особым изяществом украшений и были просты и примитивны.

В половине III века в Египте, близ старого Каира, появляется мечеть Амру; она тоже была переделана из базилики и замечательна по своим стрельчатым аркам, на которых ясно отражается влияние западноазиатского искусства. Но архитектурная система здесь еще не выразилась вполне ясно и отзывается, в общем, неразработанностью.

Теодор Шассерио. Сцена в еврейском квартале Константина. 1851 г.

К XII веку характер египетских построек формируется в определенные мотивы и купольные надгробные часовни, или мавзолеи

халифов, с прорезным барабаном (фонарем)

под куполом отличаются уже и декоративностью, и фантастической узорностью в линиях. Окончательная выработка каирских мечетей достигает благородной и великолепной формы в мечети Хасана, которой хотя и дана общедревняя конструкция с атриумом, но общее преобразование дает всему вид монументальный и выработанный. Позади киблы помещается могила Хасана, огромное купольное здание, а по бокам его два минарета, высочайшие здания Каира.

V

Выше было замечено, что столица Кордовского халифата была великолепно обставлена превосходными зданиями. Мечеть, поставленная при Абд аль-Рахмане, представляет полное развитие самобытности, предмет поклонения для западных стран ислама. В мечети этой ясно выказалось желание сделать ее похожей на мечеть Дамаска или аль-Акса в Иерусалиме. Весь храм состоял из четырех наосов, разделенных каждый 20 колоннами, с одним наосом в середине, который был пошире; каждый наос открывался на окруженный

портиками двор. Впоследствии мечеть подвергалась многим переделкам, ноосы были углублены еще больше, на одиннадцать колонн каждый, а потом было прибавлено еще восемь кораблей и соответственно им расширен и атриум. Колонны, подпирающие своды, воспроизведены по античным образцам среднего размера; над их капителями для выигрыша красоты утверждены столбы, связанные между собою полуциркульными сводами, основные же колонны смыкались подковообразными арками, энергично перекинутыми на весу. Повторение одного и того же мотива в бесчисленных пролетах дает само по себе декоративный эффект и чрезвычайно фантастическое впечатление. Кибла имела вид превосходно отделанной часовенки, с роскошными орнаментами портала в виде богатых листовых узоров. Максура – пространство перед самой киблой, увенчанное пестрым куполом, имело аркадные дуги, сплетавшиеся в виде зубцов. Порталы, служащие входом из атриума в храм, также были изукрашены подковообразными орнаментами.

Арабская рукопись. VI–XIV вв.

روميه

ولهم كانت خيرته البين والتميز والعهود
والمواثيق وسنه العوايه وما فيها من اخصاف
لخدمه والعدايق والمواثيق والابا ومنهم ظهر
المسيح الجسد الذي هو الله على انكوله السامح
والبركات الى الدهر الذاهر من امين
ثم ان كلمه الله لم تستط سقوطا وليس كان
من ال اسرائيل هو نسل اسرائيل ولا من اجل
انهم من ذريه ابراهيم هم جميعا بنو لا قيل له
ان يا سمح يدعالك النسل ومعنى هذا انه
ليس انا الجسد هم انا الله بل انا الموعود
حين قال لي يوعيم اني انتك في مثل هذا
الزمان ولساذه انا وليس هي فقط
بل ولد قد ايضا حين كانت روجه لا سمح
ايضا قبل ان تولد بنوها وقبل ان يعملوا صلحا
او سييه تقدمت خيرته الله انما انت تقويم

٢٥

Вся Кордовская мечеть является творением порыва эксцентричного и страстного; здесь орнаментальная художественность развилась с могучей силой, и фантастическое чувство, направленное религией в эту сторону, излилось здесь неудержимо. Вероятно, этот лес колонн, эта блестящая золотом и раскраской мечеть давали неотразимое впечатление во время магометанской службы, когда каждый наос освещался бесчисленным множеством лампад.

Арабские писатели рассказывают нам об удивительной постройке, которая, к сожалению, не дошла до нас, – о царском дворце Азоакра. Он представлял собой бесконечное количество зданий для жительства халифа и его двора, окруженных садами, украшенными колоннами, свезенными со всего света, даже из Византии и Рима. Колонн этих было до 4312; полы были в тон выложены мозаикой, потолки раззолочены, двери сделаны из слоновой кости, черного дерева и посеребренной бронзы. Тут уже встречаются изображения фигур как человеческих, так и звериных, ко-

торые были разработаны даже в самой Кордове и служили украшениями фонтанов. В одной из зал стояла статуя, изображавшая любимую невольницу халифа, и сама зала называлась ее именем.

Керамическая чаша, украшенная арабской надписью. X в.

Когда с XI века начал слабеть Кордовский халифат, на месте его стали появляться независимые княжества; децентрализация власти, конечно, повлияла на то средоточие искусства, которое всегда является при монархическом правлении. Толедо и Севилья хранят чудесные архитектурные образцы этой эпохи. Особенно интересна большая городская севильская мечеть, построенная в 1195 году, сохранившаяся до сих пор как часть нынешнего собора; в Севилье же находится «Жиральда» – четырехугольная башня, основанная в том же году; она сохранилась совершенно, кроме самого верха, пострадавшего от землетрясения. Утончения кверху башня не имеет, что придает ей замечательную энергию. Здесь господствует тот декоративный прием, при котором дают широкие поля архитектурных масс и предоставляют сплошь их покрывать орнаментами. Внутри башни устроена лестница, по которой можно въезжать до самого верха на коне. Севильский замок Алькасар, тоже кое-где уцелевший, занимает место предтечи знаменитой

Альгамбры. Здесь некоторые залы (например, зала Посланников и зала Дон Педро) замечательны исключительной прелестью и неудержимым блеском фантастического творчества.

Весь блеск мавританской жизни последнего периода мавританского владычества в Испании сосредоточивался в Гренаде, и высшей точкой, последним словом их искусства был дворец гренадской цитадели – Альгамбра. Часть этого дворца разрушена, часть дошла до нас, именно та часть, которая была жилыми покоями царя. Это обычная мавританская постройка «в туземном смысле», как выражается Куглер. Тенистые галереи открывают входы в прохладные помещения, где бьющие вверх фонтаны и журчащие каскады придают жизнь и свежесть покоям. Центром сооружения был двор Альберки, с обширным водоемом посередине; с этого двора вступали в великолепную залу, приемную, посольскую комнату, занимавшую всю внутренность крепостной башни. С другой стороны двора был целый ряд помещений с так называемым львиным двором посередине. Центр последнего занят садиком с огромным фонтаном,

поддерживаемым 12 львами, из пасти которых течет вода. Вокруг расположены залы двух сестер, зала раджей, зала суда и баня.

Весь архитектурный стиль служит для воспроизведения орнамента; тут нет необходимого пояснения каждой архитектурной формы, – каждая часть и мотив, вместо того, чтобы указать на цель и необходимость данной формы, дают только игру резьбы по дереву или гипсовую лепку. В самом низу стены опоясаны фаянсом, выше изукрашены коврами узорами, чрезвычайно разнообразными, но в то же время очень симметричными. Своды покрыты огромными ячейками, мотив которых заимствован от сталактитов. (Сталактиты – ряд выступающих одна над другою арок, напоминающих окаменелые капли сталактитовых пещер. Этот сасанидский мотив встречается в каирских мечетях и служит переходом от углов стен к своду, так называемые паруса.)

Колонны стройны и тонки, форма арок может быть уподоблена нарядно вырезанной ковровой бахrome. Определенный ритмический закон проходит весьма ясно через об-

щий эффект и выдерживает общее настроение. Игривости арок попадает в тон капитель, представляющая вид только что распустившейся цветочной чашечки, несколько расчлененной от давления сверху. Колонны удивительно тонки, но свободно несут на себе весь верхний груз. Базы не вполне удовлетворительны, иногда их нет вовсе. Фризы по стенам, притолоки у стен, окна, арки и пространство над капителями наполнены надписями и текстами прописными арабскими буквами. В орнаменте порой, что мы уже заметили, сильно проскальзывает византийское влияние. Обычный константинопольский мотив украшений в виде стебля и листьев воспроизводится сначала с незначительными изменениями, но затем листья начинают терять свой характер, лепка исчезает – остается один абрис листов, но рисунок становится более упругим, один завиток красиво цепляет другой, сливаясь в целую сеть, заслоняет и самый контур листьев и образует уже прямо восточный мотив орнамента.

Раскраска и позолота придают ему особенную оригинальность вместе с пестротой. В

кордовской мечети, перестроенной при помощи византийских мастеров, есть часто византийская мозаика и мраморные орнаменты византийского характера. В XII веке решетчатая и сталактитовая орнаментистика занимает первенствующее место, производя впечатление нередко одной раскраской, так как по выработке линий ее нельзя назвать удачной. Есть, конечно, неудачные мотивы, представляющие сплошную кашу, но есть и неподражаемо красивые. Хитросплетения геометрических линий в иных арабесках заслуживают особенного удивления; нередко математики были в то же время и архитекторами, чем и объясняется их приверженность к геометрическим комбинациям.

VI

С начала XIII и до конца XIV века Индостан делается державой афганских династий, столица которого, старый Дели, наполняется великолепными монументами массивно-энергичного характера с круглобашенной постройкой, со сквозными галереями наверху. Здесь мы видим смешение форм мавританских с браминскими, причем стиль внутренности здания не отвечает его наружной отделке. Мечети имеют вид обычной продолговатой залы, с куполом наверху, с мавританскими сталактитами вместо парусов, с киосками на углах стен. Воцарившаяся с 1526 года династия Великих Моголов покровительствует успехам индийско-магометанской архитектуры, вводит в нее персидский стиль и в конце концов создает великолепные мечети, признаваемые многими прелестнейшими зданиями в мире. Природный индийский вкус заботится о пейзажности постройки: мечеть окружается садами, строится у самой воды и эффект общего замысла усугубляется красивой посадкой куп деревьев. Побочные

постройки всегда гармонируют с целым, способствуя картинному сочетанию общего. Торжественное достоинство сооружения достигается группировкой громадных ворот и тяжелых куполов с легкими воздушными минаретами.

Резная слоновая кость. Около IX–VIII вв. до н. э. Фрагмент

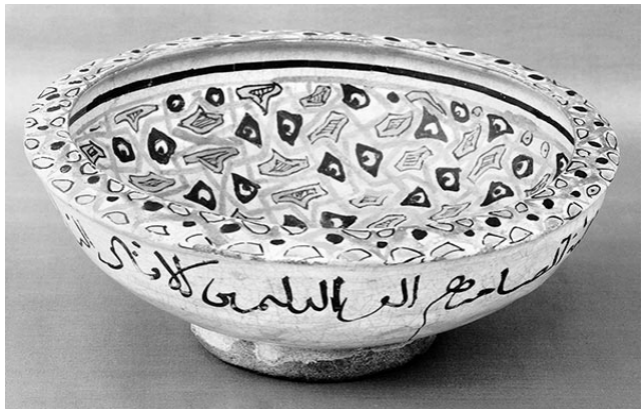
Самыми распространенными постройками Индии являются так называемые мавзолеи, или надгробные царские памятники. Мавзолеи эти возникали так: государь выбирал место обыкновенно на каком-либо живописном перекрестке за городом, усаживал его кипарисными деревьями, устраивал в саду фонтаны, обносил вокруг оградой, а посередине воздвигал купольное здание с минаретами вокруг и изящным порталом входа. Сюда, когда постройка была готова, собирался хозяин с гостями, устраивал пиршества и праздники, обращая свою будущую могилу в дом веселья; когда он умирал и его хоронили под полом в склепе, мавзолей затихал, и какой-нибудь дервиш оставался его хранителем. Здания эти

и оригинальны, и красивы. Тяжеловатость верхнего купола, в виде луковицы, выкупается прозрачной колоннадой низа. Нам, так привыкшим к этому луковичному венчанию здания, которое практикуется сплошь и рядом в России, индийский стиль кажется чем-то родным и знакомым. Родственный мавританскому стилю, он получил характер Востока, выразился в таких солидных и могучих образах, что мавританский стиль перед ним кажется блестящей игрушкой.

Размеры зданий индомагометанского стиля иногда настолько значительны, что главные купола их могут соперничать с самыми колоссальными зданиями мира. Мавзолей Магомет-шаха имеет купол в 18 сажен в диаметре, следовательно, уступающий только Святому Петру в Риме да Пантеону. Простота и ловкость, с какой архитекторы возводили такие купола, достойна самого тщательного изучения со стороны знатоков и любителей. Взаимодействие распора купола и поддерживающих арок разрешает вопрос несравненно логичнее и проще, чем могли бы разрешить наши зодчие.

Колонна носит на себе тот же азиатский отпечаток, который отличает ее от мавританской. Тонкий фуст и узенькая шейка, изящный перехват внизу и наверху, каннелюры дают возможность проследить, как формируется вкус жителей Индостана, что он заимствует у какой народности.

Чаша с абстрактным рисунком и добрыми пожеланиями владельцу Вторая половина XII – начало XIII в.

Прилагаемые рисунки красноречивее тек-

ста говорят об огромном художественном чутье зодчих магометанской Индии. Сказочное великолепие изображаемых на рисунках зданий, при колоссальных размерах, ставит их на границу чудовищной фантазии и истинно свободного искусства.

VII

Мы достоверно можем сказать, что костюм арабов-бедуинов и в настоящее время тот же самый, каким был в глубокой древности: грубые сандалии, праща, лук и копье составляют главные части его необходимых принадлежностей. Во времена Магомета – несомненно, и сам пророк одевался в высшей степени просто: носил рубаху с короткими рукавами, кожаный пояс, грубый плащ в виде мешка, головной платок с кисточками или чалму. От своих соплеменников пророк отличался тем, что спускал один конец своей чалмы на лоб, а другой на плечи. Только в народных собраниях он надевал на себя богатые дары, полученные от разных владык, от абиссинского и греческого императоров. Любимые цвета его одежды были черный, зеле-

ный, красный и белый. Но общее стремление жителей Азии к роскоши повлияло и на арабов. Побеждая, они стали пользоваться ремеслами побежденных, завели торговые сношения с Востоком и Севером, получая из Китая и Индии редкие материи и ткани, из России меха, из Африки шкуры, павлиньи перья, слоновую кость, из Испании золото и драгоценные камни. Чтобы судить верно о типе мужской одежды у испанских мавров, стоит посмотреть в мелкие изваяния гренадского собора, на которых изображен обряд крещения арабов. Они изображены в длинных куртках, подпоясанных поясом, узких шароварах, шапках и кожаных полусапогах. На плафоне судейской залы Альгамбры, который, вероятно, был писан христианскими художниками после изгнания мавров, изображены разные жанры, действующими лицами которых являются и мавры, и христиане. Представители власти, судя по этим изображениям, носили по несколько одежд и тем отличались от низших сословий. На голове они носили чалму, которой голова обертывалась очень искусно, а концы иногда распускались по плечам.

Сверху надевали плащ с капюшоном, заимствованный, вероятно, у римлян. До какой бы роскоши ни доходил костюм, щегольство ограничивалось дороговизной ткани, а отнюдь не фасоном. Главное щегольство составляли частые перемены дорогих одежд при торжествах. Переменяли их иногда до семи раз. Мужчина заботился более всего о своих волосах и о своем оружии; из украшений носил только перстень, остальное предоставив женщине. То уважение, которое народы Востока имеют искони к мужской бороде, было утверждено Магометом, и всякое поругание ее считается самым ужасным оскорблением. Зато голову магометане, за немногими исключениями, стали брить, оставляя только пук волос на макушке. Перстень, украшенный одним сердоликом, обыкновенно носили на правой руке, а иногда на шнурке на груди. Арабы застали искусство выделки оружия на высшей степени совершенства. Первая в мире дамасская сталь была известна в глубокой древности, и им осталось только позаботиться насчет внешней отделки оружия. Нанесение узоров по стали, так называемое демас-

кирование, увеличило ценность оружия, и в скором времени испанское оружие приобрело такую же громкую известность, как и азиатское. Завороженное оружие было не чуждо арабам-фаталистам, и носить его для неуязвимости было делом обычая, которым не пренебрегал сам император Константин.

Ваза. Надписи: «Слава Аллаху» и «Хвала Аллаху». Конец XVII – начало XVIII в.

До высшей степени совершенства доведено было взнуздывание и седлание лошадей. Любовь араба к лошади, чуть не боготворение ее, заставила прибегнуть к изобретению металлической арматуры, которая охраняла бы коня во время боя. Полевыми знаками во время похода были знамена. Первое знамя образовалось из распущенной чалмы, прикрепленной к копьё одним из полководцев пророка. Священное знамя Магомета было совершенно белое, его полевой значок – черный. Прочие знамена войска были сделаны из покрывал жен и украшены надписью: «Нет Бога, кроме Бога, а Магомет – посол Божий».

پس روح فدویں سے ملا
لے روح پیمانہ فی الملک
ملکوت پیمانہ فی العرش
لقدرة و الکلیب لرب الحبر و
انزل منی من لامنار کا و ا
المنزل لرب اخیلمنی مثل

Страница с текстом молитв на арабском и персидском языках из книги, скопированной Мухаммедом Ашрафом аль-Радхави. 1069 г.

Арабская женская одежда представляет узкий хитон, не вполне достигающий до ступней, поверх которого надета другая одежда, несколько покороче, а поверх всего набрасывалась накидка, спускающаяся с головы и драпирующаяся складками от переда назад; ноги были одеты в полусапожки и шаровары. По закону Магомета требовалось больше всего, чтобы женщины были покрыты, кроме пожилых особ, которым уже поздно вступать в брак; покрывало должно было быть спущено не ниже ворота рубашки, нога не должна обнажаться. Костюм женщины доведен был во времена халифатов до удивительной роскоши, так что у дочери одного халифа было 30 тысяч шелковых тканей.

Туалетные принадлежности и украшения пользовались у арабов не меньшим успехом, как и теперь. И до сих пор богатые носят золото и драгоценные камни, а недостаточные классы – серебро, латунь, цветные стекла. И в

старину мавританки отдавали большую дань уважения всевозможным втираниям и румянам. Они чернили порошком брови и веки для придания глазам блеска и огня. Раскрашивали руки и ноги, иногда одни ноги, иногда пальцы, ладони и ступни. Натуральный цвет волос и густота их считались, конечно, высшей красотой. С боков завивали длинные локоны, спереди волосы подстригались коротко; иногда все количество волос на висках заплеталось во множество косичек. Косички спускались за спину, и в них вкручивались шнурки, украшения из листового золота, золотые пуговики, колечки. Кольца носили не только на руках, но иногда и в носу.

Что касается утвари, то едва ли дошли до нас образчики чисто арабского происхождения. По аналогии мы можем, впрочем, дать довольно верное заключение о той технической форме, которая преобладала в этой отрасли искусства. Отсутствие понимания форм заставило смотреть араба на утварь как на необходимую принадлежность, а не как на произведение искусства. Невозможность, в силу предписания Корана, изображать чело-

веческие и вообще животные формы сообщила всей их утвари некоторую сухость и внешнюю пестроту. Отсутствие меры в искусстве заставило его впасть в вычурность и удалиться от классической простоты античного искусства. Сосудовая индустрия процветала у арабов, причем нередко кроме благородных металлов употребляли бронзу, латунь, медь, иногда стекло. Превосходное умение отделять металлы сказалось на сосудах во всей силе. Отделка у них не всегда гармонирует с формой, и нередко сосуд имеет декоративный вид: выставляется напоказ как убранство.

Чаша с изображением гепарда XI–XIII вв.

Арабская мебель, как и у всех кочевых народов, в сущности, ограничивается одним ковром, которым покрыт пол, и диваном. Собственно «диван» назначается для сидения и состоит из кирпичной лавки, которая идет вдоль каменных стен; сверху кладется тюфяк, кроется ковром, кладется валик с кистями вместо подушки, и представляет с внешней стороны вид весьма схожий с общеупотребительными в настоящее время турецкими тах-

тами. Восток не любит стульев, и едва ли они были у арабов. Постель состоит из тюфяка, покрытого простыней, причем летом кладется другая простыня, которой покрываются, а зимой ватное одеяло. Сверху укрепляют занавесь от комаров и вампиров. Наутро тюфяк

свертывается и прячется в чулан. Столы тоже не есть необходимая мебель на Востоке. Употребляются небольшие столы для письма и маленькие подставки в виде многогранных тумбочек, пестро раскрашенных.

Иногда Восток придумывал самые нелепые, невозможные предметы роскошной обстановки, которые именно ввиду этой нелепости с любовью заимствовались европейцами. В Багдаде находился трон, о котором стоит упомянуть; слава о нем была так велика, что император Феофил (Византийский) поручил математику Льву соорудить для себя совершенно такой же. До нас дошло описание этой нелепости, которой уже владел Константин Багрянородный.

Ваза, украшенная надписью: «Слава и процветание». Конец XII – начало XIII в.

«Перед царским троном, – описывает один из представлявшихся этому императору, – находилось вызолоченное дерево, на ветвях которого сидели вызолоченные птицы и пели соответствующими голосами. Перед троном, словно на страже, стояли золоченые львы, ко-

торые били хвостами по полу, издавали рев, разевая пасть и шевеля языком. Меня ввели два евнуха в тронную залу. Как только я вошел, львы зарычали, птицы зачирикали. Я не испугался и не удивился: я уже был предупрежден об этом через сведущих людей; после того как я, поклонившись в третий раз земным поклоном, поднял голову, царь оказался почти на потолке, тогда как при моем входе он сидел очень невысоко; и платье на нем уже было другое; как это случилось – понять не могу, но полагаю, что его подняли кверху посредством такого снаряда, который практикуется при выжимании винограда. Царь в это время ничего не говорил, да если бы хотел, то едва ли бы это было возможно ввиду той высоты, на которой он находился».

Вообще роскошь царских приемов у арабов достойна замечания и полна того же сказочного комфорта, который им был присущ. При торжественных приемах послов халифы умели устраивать самую пышную помпу; по обеим сторонам дворца расставлялось войско в числе ста шестидесяти тысяч; у входа стояли высшие сановники, невольники с золоты-

ми перевязками, усыпанными драгоценными камнями; далее следовали четыре тысячи белых евнухов и три тысячи черных. Число стражей-привратников было до семисот. Тридцать восемь тысяч больших стенных ковров украшали дворец. Сто львов ходило на золотых цепях по комнатам, а в приемной зале восседал халиф на том троне, который так понравился Феофилу.

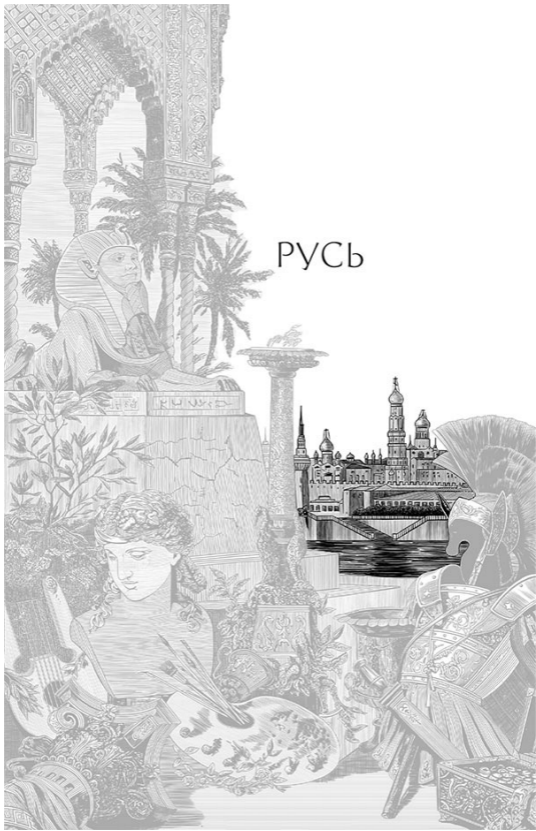
Ниже мы увидим, что влияние мавров на европейское зодчество было весьма значительно. Теперь же мы должны перейти к истории процветания искусства у нас.

Русь
Влияние на славян Византии
и Грузии. – Киев. –
Владимир. – Суздаль. –
Москва. – Иконография. –
Одежда

I

Наиболее точные сведения о славянах мы встречаем у арабских писателей Масуди и Ибн-Фадлана. «Велика их область, – рассказывают они о болгарах, – от Византии до земли их 15 дней пути, а сама страна тянется на 20 дней пути в ширину и на 30 в длину. Она окружена колючим плетнем с отверстиями в виде окон. Они язычники; у них нет письменности. Их кони на свободе пасутся по лугам и употребляются только во время войны; а кто сядет на лошадь в мирное время, того предадут смерти. У них нет ни золотых, ни серебряных монет: разменной платой служит скот – коровы и овцы. Они ездят в Византию для

РУСЬ

продажи девиц и детей. Если раб у них в чем-нибудь провинится и господин хочет его бить, раб сам ложится перед ним, и если встанет, прежде чем кончится экзекуция, его убивают».

Никопольская ваза IV в. до н. э.

«Никогда мы не видели, – пишут они о руссах, – людей более стройного телосложения, – они высоки, как пальмы, румяны, волосы у них рыжие. Мужчины носят одежду на одном плече, так что правая рука всегда остается свободной. Женщины носят на груди ящичек и нож на кольце, золотые и серебряные цепи, бусы и кораллы. Руссы – самый нечистоплотный народ; когда они приходят на своих судах в иноземный торговый пункт, их живет человек десять или двадцать вместе, в одном доме, в одной комнате. Они плохо моются; едят хлеб, мясо, чеснок, молоко и мед. У них есть свой бог – чурбан, перед которым они простираются на землю и говорят: “Господи, издалека пришел я, привез столько-то и столько-то рабынь и мехов; молю тебя послать мне покупателя богатого, который бы

на чистое золото и серебро купил у меня, не торгуясь, товар мой”. Когда дела его идут хорошо, он приносит жертвы маленьким изваяниям вокруг главного идола, говоря: “Это нашего бога жены и дети”. Он вешает в благодарность на колья головы овец и быков, за ночь их съедают собаки, а наутро русс радуется, что бог покушал, говоря: “Благоволит ко мне господь, он принял мою жертву”. Если поймают у них вора, его вешают на прочной веревке на дерево и оставляют висеть, пока ветер и дождь не размоют разложившийся труп».

«Нерушимая стена». Запрестольный образ Софийского собора в Киеве

Жили славяне селеньями из бревенчатых изб, обнесенных частоколом, поклонялись старым, разбитым молнией деревьям, полагая, что это местопребывание Перуна. Они совершали иногда человеческие жертвоприношения. «Совершив возлияние вином на головы жертв, – говорит Геродот, – их зарезают над сосудом и кровью их обливают меч». Тот же историк уверяет, что скифы пьют кровь

первого убитого ими врага; скальпы вешают на уздечку, а кожей обтягивают колчаны.

Промыслы и ремесла, процветавшие среди славян, направлялись по преимуществу для удовлетворения собственных потребностей. Они пряли грубые ткани, дубили кожи, добывали металлы, но нельзя сказать, чтобы уходили далеко в этих занятиях. Описание художественного устройства славянских храмов и идолов не может быть признано достойным веры, хотя несомненно, что славяне были весьма искусны в резьбе по дереву.

Благовещение. Мозаика Софийского собора в Киеве. Фрагмент

В 1831 году в Керчи была найдена так называемая куль-обская ваза, сделанная из золота, на которой, бесспорно, изображены жители славянских земель, исполненные греческими художниками с большим тщанием; на ней мы ясно видим стародавний костюм скифов, их тяжелые щиты и колчаны, их короткие рубахи, подпоясанные ремнями, их длинноволосые, славянского типа головы. На другой, так называемой никопольской, вазе, сде-

ланной из серебра, есть не менее интересные подробности и сцены. На куль-обской вазе трактуются военные сцены: разговор двух воинов, перевязка ноги и операция зубного врача, вероятно, имеющая также отношение к военным подвигам пострадавшего. Никопольская ваза изображает сцены дрессирования степных лошадей и, следовательно, скорее подходит к изображению жанра; и тут волосы у мужчин длинные, верхние одежды – подпоясанные, укороченные сзади, удлиненные спереди. Фигуры лошадей очень жизненны, не имеют классической условности; особенно хороша лошадь уже оседланная. Зимой скифы ходили в теплых кафтанах, опушенных мехом; богатые кафтаны и шаровары расшивались золотыми бляхами, расположенными в виде узоров; предводители носили золотые венцы, а на шее гривны, то есть толстые, литые из золота обручи с застежками сзади, иногда в фунт весом. Вооружение их состояло из короткого меча, лука и стрел. Иногда носили броню из железных пластинок, нашитых на одежду, остатки которых находят при раскопке могил. Конечно, нельзя

с точностью сказать, каков именно был костюм первобытных обитателей Руси. Но наш примитивный сельский наряд, состоящий из грубой рубахи, лаптей и затрапезного сарафана, конечно, представляет ту же несложную форму одежды, какая практиковалась тысячу лет назад. Одежда парфян, изображенная на знаменитой Траяновой колонне, имеет огромное сходство с нашей теперешней простонародной одеждой. Овчинные тулупы, валенки и рукавицы, конечно, практиковались и в глубокой древности, равно как и душегрейки, надеваемые поверх сарафана. Наш кокошник – убор чисто восточного происхождения, конечно, был разнообразен до чрезвычайности, что зависело от местности.

Собор Сошествия Святого Духа в Новгороде

На Траяновой колонне есть отдельные изображения жилищ даков, несомненно представляющие общий тип славянских построек. Это наши обыкновенные избы, иногда высокие, двухэтажные, иногда низенькие, со стеной, окружающей город, и с шестами на стене, на которых красуются головы, вероят-

но, убитых врагов.

Царский головной убор XI в.

Каменные массивные постройки, практиковавшиеся в Риме, конечно, представляли резкий контраст с теми плетушками, обмазанными глиной, вроде тех, в каких до сих пор живут малороссы. Но на всех изображениях домов даков видно, что крыши были деревянные, что дома были строены прочно и приземисто.

Характер наших первых каменных построек был чисто византийский, и наше искусство непосредственно из Греции почерпнуло первые мотивы стройки. Христианство, начавшее проникать в нашу южную окраину, несомненно, еще ранее эпохи Аскольда и Дира, при Святославе получило право гражданства в силу того, что мать князя – Ольга переменила языческую веру на православную. Владимир, внук ее, осознав свою силу и могущество по отношению к Византии, решился на официальное принятие христианства. Огромные торговые выгоды, которые представляла дружба с Византией, разумеется, имели большое влияние на мнения тех десяти избранных, которые были отправлены

князем в иноземные края для рассмотрения вопроса о том, какая вера лучше.

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице в Новгороде

Рискованное чувство религиозности, которого надо касаться более чем осторожно, во-

прос, быть может, самый щекотливый из всех вопросов душевного строя человека, был предоставлен на разрешение выборных. Если впоследствии на Владимира христианская вера повлияла самым благотворным образом, то, несомненно, до своего крещения он действовал для приобретения новой религии совсем по-варварски, хотя и с соблюдением собственного достоинства. Приверженность к старым богам встретила сильную оппозицию со стороны народа, так что веру пришлось водворять мечом и огнем. Но отсутствие обширного, помпезного богослужения у восточных славян (у западных идолослужение было поставлено на более широкую ногу) немало способствовало сравнительной легкости введения внешних религиозных обрядов. Впрочем, домашние боги славян составляли их мир и не уничтожались с введением христианства. Чуть не 1000 лет минуло с тех пор, а доселе и домовые, и стрибоги, и даждбоги, и олицетворения громовой тучи в виде бабы-яги, и водяные нимфы, русалки царствуют во всей силе.

Истребив идолов и капища, Владимир призывал из Византии мастеров и архитекторов, под руководством которых стали воздвигаться церкви. Вся церковная утварь, обстановка, весь стиль строительства, вся живопись и орнаментистика целиком были византийские. Никаких уклонений в сторону от разположенного канона не дозволялось. И как греки непреложно вводили свой устав, так и вновь обращенные христиане действовали неукоснительно в этом направлении. Пантеон богов, этот наглядный образчик индифферентизма Рима, был немыслим в христианстве, и искусство в широком смысле, служившее для воздаяния почестей и для олицетворения всевозможных богов и полубогов-героев, сузилось до одной цели – церковного богослужения. Все выходящее за пределы этого круга считалось поганым, языческим.

Тайная вечеря. Мозаика Софийского собора в Киеве. Фрагмент

Меценатствующий Рим, смотревший на

искусство как на дело рабов, плебеев, как на нечто недостойное высшего класса общества (взгляд, не чуждый и нам еще в недавнюю пору), довел искусство своими извращенными понятиями до совершенного упадка. Византийцы, восприняв его, по инерции покатились под гору, переработав, конечно, по-своему то немногое, что было им нужно.

Христианские храмы, появившиеся в VI веке, были так близки к языческим постройкам, что иные здания мы не возьмемся определить: христианские они или нет. Распространяясь все шире и шире, византийское искусство оказывало свое воздействие и в Испании, и в Азии. Мы видели, что даже мавританский орнамент обязан Византии своим происхождением. Новая вера, распространявшаяся в языческих странах, пропагандировала византийский стиль, и он гораздо более обязан этому обстоятельству, чем своей внешности и привлекательности форм, что сделался повсеместным. Каждая национальность, если только она имела в себе какие бы то ни было архитектурные вкусы, варьировала Византию по-своему, сообщая более или менее

оригинальный вид постройкам.

Когда христианство было перенесено на восточные берега Черного моря, византийцы пришли в столкновение с армянами, имевшими до тех пор сношение и с Римом, и с сасанидами. Восприняв христианство и возводя храмы, армяне действовали под влиянием и сасанидов, и византийцев, и крестоносцев. Внутренний план армянской храмовой постройки – тот же византийский, сводчатый, с куполом посередине. Нартекс и галереи для женщин здесь почти никогда не воспроизводились. Общее очертание не любит выступов, довольствуется прямолинейностью. Наружность отличается сомкнутостью и не лишённой оригинальности простотой. Многогранный конус является любимым мотивом. Узкие, высокие трехгранные ниши, многогранные пирамиды вместо купола – вот отличительные черты грузинской архитектуры. Многогранность эта заставляет ее сильно отходить от Византии, дает чувствовать свое восточное влияние.

Собор Вознесения в Новгороде

Тонкие колонки, украшающие наружные стены, детали и орнаменты оригинальной отделки сильно напоминают резьбу на дереве, которая, по всем вероятностям, была присуща издавна Малой Азии. Подковообразная дуга арки напоминает мавританскую декорацию и еще яснее говорит о Востоке. Капители и базы колонн хотя по рисункам и имеют родство с византийскими, но по общему характеру сильно уклоняются к Востоку. Тупая арка сасанидского искусства в Армении до того заострилась, что перешла к готическому стилю.

Столицею Армении считался Вагор-Шабат, находившийся неподалеку от теперешнего Еревана. В начале IV столетия здесь появляется Эчмиадзинский монастырь, служащий и теперь резиденцией патриарха. Основателем его считается святой Григорий, просветитель Армении, обращавший здесь своими чудесами язычников в христианство. Нетленная рука его хранится до сих пор в Эчмиадзинском соборе. Древний собор построен из местного красноватого камня, и на нем чувствуется много разных влияний. По плану своему собор представляет господство византийского

стиля, хотя стены расписаны в недавнее сравнительно время – в прошлом столетии. Самобытный армянский стиль выразился особенно в памятниках Ани, города, бывшего столицей в эпоху самостоятельности Армении. Собор в Ани дает самое ясное представление о характере армянского стиля. В общем чувствуется родственность романо-готическому стилю, и при взгляде на него кажется, что мы перенеслись на Запад. Внутри армянские церкви богато отделаны рельефными скульптурами сасанидского образца и фресками византийского.

Фресковая живопись Древнего Новгорода.
Фрагмент

Вкуса и изящества в армянской архитектуре, пожалуй, больше, чем в византийской, хотя в ней нет той грандиозности, которая поражает нас в иных памятниках зодчества Византии. Мы увидим ниже, что Армения действовала на нас: многогранный купол, не чуждый нашему стилю, несомненно, занесен оттуда.

III

До нас не дошли киевские церкви первичной эпохи, времен Ольги и Владимира: частью они сгорели, частью погибли от татар.

Летописи упоминают о церкви Святого Ильи, бывшей в Киеве при Аскольде и Дире; говорят, что при Ольге были основаны церкви Святой Софии и Николая. Владимир, приняв крещение, построил на том месте, где стоял идол Перуна, церковь Святого Василия, имя которого он получил при крещении. Одновременно с ней он заложил Десятинную церковь, главным смотрителем за работами которой был Анастас Корсунянин. Великий князь решил отдавать ей десятую часть своих доходов на вечные времена и сделал запись, по которой налагалось проклятие на каждого, нарушившего это постановление; отсюда и получилось название церкви Десятинной. Вся утварь была привезена из Греции и Корсун; внутри она, вероятно, была отделана мрамором, яшмой, кафелями, мозаикой и фресками. При разграблении Батыем Киева она была разрушена. Издавна пользуясь глубоким почитанием богомольцев как усыпальница князя Владимира и его супруги-гречанки, она при первом удобном случае, конечно, должна была быть восстановлена, что и было исполнено в XVII веке Петром Могилкой. Впослед-

ствии, придя в ветхость, она была скрыта, и теперь на ее месте поставлена новая обширная церковь, не имеющая никакой связи с прежнею, – очень неуклюжая. Даже старый фундамент скрыт, – и какое бы то ни было изучение древнего плана теперь стало немыслимо.

Успенский собор во Владимире

Самым древним, дошедшим до нас памятником XI века нужно, бесспорно, считать Святую Софию, построенную великим князем Ярославом. Стены Святой Софии словно каким-то чудом дошли до нас со всеми их мозаиками и фресками. Два раза Святая София горела, Батый разграбил все, что можно было разграбить, выбросив даже из могил кости великокняжеские. Долгое время в XIV веке она стояла в запущении, без крыши, с обрушившимися стенами, с развалившейся западной стороной. Надстройки и пристройки совершенно изменили наружный вид собора, но превосходная кладка и материал Ярославовой постройки – гранит, шифер и мрамор сохранили алтарную часть собора и до сих пор в том же виде, в каком она была при Яросла-

ве. Девять апсидов образуют алтарную стену

собора и принадлежат отчасти к первой постройке; контрфорсы, в числе шестнадцати, подпирающие стены, разумеется, пристройки позднейшие. Мы не можем судить, каковы были древние купола, но безобразные луковичи с удлинненными шеями, во всяком случае, не имеют даже отдаленного сходства со своими предшественниками. Печать немецко-польской безвкусицы XVII века отразилась на внешности Святой Софии самым пагубным образом; и если бы не мозаические украшения, о которых упомянуто выше, храм этот имел бы для нас столь же мало значения, как и Десятинная церковь. Главной драгоценностью собора следует считать так называемую Нерушимую стену – колоссальную византийскую мозаику, изображавшую Божью Матерь на золотом фоне. Величина фигуры Богоматери семь аршин; находясь над алтарем, несмотря на темноту и отдаленность, она ясно видна по своим размерам отовсюду и производит неотразимое впечатление. Ниже Богородицы идет два ряда мозаик, из которых в верхнем ряду изображено причащение апостолов во время Тайной вечери, а в нижнем

изображены отдельные фигуры святителей и архидьяконов. В других местах собора мозаика повысыпалась, но тем не менее все же до нас дошли изображения архангелов, мучеников и Богородицы. На всех образах Пресвятая Дева изображена в голубом хитоне, с поручами, с фелонью на голове. Голову окружает нимб, олицетворяющий солнце, исходящий свет. Все фигуры несколько удлинены, движение рук несколько деревянно, складки условны, но благородство очертаний в изображении лиц, особенно на картине Благовещения, замечательно.

Собор Рождества Богородицы в Суздале

Святая трапеза (Тайная вечеря) трактована совсем по-византийски и отличается совершенной условностью. На столе, покрытом красной с золотом материей, помещаются крест, диск, копьё, а надо всем этим возвышается сень на трех подставках; по бокам стола стоят два ангела в белых одеждах с рипидами в руках; и слева и справа изображено по шесть апостолов, которые делают движение по направлению трапезы; навстречу им, как с

той, так и с другой стороны, изображен идущий Христос; оба изображения Христа очень похожи, и разница между ними самая незначительная: с одной стороны Он преподает Тело, с другой – Кровь. Апостолы сделаны чрезвычайно однообразно, ближайшие протягивают к Христу руки за Святыми Дарами.

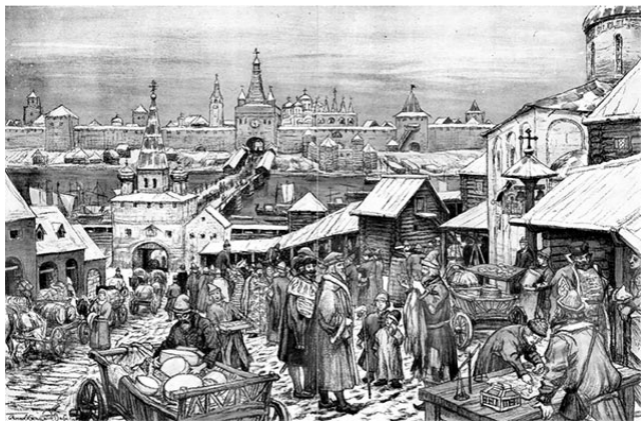
А. М. Васнецов. Постройка первых стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 г.

Наряду с мозаиками до нас дошли фрески,

несомненно, той же эпохи с теми же археологическими атрибутами, которые мы замечаем в мозаике, с той же изломанностью постановки фигуры, с той же сухостью общего. Многие фрески представляют для нас неоценимый материал, изображая сцены светского содержания, всевозможные княжеские забавы: игры, охоту, танцы, музыку. Дошла до нас вся эта живопись по той счастливой случайности, что была закрыта штукатуркой, безобразно расписанной в различные эпохи. В 1842 году первые фрески были открыты из-под этой обложки и по желанию императора Николая возобновлены по возможности; всех фигур на фресках насчитывают более трехсот, многие из них писаны во весь рост, некоторые по пояс и притом в очень крупных размерах: несколько менее человеческого роста.

Из той же старинной эпохи дошла до нас замечательная гробница, заложенная в стене Софийского собора и представляющая саркофаг Ярослава с византийскими орнаментами; тут красуются обычные византийские аллегии: пальмовые ветви, рыбы, голубки, кресты и розетки. Гробница сделана из белого мрамора.

ра и состоит из двух частей: нижнего четырехугольного ящика и кровлеобразной двускатной крышки; по углам находятся римские акротерии – узорчатые многоугольники. При открытии Десятинной церкви были найдены такие же мраморные саркофаги, не то княжеские, не то знатных бояр. Саркофаги эти были проще, чем только что описанный, и украшены по преимуществу только крестами.

А. М. Васнецов. Новгородский торг

В начале XII века великий князь Святополк-Михаил заложил церковь Святого Михаила с обычным типом Византии и тремя апсидами. Мозаики, которыми был внутри собор украшен, многие считают копиями с мозаик софийских, да и сам храм сходен по плану и внешним формам с матерью киевских церквей. В Михайловском храме (теперь Златоверхо-Михайловском монастыре) есть изображение такой же Тайной вечери, как только что нами описанное, но сохранившееся несколько хуже. Киево-Печерская лавра, построенная в конце XI века, не отличается в настоящее время особенной древностью, и мы знаем о прежней обстановке ее только по преданиям. Киево-Печерская лавра явилась первым русским монастырем, так как Михайловский построен был греками. По выражению Нестора-летописца, Киево-Печерская лавра поставлена не богатством, а постом, слезами, бдением и молитвой. Каменная церковь, начатая Феодосием лет за 150 до нашего вступления Батыя, по блеску постройки, вероятно, соперничала с Софией. Отзывы современников о соборе этом самые восторженные; к со-

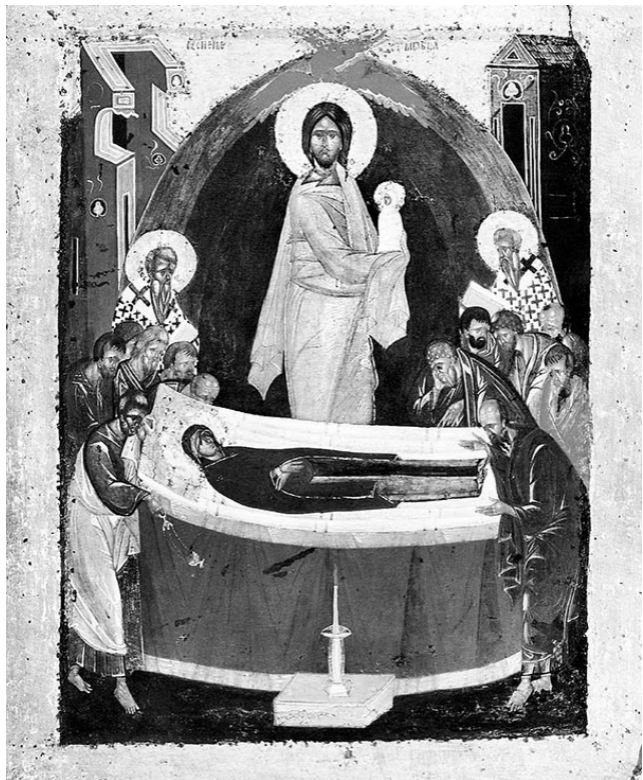
жалению, до нас не дошло никакого рисунка или чертежа этого дивного Успенского храма. Предание говорит, что Сама Богородица дала размеры этого храма, Сама прислала мастеров из Византии, явившись им в видении и дав им местную икону и мощи для основания. Икона эта хранится и до сих пор над Царскими вратами Печерской обители. Строители, пришедшие на этот чудный зов из Византии, совершив свою миссию, не пожелали возвратиться обратно на родину, а, потрудясь много лет над созданием храма, приняли в нем же иночество и погребены в притворе. Нестор говорит, что в его время еще хранились бумаги этих мастеров и вещи.

IV

По мере того как выросло торговое влияние Новгорода, город украшался, его концы застраивались, на всех улицах вырастали церкви, и наконец потребовалась большая постройка собора, который мог бы служить центром религиозного поклонения. Для этого были выписаны, опять-таки из Византии, мастера, обыкновенные ремесленники, усвоившие на практических постройках общие законы архитектуры однотипного рода церквей. Выстроив Святую Софию, они в свой черед дали образец новгородцам для дальнейших сооружений. Конечно, вместе с этими мастерами пришли в Новгород и живописцы-писари.

Феофан Грек. Успение. Икона. 1392 г.

До нас не дошел Софийский новгородский собор в том виде, в каком он явился в XV столетии. Вначале он, несомненно, был одноглавый, с круглым куполом, тремя апсидами. Еще в конце XIV века существовала одна глава, сгоревшая во время пожара. При отстрой-

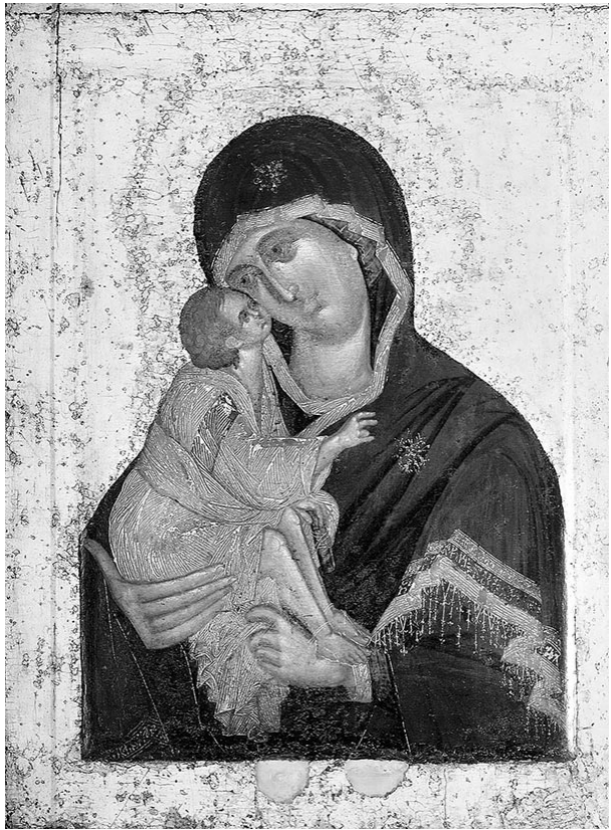

ке заново вокруг главы, поставленной на ме-

сте старой, выстроено было еще четыре меньших, а шестая глава – над круглой лестницей в притворе. Ко храму с обеих сторон начали приставлять приделы, из которых особенно замечателен старинный придел Рождества Богородицы, с древним иконостасом и медными Царскими вратами старороманского стиля. Мы только по догадкам можем судить о том, каковы были внешний вид и форма собора; но догадки эти могут сделаться совершенно правдивыми, если мы внимательно рассмотрим остальные новгородские церкви, для которых София служила образцом.

Феофан Грек. Донская икона Божьей Матери

Видоизменение и некоторое отступление, сделанные новгородцами от общевизантийского стиля, заключались в местных климатических условиях, к которым надо причислить северные дожди, снега и зимние стужи. Крышу по возможности пришлось делать более удобной для стока воды, почему и начали строить ее восьмискатной. Огромные окна, свойственные Греции, были крайне неудоб-

ны у нас в зимнее время. Эти окна стали заделываться, хотя наличник и византийские зубчики определяли в наружной стене место прежнего окна. Впоследствии, строя самостоятельные церкви, заменяя одно большое окно тремя маленькими прорезями, новгородские архитекторы повторяли мотив ложного окна, не желая оставить стену совершенно гладкой и не имея возможности почерпнуть в собственном вдохновении новую форму. Русская размашистая натура, желание все сделать поскорей, на авось, сильно отразились на новгородских соборах. Это неряшливые постройки с полнейшим пренебрежением к отвесу и горизонту; и сама кладка, и прорези окон крайне небрежны, хотя и прочны. Орнамент принят самый легкий, соответствующий раннему периоду архитектуры: зигзаг – ряд треугольников, обращенных вершинами то кверху, то книзу, образованных кирпичами, наклоненными друг к другу. Более богатый орнамент состоял отнюдь не из более красивого рисунка, а из повторения зигзага три или четыре раза. Зигзаг встречается в романском стиле, и очень возможно, что был занесен к нам с За-

пада, а не из Византии.

Итак, новгородские соборы непосредственно принадлежали по своим основным принципам Византии. И только с XVII века, когда вольность Новгорода была сломлена, он подчиняется московскому веянию, и излюбленная форма московского купола – луковица начинает украшать и новгородские церкви. Стили начинают путаться, первобытный характер затемняется, получается нечто невозможное. Нередко прежний купол в виде полушара оставался, над ним вытягивали новую, более узкую шею барабана, на которую и ставили небольшую луковицу: получалась невозможная дисгармония. Между тем такого рода построение можно нередко встретить и до сих пор не только в старинных, обезображенных таким мотивом соборах, но и в новых храмах, бессознательно повторяющих нелепый мотив. За Дорогомиловской заставой в Москве, в знаменитых Филях, есть чудесная церковь Покрова Богородицы, совершенно обезображенная луковичной надстройкой.

Феофан Грек и Семен Черный расписыва-

Того же въ тацѣхъ пѣрѣ градѣ Москвѣ
 потнѣша цѣркви въ рѣцѣхъ прѣтѣхъ
 и предѣлѣхъ стѣголарѣ .
 а мастери фе
 одоръ и гре
 чинѣ .
 да се
 ме
 черной

ют церковь Рождества. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Как на особенную оригинальность, свойственную новгородским церквям, можно указать на так называемые голосники: горшки или кувшины, вмазанные в стену горизонтально для восприятия и отражения звука; вмазаны такие кувшины в стену безо всякой симметрии и в барабане купола и в парусах; диаметр иных из них доходит до пяти вершков; вообще они производят на неподготовленного зрителя странное впечатление массой черных отверстий. Часть отверстий замазана, и в Святой Софии видно их два или три. Голосники нигде не встречаются в Византии, хотя новгородское происхождение их сомнительно. Наши архитекторы полагают, что обвалившаяся или счищенная штукатурка обнаружит когда-нибудь и в Византии подобные же приборы. Алтарные апсиды расписывались византийцами по тем же традициям, как и киевская София. Благословляющий Спаситель, писанный в новгородском соборе, имеет свою легенду: правая рука Его, хотя ху-

дожники писали ее разжатой, сжималась к утру следующего дня; три раза переписывали ее и наконец слышали неведомый глас, требовавший руки сжатой и пророчествовавший о том, что, когда рука эта разожметя, будет конец Новгороду.

Богоматерь Умиление. Новгород. Успенский собор. Кремль. XII в.

И в Новгороде, и в Пскове типы византийских церквей долго сохраняли византийский отпечаток; и все эти церкви: Спаса на Нередице, Святого Стратилата, Спаса Преображения на Ильинской улице, Иоанна Богослова, Псковско-Мирожский монастырь, женский монастырь Успения – все это варианты одного и того же мотива, и изучение их для специалиста было бы делом излишним. Остается упомянуть о наших древних звонницах; на Западе, как известно, отдельных колоколен не было, у нас же с самой глубокой древности практиковалась отдельная привеска колоколов на деревянном срубе. Впоследствии, при расширении церковного богатства, воздвигались каменные колокольни почти всегда от-

дельно от собора и только в двух церквах: Спаса Преображения на Ильинской улице и в Мирожском монастыре – колокольни связаны с церквами.

V

Мы сказали, что византийская архитектура Новгорода и Пскова уступила место московскому стилю. Московский стиль, в свой черед, получил традиции из Владимира, выработавшего свой специальный суздальский стиль.

Перенесение центра гражданской власти с юга на север, из Киева во Владимир-Залесский, было вызвано многими причинами, распространяться о которых нам не позволяет место. В половине XII века князь Андрей Юрьевич надеялся учредить во Владимире новую митрополию, но получил решительный отпор от Византии. А жизнь шла и так складывалась, что киевские митрополиты сами стали чаще и чаще наведываться во Владимир, пока не устроили там свою постоянную резиденцию, сохранив за собою только звание митрополита Киевского. Церкви во-

круг Владимира росли; князь Андрей созвал к себе мастеров не только из Византии, но со всех земель. Если в Новгороде сказалось отчасти влияние стиля романского, процветавшего в ту пору на Западе, то стиль этот еще более сказался на новых храмах Владимирского великокняжества.

Спас Нерукотворный. Новгородская школа иконописи. Около 1100 г.

Из старых церквей эпохи князя Андрея Юрьевича (следовательно, половины XII века) особенно хорошо сохранилась Покровская церковь близ Боголюбова, представляющая значительный шаг вперед сравнительно с киевскими церквями. Стены этой церкви уже не голы, а покрываются красивыми изображениями всевозможных человеческих фигур и драконов; тоненькие колонки образуют пояс, служащий продолжением карниза на трех апсидах церкви. Колонки эти опираются на маленькие кронштейны и соединяются наверху полукруглыми арочками. Стремление к внешней красоте постоянно усиливается, орнаментистика стен, идя от верха к низу, по-

степенно укрывает стены и наконец выливается в превосходный архитектурный тип Дмитровского собора.

Что касается внутреннего расположения

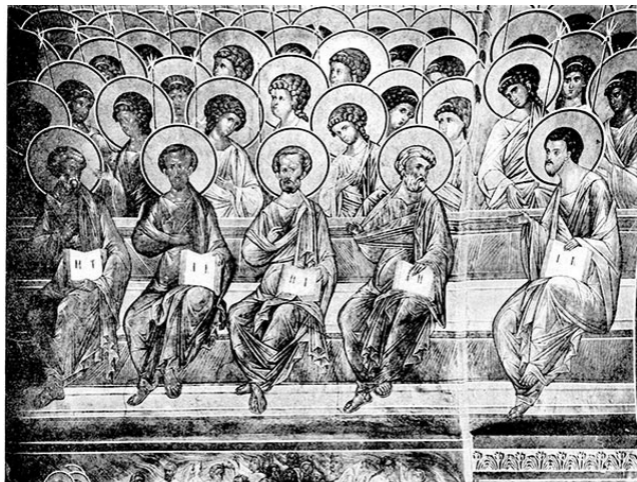
церкви, то в плане никакого отступления от византийского стиля сделано не было и по-прежнему греческий крест остался преобладающим.

Рай. Фрагмент Страшного суда. Фреска Дмитриевского собора во Владимире. Конец XII в.

Другой большой собор – Успения Богородицы

цы, выстроенный во Владимире тем же Андреем Боголюбским, до нас не дошел в первоначальном виде, и только апсиды на восточной стороне собора остались прежними. С боков апсидов пристроены неуклюжие контрфорсы с какими-то бойницами вместо окон, а на кровле поставлено пять глав с луковицами вместо одной, которая была поставлена по первоначальному плану. Успенский собор сгорел в конце XII века и, вероятно, отличался блестящей внутренней отделкой.

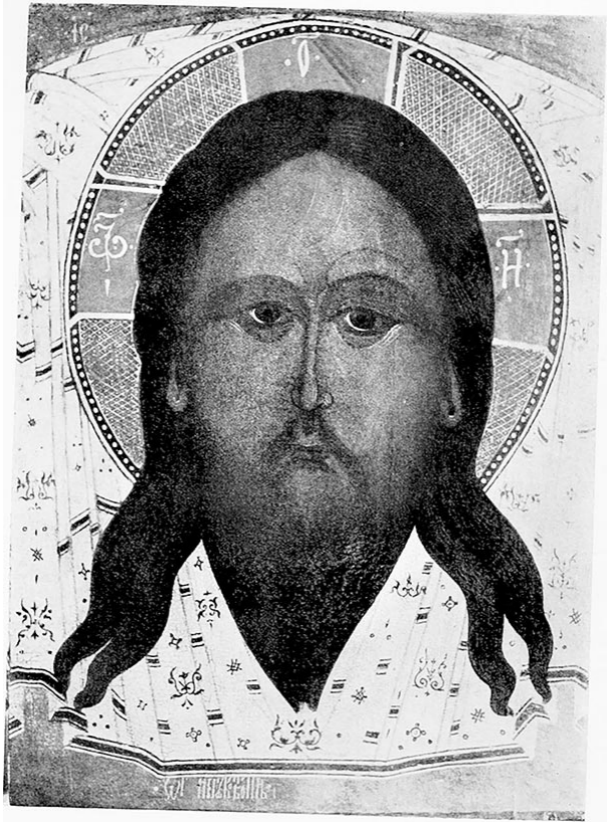
Андрей Рублев. Апостолы. Фрагмент фрески «Страшный суд». Успенский собор во Владимире 1508 г.

Дмитровский собор – самая интересная церковь Владимира, постройку которой нужно отнести к концу XII века, – дошел до наших дней хорошо сохранившимся. Бесспорно, собор этот, хотя и построенный под руководством иностранных мастеров, представляет одну из самых оригинальных и самых красивых церквей в России. Князь Всеволод обратился к Фридриху V германскому с просьбой прислать зодчего, который был бы способен возвести такое здание, которое бы превзошло по красоте другие постройки города. План собора опять-таки чисто византийский, с тремя алтарными апсидами. С внешней стороны стены разделяются на три части, как они разделялись в Новгороде и в Пскове, но не выступами лопаток, а длинными тончайшими колоннами, идущими узкой полосой во всю высь собора и соединенными наверху арками, которые оканчивают ствол под крышей тремя дугообразными фронтонами (эта ти-

пичная особенность владими́ро-суздальской архитектуры перешла после и в Москву). Как раз на половине высоты стены перерезаны карнизом с колонками, упирающимися в кронштейны, очень вычурными, и с фигурками святых, помещенными меж карнизов. Такой же карниз украшает верх апсидов, причем и там имеются колонны, доходящие до земли. Окна в соборе узкие, длинные и окруженные массой рельефных фигур людей и животных; купол принадлежит, вероятно, позднему времени.

Спас Нерукотворный. Новгородская школа XV–XVI в

Характер барельефов Дмитровского собора представляет собой смесь византийского стиля, романского и даже итальянского. Многие предполагают, что строителем собора был зодчий, хорошо знакомый с венецианским собором Святого Марка, так как многие из фигур и украшений этого собора: львы, кентавры, олени, птицы и даже восхождение Александра Македонского на небо – совершенно тождественны с венецианским собором. Барельефы

льефы отличаются пестротой и фантастичностью: тут есть борьба со зверями, невиданные львы и птицы, разные всадники, цветы и листья растений. Благословляющий Спаситель – центр барельефов – изображен безбородым, каким Он является в первое время христианства. Талантливость трактовки всей этой лепной работы заставляет гармонировать целое, устремляя все внимание зрителя на центральную фигуру Христа. В общем, впечатление, производимое Дмитриевским собором, настолько сильно, что при постройке московских церквей Аристотель Фиораванти смотрел на него как на образец, отрешившись, впрочем, от орнаментистики.

Богоматерь с двумя Ангелами. Новгородская школа конца XV в.

Замечательны фрески Дмитриевского собора, открытые при его реставрации в конце 30-х годов настоящего столетия. Живопись сохранилась прекрасно, хотя едва ли она может считаться однолетком постройки собора. В XV веке, когда знаменитый русский живописец Андрей Рублев с дружиной расписывал вла-

дмитровские соборы, вероятно, и Дмитровская церковь не миновала его кисти, хотя иные и утверждают, что им сделаны были только надписи над картинами. Сюжетом наиболее интересных фресок служат обычные изобра-

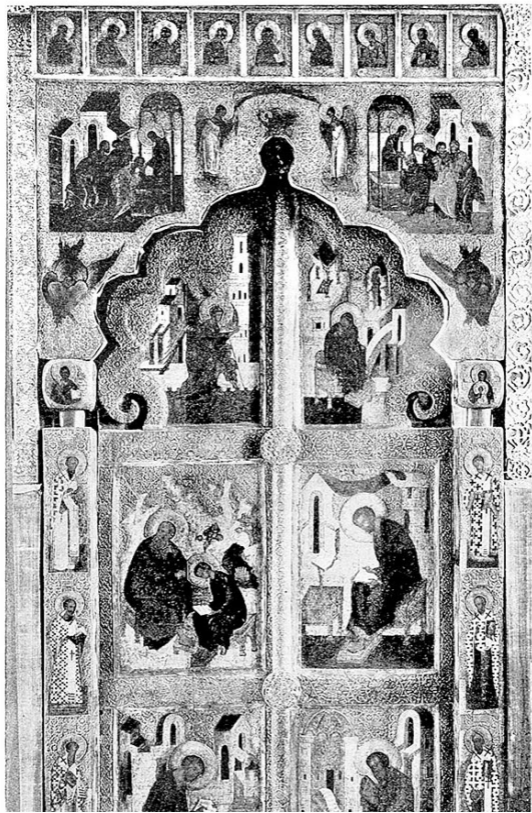
жения Богородицы и библейских патриархов, сидящих в довольно свободных позах под райскими кущами. Деревья, цветущие вокруг них, весьма фантастичны; не менее фантастичны и птицы, летающие и поющие среди них. Все растения снабжены усиками, очень игриво закручивающимися, и перевиты ползучими стеблями лиан. Далее изображен апостол Петр, который ведет святых в рай; святые изображены идущими тесной толпой, в полувизантийских, полурусских одеждах; рядом с ними два ангела трубят – один в землю, другой в море, о чем и свидетельствуют надписи, помещенные над их головами.

Из светских зданий Владимирского периода сохранилась часть дворца князя Андрея Боголюбского в Боголюбове с церковью Рождества, сильно измененной. Над остатками дворца теперь надстроена колокольня, сложенная из кирпича. Судя по остаткам, служащим ее основанием, можно сказать, что дворец был строен из известнякового тесаного камня, вывозимого из Волжской Болгарии. Характер этой постройки был чисто церковный, с карнизами, арками, с колоннами и

лиственными греческими капителями.

VI

Итальянцы и немцы, приходившие во Владимир, приносили с собой знания Запада, но подчинялись требованиям и вкусам страны совершенно оригинальной, самостоятельной, хотя и страдавшей недостатком художественной инициативы. Дмитровский собор представляет собой уже нечто столь самостоятельное, что не может быть включен в число представителей византийского стиля. Полное и окончательное развитие церковей Владимиро-Суздальского края явилось в Москве, откуда Иоанн Калита начал собирание земли Русской и куда святитель Петр перенес свою кафедру. Первые соборы были, конечно, копиями суздальских. Но опытная рука талантливых зодчих и особенно Фиораванти, прозванного Аристотелем за его ученость, которого выписал Иоанн III из Италии, развивали все шире и шире данное направление, пока наконец не достигли своей кульминационной точки в Покровском соборе на Красной площади.

Царские врата. Новгородская школа начала XVI в. Придел входа Господня в Иерусалим в Московском Благовещенском соборе

Конечно, самым интересным местом изучения московских памятников является местный акрополь – Кремль. Первый кремлевский храм, в честь Спаса Преображения, был выстроен на том месте, где теперь находится кремлевский собор, построенный в начале XIV века великим князем Даниилом. Церковь стояла среди дремучего леса, почему название Спаса на Бору удержалось за ней доныне; тогда это была маленькая дубовая церковка, около которой постепенно стали группироваться разные здания. В настоящее время Спас на Бору – небольшая каменная церковь, помещающаяся в дворцовом дворе.

В 1336 году Калита построил Успенский собор; святитель Петр, закладывая его, предрек величие и славу Москвы и назначил его своей усыпальницею. После Калиты собор этот много раз перестраивался, пока наконец зодчий Аристотель не придал ему окончательный вид, в котором он дошел и до нашего вре-

мени. Иоанн III, войдя в собор, когда он был окончен, как известно, воскликнул: «Вижу небо!» Выписка Аристотеля из Болоньи была делом необходимым, так как русские мастера положительно не были еще способны вывести прочный собор; стены то и дело давали трещины, хоры рушились. Русский посол Толбузин, посланный великим князем в итальянские земли, привез болонца, создавшего церковь, которая была «чудна вельми величеством, и высотой, и светлостью – такова же прежде не бывала в Руси». С тех пор Успенскому собору пришлось несколько раз гореть, стенопись его много раз переписывалась, но от грабежа 1812 года он уцелел, так как все драгоценности, – а их в Успенском соборе множество, – были вывезены в Вологду. Для последней коронации 1883 года Успенский собор подновлен и своей оригинальной пестротой фресок, расписными колоннами и пятиярусным иконостасом дает впечатление храма, дышащего особенной таинственностью и благолепием. Собор Успенский – место священного венчания царей русских и усыпальница митрополитов.

Божья Матерь Каневская. Икона. XV в.

Другой кремлевский собор, называемый

Благовещенским, начал строиться в 1397 году при сенях дворца великого князя Василия Дмитриевича, почему и до сих пор именуется официально «Благовещение у государя в сенях». Это приходская церковь Кремля: здесь цари говели, венчались и крестились. Потому-то каждый правитель считал своей обязанностью украсить чем-либо этот храм. По своему местоположению он чуть не самое видное место московской цитадели: отсюда открывается поразительный вид на Замоскворечье и Воробьевы горы; вероятно, ради этого к нему и была приделана с южной стороны светлая стеклянная галерея, сообщавшаяся с дворцом; с этой галереи цари, быть может, смотрели на Замоскворечье в холодное время. С другой стороны галерея оканчивалась каменным крыльцом, через которое спускались в сад, устроенный для потехи царевен; в саду этом было много фруктовых деревьев и бассейнов с рыбами. При Екатерине сад этот был уничтожен.

Благовещение. Новгородская школа. XV в.

Усыпальницей русских царей служит тре-

ΕΛΕΟΥΣΙ ΜΗΤΕΡΕΣ ΤΕΚΝΩΝ

тий кремлевский собор, известный под именем Архангельского. После ужасного голода в 1332 году Калита на месте деревянной церкви во имя архангела Михаила соорудил каменную, уничтоженную два века спустя, при Иване III; впоследствии миланский архитектор Алевиз Фрязин, прибывший по приглашению царя, соорудил на ее месте новую. Здесь хоронились все цари Рюрикова дома. Когда Годуновский род был свержен с престола, прах царя Бориса был вынесен из этой усыпальницы, а гроб Василия Шуйского только через 23 года, после его смерти в Польше, был помещен в соборе. Участь этого собора была более печальна, чем Успенского: в смутную пору лихолетья он был разграблен и осквернен поляками, а ровно 200 лет спустя великая армия, занявшая Кремль, осквернила и ограбила его хуже ляхов. Французы обратили церковь в конюшню, загромоздили ее винными бочками, так что, по исправлении и обновлении, ее пришлось снова святить. В числе драгоценностей Архангельского собора нужно отметить много чудесных древних образов, из которых одно из первых мест занимает икона Одигит-

рии – Смоленской Богоматери, которая известна по древности и оригинальной ризе.

Еще следует упомянуть о Чудовом мужском монастыре, основанном митрополитом Алексием; о Вознесенском женском монастыре у самых Фроловских ворот, которые несут на себе отпечаток Петровской перестройки; о бывшем архиерейском доме и о Никоновском дворце.

В 1849 году архитектором Тоном по инициативе императора Николая было возведено здание в чисто русском стиле, обращенное главным фасадом к Замоскворечью, западным – к Оружейной палате, восточным – к Грановитой палате, а на севере оканчивающееся царскими теремами, представляющими очень удачное воспроизведение древних царских чертогов.

Москва, откуда бы к ней ни подъезжали, дает о себе знать золотой звездочкой колокольни Ивана Великого.

Она видна далеко со всех сторон и представляет собой высоту от поверхности земли $38 \frac{1}{2}$ сажени, а от уровня Москвы-реки – 57 сажен. Говорят, что фундамент ее идет на 20 сажен под землей; по крайней мере, архитектор Баженов, разрывая место для закладки

нового дворца, констатировал этот факт. На месте колокольни была построенная Калитою церковь Святого Иоанна, писателя «Лестницы». Просуществовала она до самого конца XVI века и только при Борисе перестроена в новую.

Колокол, отлитый в Москве, весом более 8 тысяч пудов. Существовал до пожара 1701 г., в результате которого упал и раскололся

Когда ужасный голод в 1600 году постиг Россию, голод, во время которого, по уверению летописи, ели человечину, а в Москву со всех сторон стекался рабочий люд, который не мог прокормиться дома, царь Борис, чтобы занять всю эту массу, решил строить колокольню. Под блестящим куполом огромными медными вызолоченными буквами значится: «Изволением Св. Троицы, повелением великого государя, царя и великого князя Бориса Феодоровича Годунова, всея России самодержца и сына его, благоверного великого государя царевича, князя Феодора Борисовича всея России, храм совершен и позлащен во второе лето государства их». Несмотря на по-

нятное недоброжелательство, с которым первые представители дома Романовых смотрели на Годуновых, надпись осталась целой и

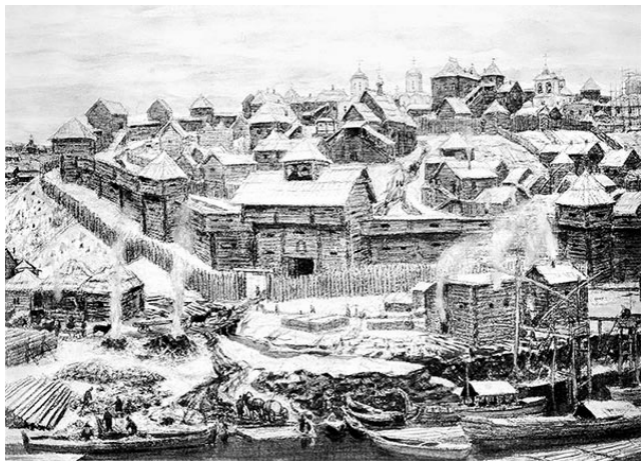
до сих пор. Глава Ивановской колокольни позолочена в 1809 году через огонь, и на ней поставлен новый крест после войны 1812 года, когда Наполеон прежний крест снял, вероятно, вообразив, что он золотой, и намереваясь победным трофеем привезти с собою его в Париж.

ул. Старая Москва. У стен деревянного города. Художник Васнецов

А. М. Васнецов. Старая Москва. У стен древнего города

А. М. Васнецов. Московский Кремль при

Иване Грозном

Ивановская колокольня была отчасти повреждена взрывами, произведенными французами в Кремле; Рождественская церковь и так называемая Филаретовская пристройка, находившаяся возле, не были взорваны; у колоколов были отбиты уши, оборваны языки, так что их нужно было переливать. Самый большой из теперешних колоколов, находящийся на колокольне, – Успенский – отлит в

начале нынешнего столетия и весит 4000 пудов. У подножия колокольни, на особом фундаменте, стоит самый огромный в мире – Царь-колокол, весящий 12 тысяч пудов, превосходящий по тяжести и величине даже знаменитый пекинский. Отлитый при императрице Анне, он был повешен на брусьях, под деревянным шатром, над той ямой, в которой он был вылит. Провисел он всего только год: во время пожара веревки перегорели, и он опять рухнул в яму, причем один край у него отбился. Архитектор Монферран (известный строитель Исаакиевского собора в Петербурге), по повелению императора Николая, снова извлек его из ямы и поставил на тот каменный фундамент, на котором он находится и ныне.

А. М. Васнецов. Спасские ворота Китай-города в XVII в.

С высоты Ивановской колокольни открывается чудесный вид на Москву и ее окрестности. Туристы считают долгом посещать ее, и Карл XII, вторгаясь в Россию, мечтал повесить на вершине ее свои шпоры. Более всего посе-

щают ее на Пасху, когда свободный доступ открыт во все соборы. Провожатые ведут посетителей вверх, останавливаясь на галерее каждого из ярусов. С каждым этажом кругозор делается все обширнее, кремлевские соборы отходят книзу, горизонт поднимается. С самого верху кругозор хватает верст на сорок, если не больше.

VIII

Перед Кремлем расположена огромная Красная площадь с Лобным местом посередине. Она может быть названа одним из самых интересных исторических пунктов Москвы. Здесь некогда Иоанн Грозный, после знаменитого московского пожара, каялся перед народом и здесь же, на этом же Лобном месте, совершал свои ужасные казни. Через Красную площадь вступали войска Лжедмитрия I, через нее же вступало ополчение Минина и Пожарского. Здесь совершались торжественные церковные шествия; здесь говорили посланцы царицы с народом, здесь шумели раскольники с Никитой Пустосвятом во главе, и здесь же Петр казнил мятежных стрельцов.

А. М. Васнецов. На крестце в Китай-городе

В прежнее время, на пространстве девяносто одной сажени от Спасских ворот до Никольских, помещалось 15 церквей с кладбищами. Церкви эти были сооружены родственниками казненных на Красной площади, по-

чему и назывались – стоящими на крови. Вокруг, на Никольском и Варварском крестце, расположены были ряды: Иконный, Сайдачный, Колчанный, Луговой, Масляной, Сельдяной и Медовый. Между посольским двором на Ильинке и Красной площадью москвичи стриглись, и вся улица сплошь была устлана волосами. При Петре I здесь был поставлен балаган для народа, где было устроено смехо-

творное позорище для народной потехи. В 1771 году, во время московской чумы, войска Еропкина стреляли отсюда по толпам волнуемой черни; а в 1812 году император Наполеон здесь делал смотр своим войскам.

А. М. Васнецов. Основание Москвы. Постройка первых стен Кремля в XII в.

Закладка Успенского собора в Москве Иваном Калитой. Гравюра

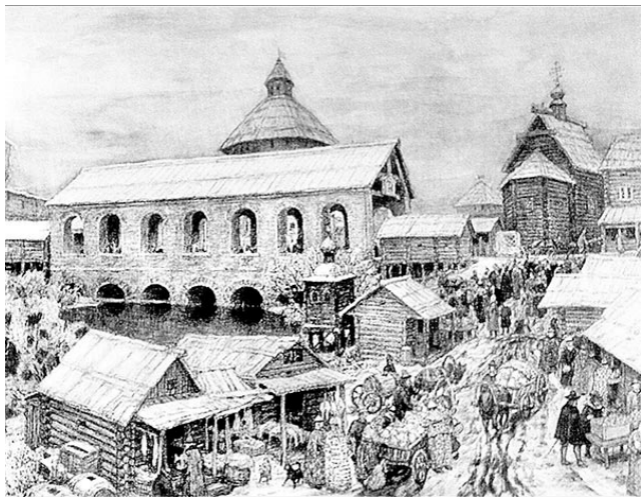
Красная площадь сообщается с Кремлем

через Спасские ворота, через которые никто не имеет права пройти и проехать, не сняв шапки. В древности здесь была Фроловская стрельня, то есть башня с отверстиями для лучного, мушкетного и пушечного боя. Иоанн III перестроил ее, и надпись, сохранившаяся до наших дней, доказывает, что низ Спасской башни дошел до нас в оригинальном виде. Строил ее Пьетро Антонио Солари Медиоланис в 1491 году. Верх стрельни венчался изображением всадника, вероятно – Ге-

оргия Победоносца. При Василии III над воротами повесили Спасов лик, отчего ворота и получили свое название. Кровля в стрельне была шатрообразная, – четырехскатная. При Михаиле Федоровиче английским архитектором Головеем наверху была поставлена восьмигранная башня с пирамидальной вышкой и двуглавым золоченым орлом. В XV столетии на Спасских воротах были часы, которые сожжены каким-то фанатиком, как немецкое антихристианское ухищрение; царь даже прослезился по этому поводу. В 1655 году на башне были поставлены часы, бой которых был слышен за 10 верст. При Петре мастер Гарно устроил амстердамские часы, в которых был бой с танцами. При Анне Иоанновне верх башни сгорел. После Отечественной войны вздумали к ним приделать портик коринфского ордера (который потом догадались убрать), а по обе стороны ворот возвели маленькие часовенки для молебна. Через Спасские ворота обыкновенно двигаются все торжественные процессии при вступлении в Кремль. В общем, архитектуру Спасских ворот можно признать готической. Они пред-

ставляют очень любопытный памятник, который нам дорог если не блестящей архитектурной внешностью, то историческими воспоминаниями.

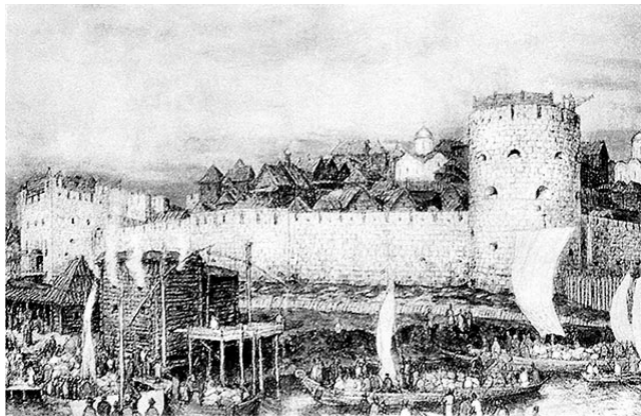

А. М. Васнецов. Воскресный мост в XVII в.
Охотный ряд у Иверских ворот

На площади, возле Спасских ворот, возвышается самое оригинальное и интересное здание древнерусского зодчества – собор Покро-

ва Богородицы, известный в народе под именем Василия Блаженного. Прежде здесь, на этом подворье, стояла деревянная церковь Святой Троицы, называвшаяся иначе Лобной. В тот год, когда Грозный брал Казань (1552), умер в Москве Василий Блаженный – юродивый, пользовавшийся большим уважением в городе (тело его было положено под собором, а при царе Федоре Иоанновиче обретены его мощи). Огромное событие покорения Казани нужно было почтить каким-либо памятником, возблагодарить Бога за окончательное свержение Орды, почему Иоанн и остановился на мысли Покровского собора как церкви, всего более приличествующей Москве, называвшейся домом Пресвятой Богородицы. Внутри кремлевской стены все пространство было до того переполнено зданиями и садами, что для большого храма не хватило бы места. Удобнейшим и самым видным местом для этого была Красная площадь, как непосредственно прилегающая к Кремлю. Зодчий, по всей вероятности иностранец, удовлетворяя прихотливой фантазии Иоанна, создал дивное здание, представляющее удивитель-

ную смесь разных стилей и носящее на себе чисто восточный отпечаток.

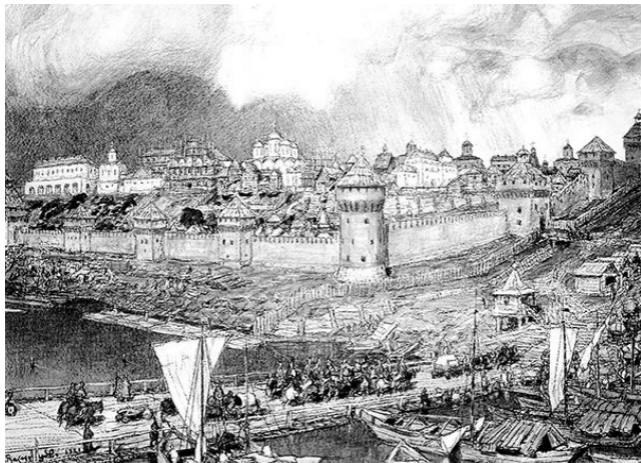

А. М. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрии Донском

Масса глав с многогранными стволами колоколен, пестро раскрашенных и вызолоченных, способна поразить своей чудовищной оригинальностью самую необузданную фантазию. Здесь чувствуется отзвук индусских пагод, идущих фигурными затейливыми уступами кверху; местами можно проследить бла-

городные очертания и пропорции итальянского стиля; воздушная мавританская архитектура дает себя знать некоторыми деталями; готика и византийский стиль первенствуют – по крайней мере, на первый взгляд. Весь храм представляется грудой террас, на которых сгруппировано несколько церквей, не имеющих между собою сходства, – разных размеров, стилей, цветов и форм. Нет ни одной главы, схожей с другими: они то скручиваются винтом, то обнимаются чешуей, то окроплены золотыми звездами, то пестрятся многогранными шишками, то готическими валиками возносятся кверху. Варварское великолепие собора дало повод знаменитому исследователю архитектуры Куглеру сравнить Василия Блаженного с фантастической группой колоссальных грибов. На многих действительно внешность собора действует отрицательно, и они отказываются понять всю прелесть и все самобытное изящество одной из оригинальнейших построек мира. Быть может, этому способствует нелепая раскраска, которой он укрыт сверху донизу. В прежнее время вызолоченные главы Василия

Блаженного должны были давать впечатление неотразимое. В Покровском соборе восемь приделов; из них первый – придел Святого Николая Чудотворца – освящен был при открытии собора в 1557 году. К сожалению, до нас не дошло имя архитектора, который мог бы быть назван смело гениальным.

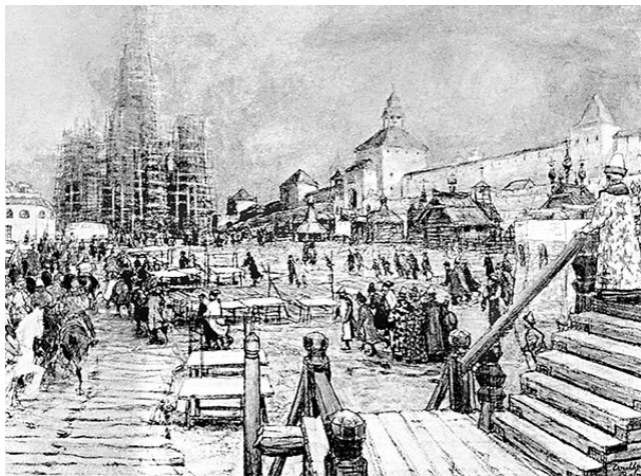
А. М. Васнецов. Московский Кремль при Иване III

А. М. Васнецов. Вид на Замоскворечье

В царствование Федора Иоанновича, когда открылись мощи юродивого, к Покровскому собору была приделана новая маленькая церковь, вмещавшая в себе гроб с мощами, а от этой церковки и весь собор получил свое название. Василий Блаженный стал любим царями настолько же, как и кремлевские соборы; здесь так же, как и в Кремле, в поминальные дни раздавалась нищим подачка, сюда сносили из царских теремов всевозможные припасы для кормления. Вокруг церкви, на папертях, лежало множество калек, слепцов, воспевавших Лазаря и Алексея – человека Бо-

жьего. Юродивые, конечно, тоже предпочитали этот собор, считая Василия своим патроном.

А. М. Васнецов. Москва при Иване Грозном.
Красная площадь

Здесь же совершалось знаменитое шествие на ослята в неделю Ваий, когда из Кремля к Покровскому собору шла торжественная процессия с зажженными свечами, фонаря-

ми, крестами, певчими, белым и черным духовенством, с патриархом и царем во главе. Войдя в придел Входа во Иерусалим, царь облачался в бармы и шапку Мономаха, а патриарх в полное свое облачение. Читали Евангелие, в котором рассказывается о торжественном въезде Иисуса, причем соответственно тексту приводили от Лобного места «осля», или белую лошадь, крытую белой попоной, на которую патриарх и усаживался боком, с крестом и Евангелием в руках. Конец шелкового повода держал сам государь, поддерживаемый боярами. В процессии возили на снях огромную изукрашенную вербу, увешанную всякими сладостями. Дети устилали перед процессией путь дорогими материями, раздавался повсеместный звон, и процессия снова удалялась в Кремль.

В день Покрова 1 октября и до сих пор совершается крестный ход; в этот день в собор ходят девушки-невесты замаливать себе жениха и приговаривают: «Святой Покров, девичью главу покрой».

В прежнее время на Красной площади, и особенно возле Василия Блаженного, стояли

всегда толпы гулящего духовенства, ругались, бранились и заводили драки, а за церковью во рву, поросшем крапивой и чертополохом, водилась земляника и бегали дикие собаки. Еще в прошедшем веке, в эпоху знаменитой московской моровой язвы, заштатные попы, с калачами в руках, нанимались для всевозможных треб, пугая нанимателей тем, что коли с ними в цене не сойдутся, они закусят калач и тогда не будут иметь права служить литургию.

Собор значительно изменен за время своего трехсотлетнего существования. В начале XVIII века здесь было 20 приделов, с особенным духовенством в каждом; ныне же в двух этажах собора помещаются одиннадцать приделов. Мощи Василия Блаженного лежат под спудом, а в соседнем приделе помещаются мощи другого юродивого, Иоанна, пользовавшегося большой популярностью в 1812 году; над гробницей его висят его вериги и железный колпак.

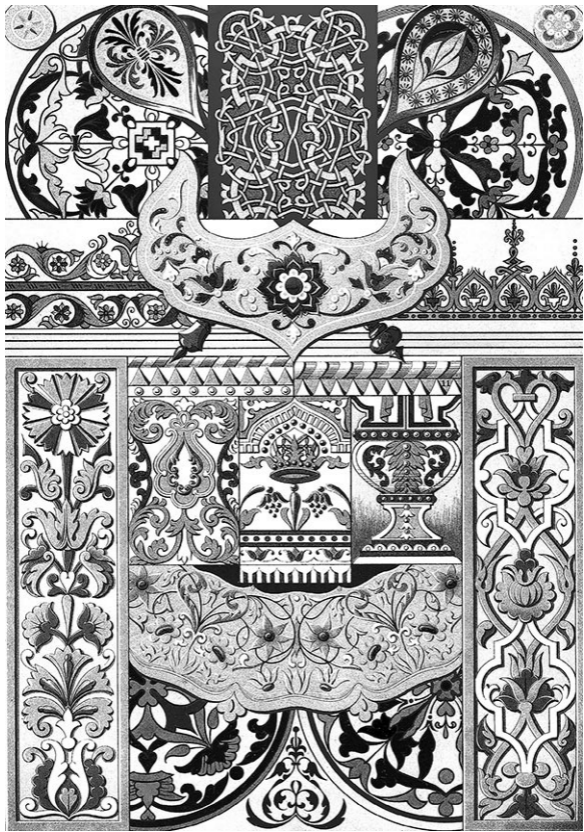
IX

Теперь нам надо рассмотреть еще несколько московских церквей, более или менее интересных, из которых на первом плане нужно поставить Покровский собор в Филях. Фили, небольшое селение на Можайской дороге, отличающееся своими живописными окрестностями, которые славятся по Москве под именем русской Швейцарии. Мазилово, Кунцево и Фили расположены на горной возвышенности, по крутым берегам Москвы-реки. Фили, в числе других имений, были подарены царем Алексеем боярину Нарышкину; там и была воздвигнута церковь в конце XVII века, по своей архитектуре могущая встать вровень с лучшими памятниками нашего зодчества. Фасад в высшей степени своеобразен и, вероятно, в свое время, когда еще не было сделано изменений, давал совершенно законченное впечатление. До сих пор внутри храма есть много старинных икон, украшенных драгоценными камнями и даже стихотворными надписями. В ризнице есть Евангелие, печатанное в Москве в 1689 году, и поло-

тенце работы царицы Натальи Кирилловны, шитое золотом и шелком. Говорят, что Петр любил бывать в Филях и петь на клиросе. В церкви устроено царское место, здесь же во время Отечественной войны останавливались французы, устроив из церкви конюшню и швальню.

Образцы цветной эмали, стенных росписей и лаковых работ. XV–XVII вв.

В самой Москве в XVII столетии насчитывалось до 2000 церквей, – количество едва ли преувеличенное, так как каждый боярин желал иметь свою домовую церковь; в городе находилось множество монастырских подворий и часовен на всех перекрестках. Всякое горестное или радостное событие в семье, данный обет, преступление – вызывали постройку небольших деревянных церквей, против которых восстал Никон, считая их удобным материалом для пожара. Чешуйчатый гонт крыш, часто ярко вызолоченный, хитрые черепицы, длинные узкие окна, едва пропускавшие сквозь решетки дневной свет, алтари с апсидом на север, вычурные коло-

кольни с пролетами – все это в XVII веке дало самобытный стиль, представители которого дошли до нашего времени во всей пестроте старинного великолепия.

Чудо о змии Феодора Тирона. Икона. XVII в.

Уверяют, что до патриарха Никона все церкви на Москве были одноглавы, и только по его приказанию к ним были прибавлены четыре малые главы, долженствующие изображать четырех евангелистов; едва ли это достоверно – на Руси и до Никона бывали пятиглавые соборы. Иностранцы (Олеарий, например) приходили в ужас от звона московских колоколен, говоря, что только варварское русское ухо может быть к ним приучено.

В глухом Грузинском переулке находится храм Грузинской Богоматери, главный престол которого поставлен в честь Святой Троицы. Украшенный кокошниками, индийскими луковицами, готическими башнями, он может быть назван одним из красивейших храмов Москвы. На Ильинке есть не менее замечательный храм Николая Чудотворца, называемый – «что у Большого Креста». Самой за-

СВЯТЫЙ КРЕСТЪ СЪ 36 МОЩАМИ

мечательной особенностью этой церкви является большой крест с 36 мощами в верхнем

конце, 46 в нижнем и 74 в поперечной пере-
кладине; тут есть частицы мощей царя Кон-
стантина, князя Владимира, Марии Египет-
ской, Марии Магдалины.

На запад от Кремля расстилается широкое
Девичье поле, на котором, по преданию, дела-
ли выбор девиц, посылаемых в Орду в виде
дани. С одной из сторон прилегает к полю Но-
водевичий монастырь, основанный в 1525 го-
ду; построен он был в память возвращения от
врагов Смоленска. Соборный храм монастыря
имел престол Смоленской Богоматери Оди-
гитрии, копия с которой была снята еще при
митрополите Московском Ионе. Первой на-
стоятельницей монастыря была Елена Девоч-
кина, от которой иные и производят назва-
ние самого монастыря. Много исторических
воспоминаний связано у нас с этим монасты-
рем, еще бодро стоящим и доселе со своими
крепостными башнями-бойницами. Здесь, во
время крестного хода, на храмовом праздни-
ке, митрополит Филипп, собираясь читать
Евангелие, заметил на одном из дерзких
опричников неснятую шапку и сделал заме-
чание царю, что и послужило поводом ссыл-

ки его, а потом и смерти. В Новодевичий монастырь удалилась вдовая супруга Федора Иоанновича, царица Ирина, и следом за ней пришел сюда брат ее Борис; здесь его умоляла вся Москва, с духовенством во главе, принять бразды правления, которые он держал в течение всего царствования Федора. В эпоху Смутного времени, когда Москва была занята поляками, здесь временно находилась Ксения Годунова, которую потом отправили в Суздаль. Кажется, тут же была и титулярная королева ливонская Мария Владимировна.

Страстотерпцы Борис и Глеб. Икона XV в.

С воцарением династии Романовых монастырь продолжал пользоваться вниманием высоких особ, и царевны, дочери царя Алексея, тешились здесь перезваниванием колоколов. Огромный интерес представляет Новодевичий монастырь в эпоху стрелецких мятежей.

Сюда была удалена царевна Софья; там она отлично обставилась, имея полный жизненный комфорт, но не смея выезжать из монастыря и ни с кем видаться, кроме своих сестер

и теток, и то в большие праздники. Она, воспользовавшись поездкой брата за границу, опять завела сношения с мятежниками, что принудило Петра возвратиться возможно скорее и казнить 1500 стрельцов; 230 из них, оказавшихся по розыску главнейшими зачинщиками, были казнены перед Новодевичьим монастырем, а трое из них, подносящих царевне прошение о вступлении на царство, были со свитками в руках повешены у самых окон ее кельи. Розыск, на котором не была строго определена степень ее участия в бунте, повел во всяком случае к тому, что она была пострижена в монахини под именем Суанны, и Петр запретил пускать в монастырь даже певчих: «Поют и старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют – Спаси от бед, а на паперти деньги на убийство дают». Софья умерла в июле 1704 года, была погребена в том же монастыре. Тут же находятся гробницы дочерей царя Иоанна и Алексея и царицы Евдокии Лопухиной, первой супруги Петра Великого. Соборный храм величествен и огромен; сюда приезжал в 1812 году Наполеон осматривать монастырь, кото-

рый хотя и был занят неприятелем, но служба в котором не прекращалась с дозволения неаполитанского короля. Выступив из монастыря, французы зажгли фитили, проведенные к пороховым погребам для взрыва обители, но благодаря твердости характера и находчивости монахини Сарры страшный взрыв был предотвращен: она вместе со своими подругами затушила и залила все тлевшие фитили.

Великомученик Меркурий. Роспись юго-восточного столба Смоленского собора Новодевичьего монастыря

Нельзя не упомянуть при перечислении московских святынь о Троице-Сергиевой лавре, предмете усиленного поклонения со стороны всей Руси, твердом оплоте в годину лихолетья. Основанная святым Сергием Радонежским, удалившимся в пустынь из богатого боярского семейства, принадлежавшего к высшему обществу, она с самых первых дней своего существования проявила могучую силу духа. То было время, когда духовенство и монашество действовали заодно с великими

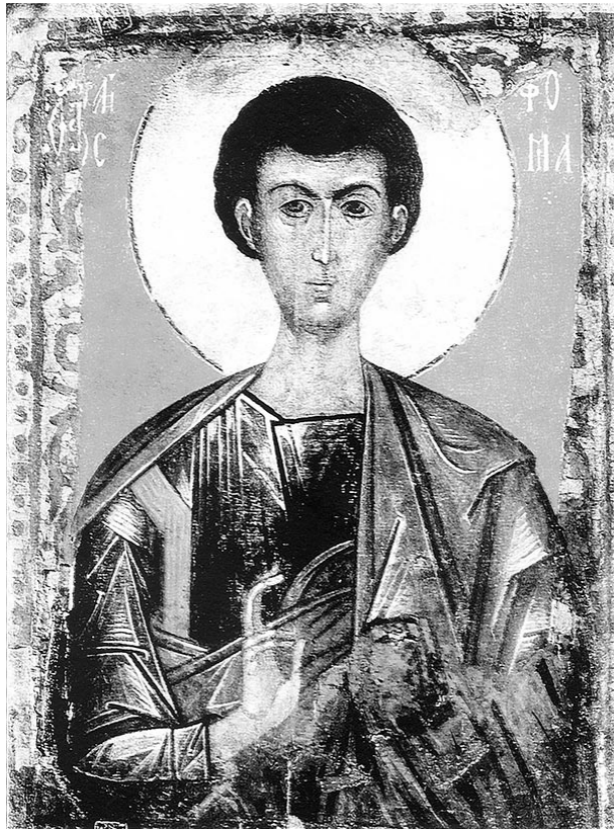
князьями в деле политического правления страной. Христианство было оплотом против татар, угнетавших Русь, и задача великих князей – свергнуть с себя постыдное иго – разделялась с огромным воодушевлением и черным духовенством. И монах, и дипломат, и пылкий поборник идеи – преподобный Сергей был центром кружка, готового во что бы то ни стало добыть государственную независимость. Недаром к нему приехал из Москвы великий князь Дмитрий Иванович перед походом против Мамаю. Огненные речи и взоры двух иноков, сидевших за общей трапезой, не скрылись от зоркого глаза Дмитрия: он понял, какая кровь бьется под черными рясами, и просил Сергия отпустить с ним в войско Ослябю и Пересвета. Бесспорно, иноки лавры были лучшими, передовыми людьми своего века, к ним ходили на поклон не только богомольцы, но и великие князья. Все знали, что монахи послужат государству не одними благословениями и напутствованиями, а и делом, если доведется. Смутное время подтвердило это убеждение: Троицкая лавра была единственным пунктом, не сдавшимся вра-

гам, крепко отстаивавшим русскую веру и укреплявшим народный дух повсеместной рассылкой грамот.

Святой апостол Фома. Икона. XV в.

Крепостная стена начата была в лавре еще при царе Иване Васильевиче; строили ее монастырские крестьяне, а камень и известь брали в ближайших волостях. Протяжение монастырской стены с двенадцатью башнями превосходило 550 сажен. На башнях было 90 огнестрельных орудий; на водяной башне помещался медный котел в 100 ведер, в котором варили смолу для обливания неприятеля во время приступа. Огромное количество народа, которое укрылось в монастыре, потом, после снятия осады, сохранило глубокую привязанность и уважение к месту священного оплота. С этих пор постоянно в лавре начинают воздвигаться новые храмы и здания. После бегства Петра в лавру были устроены в монастыре царские чертоги для приема государей на случай житья их в монастыре.

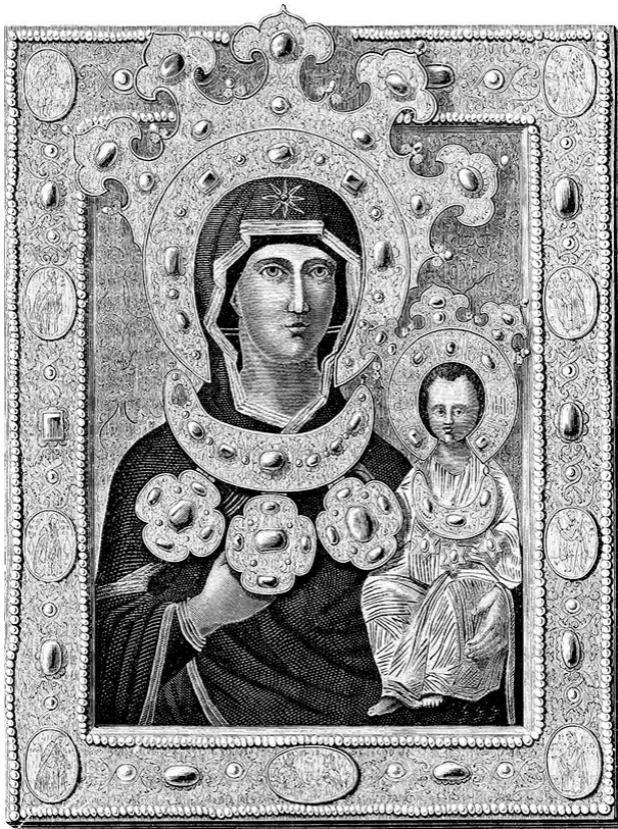
Главный соборный храм Преподобной Троицы возведен из белого мрамора, а глава его

вызолочена через огонь Иоанном Грозным. Иконостас в храме пятиярусный, сперва был обложен серебром, а потом вызолочен. Над престолом воздвигнута сень на четырех круглых столбах, на которые потрачено серебра 6 пудов 30 фунтов. Вообще утварь лавры отличается массивностью; дарохранильница сделана из 9 фунтов золота и 32 фунтов серебра; за престолом есть седмисвечник в виде целого дерева с ветвями, весь из серебра. Рака, в которой почивают мощи основателя лавры, сделана из серебра Иоанном Грозным, а серебряная сень над ней устроена Анной Иоанновной. Роспись стен храма произведена под руководством Андрея Рублева.

Икона Смоленской Богоматери

Остальные церкви лавры менее замечательны, но из них можно отметить Успенский собор, в котором погребены королева ливонская Марья Владимировна с дочерью Евдокией, а на паперти семья Годуновых, о чем говорилось выше. Интересна также монастырская трапезная, где в торжественные дни утверждаются соборные столы. Колокольня

монастырская огромная; из колоколов – колокол Царь, весом 4000 пудов, самый большой колокол в России. В монастырской ризнице хранится много драгоценных, замечательных вещей, из которых отметим: крест, присланный патриархом цареградским, утварь, принадлежавшую преподобному Сергию, множество писаных Евангелий, священные сосуды, воздухи, покровы, плащаницы, вклады царей, цариц, царевен, князей, бояр. На одной из митр есть рубин, оцененный в 20 000 рублей. Замечательна панагия из агата, в котором натуральное сочетание цветов камня дает сочетание Распятия и молящихся возле него.

Х

Мы не можем останавливаться на описании той массы монастырей, которые раскиданы по обширной площади Европейской России, от Соловецкой обители на севере до побережья Крыма; это может служить материалом для отдельного сочинения. Теперь же нам надо перейти к беглому обзору византийской живописи, выяснить ее связь с живописью нашей.

Наши археологи обыкновенно различают три пошиба древней иконописи. Пошиб новгородский с большими пробелами на пластьях, чисто греческий. Московский пошиб с золотом и суздальский с пробелами в виде тоненьких бликов. Но несомненно то, что все эти пошибы представляют самые незначительные варианты византийского искусства.

Икона Владимирской Богоматери

В первую эпоху христианства в живописи преобладала символика. До VIII века допускались аллегорические изображения луны и солнца в виде символов, олицетворение

Рима, Византии, ветра – в виде дующих ангелов. Тонкое чувство антиков иногда сказывается и здесь, и в спокойном колорите, и в компоновке фигур, и даже в той неподвижной торжественности и благородстве, которыми запечатлены эти произведения. После падения Рима искусство там слабеет, центр его переносится в Византию, где оно, идя по следам римской школы, усваивает себе новые взгляды, вкладывает в живопись новый дух. Отличительные черты характера Византии – некоторая сухость и тонина фигур. Все пропорции узки, драпировки натянуты, иногда в сборках словно прихвачены гвоздями. Не довольствуясь резким контрастом цветов, иконописцы вводят антихудожественный элемент золота, который употребляется не только на фоне для ореолов, но и в драпировках. В церкви Святого Витале есть изображения императора Юстиниана, его супруги и двора с целой путаницей ног и тем неестественным поворотом всех фигур анфас, который можно видеть в натуре, разве только когда оперный хор поет на авансцене. Художник отдается деталям, увлекается выработкой тех или других уз-

ров, причем заботится не о том, чтобы костюм был богат, а чтобы краски поражали роскошью потраченного материала. Мозаики Святой Софии в настоящее время, как известно, замазаны, но при последней ее переделке временно они были открыты и с них успели снять копии. Из открытых изображений известно более всего изображение императора, склонившегося перед тронном Господним.

Император изображен с бородой, поза его очень неловка и деланна; протянутые руки со сжатыми пальцами выражают обычное в византийской живописи движение мольбы. Спаситель сидит на великолепном троне, писанном с очень слабым знанием линейной перспективы; слева изображен архангел Михаил в медальоне, а направо, в таком же медальоне, Богоматерь. Все мозаики сделаны на золотом фоне, и некоторые из них напоминают живопись катакомб. В Риме есть изображение (в бывшем арианском баптистериуме) Крещения, причем Иордан олицетворен в виде старика, держащего в одной руке ветвь, а другой как бы приветствующего крещеного; Христос, совсем еще мальчик, стоит до чресл

в воде, над Ним голубь, изображенный в плане, а правее – Иоанн Креститель, с кривым посохом и в той обычной позе – с подогнутой слегка правую ногой и наклоном всего корпуса вперед, которая стала стереотипной и трактуется у нас до сих пор чуть ли не в каждой церкви на хоругвях. Вокруг сцены крещения идет пояс, расписанный фигурами двенадцати апостолов, весьма однообразными, отделенными один от другого маленькими пальмами. Все они стремятся к престолу, на котором водружен крест.

Дева Мария, держащая Младенца Христа на коленях. На ее правой стороне стоит Юстиниан, предлагающий модель Святой Софии. Слева Константин I представляет модель Константинополя. Собор Святой Софии

На всех церковных изображениях, и в фигурах, и складках, еще чувствуется римлянин и грек. И прическа, и борода иногда в совершенстве передают римский тип, особенно на некоторых рукописных миниатюрах. Как, например, изображение евангелиста Луки в Четвероевангелии IX века, вывезенном с Афонской горы.

Для массы народа иконы заменили прежние фетиши язычества, они стали считаться оружием против дьявола. Особенно изображение креста считали невыносимым для него, и крест стали употреблять как амулет. Люди, стоявшие во главе просвещения, смотрели на все священные изображения как на обстановку, располагающую к молитве, и думали, что для народа они могут служить напоминанием тех или других священных событий.

Многие из изображений еще в период язычества отличались способностью двигаться: Минерва потрясала копьем, Венера плакала, иные боги вращали глазами. Священные изображения, источающие кровь, были только продолжением старого идолопоклонства: последнее слишком глубоко пустило свои корни, и поверхностно коснувшееся народа христианство было только номинальной верой. Семь столетий непрерывных апостольских трудов не вывели чернь из прежнего состояния; церковь даже покорялась народу в деле священных изображений: чернь их настоятельно требовала. В VI веке иконопись получила самое широкое развитие, и, конечно, образ в глазах народа не отличался от самого божества.

Император Константин. Византийская мозаика

Когда христианство пришло в прямое столкновение с магометанством, почва для иконоборчества была уже подготовлена. На престоле был Лев Исавриец, родоначальник новой византийской династии. Под влиянием

ем магометан, не признававших никаких изображений божества, и евреев, издавна с отвращением взирающих на каждую статую и картину как на идолов, сам ясно представляя весь фетишизм часто внешнего поклонения, Лев явился ярким противником икон. Он приказал убрать статую Спасителя, которая пользовалась особым поклонением со стороны народа. Когда царский служитель приставил лестницу и с топором поднялся кверху, толпа женщин кинулась на него и убила. Пришлось призвать войска, и дело кончилось бойней. Льва обвиняли как врага христианства, как последователя магометан и евреев. В аристократических слоях византийского общества царствовали или неверие, или полнейшая религиозная апатия; истинных, лучших христиан было мало. Император Константин, выказывавший полнейшее пренебрежение к религии тем, что ослепленного и опозоренного патриарха снова возвратил к должности, созвал в 754 году Константинопольский собор, который наименовал себя Седьмым Вселенским. На соборе этом единогласно было определено: все символы и изоб-

ражения, кроме символа Евхаристии, считать еретическими, видоизмененной формой того же язычества. Все статуи и иконы должны быть вынесены из храмов, и тот, кто осмелится водворить их снова на прежнее место, предается анафеме.

XI

Монашество восстало: императора обвиняли, как нового Юлиана Отступника. Борьба была самая грозная. Никакие казни не могли помочь. Видя невозможность борьбы, Константин решился на самое уничтожение монашества; он выгнал монахов из монастырей, повывадал монахинь замуж, сжег иконы, статуи и мощи, бичевал патриарха, обрив ему брови, вывел на посмеяние на арену цирка в рубашке без рукавов, а потом казнил его и на место его посадил внуха.

Иконоборство продолжалось при сыне Константина Льве, но жена его Ирина, захватившая после него власть, установила прежний порядок. Новый, созванный ею собор объявил, что предшествовавший собор составляли безумцы и безбожники; поклонение

иконам снова было восстановлено, – и снова пало в правление Льва Арменина. Его преемник Михаил отнесся к делу гонения совершенно равнодушно: он не верил ни в дьявола, ни в воскрешение мертвых, ему было решительно все равно, поклоняется народ иконам или нет, – он просил патриарха не обращать на это никакого внимания и забыть все определения и Никейского, и Константинопольского соборов.

Константин сжигает книги ариан. Лист из рукописи IX в.

Но монашество было сильнее императоров; после борьбы, тянувшейся сто двадцать лет, иконы снова были восстановлены; церкви, расписанные изображениями животных и птиц, снова покрылись иконописью.

Монашество, стоявшее на стороне народа и во главе его, в эпоху иконоборства не имеет, в сущности, ничего общего со священнослужителями – жрецами. В глубокой древности в Индии, как мы знаем, существовали аскеты, удалявшиеся из шумных городов в пустыню. Подобно им такую же жизнь вели иесесеяне в

SIHODUS NICEHENSIS CUIUS NUMERUS
SCORUM PATRUM CCCXVIII ET OMNES

SUBSCRIP

SERVI

TI

CONSTANTINVS

HERETICI

ARRIANI

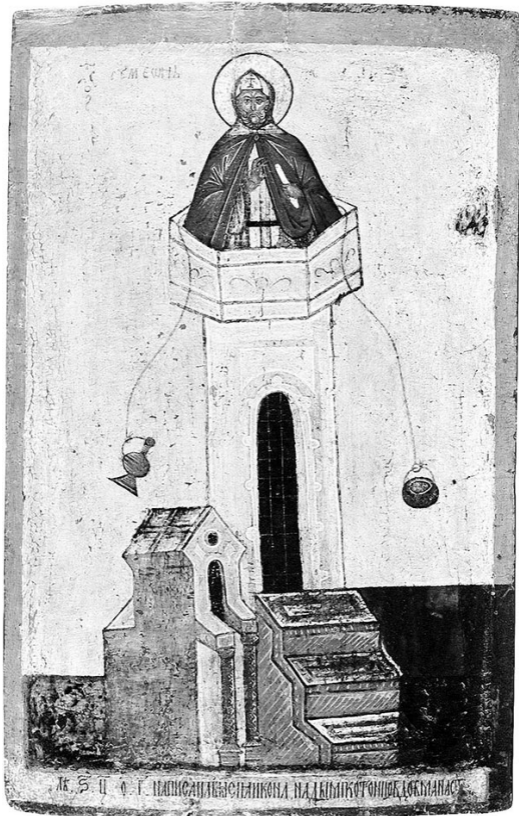
DAMNATI

Иудее и жили в пустыне как «сотоварищи пальм». Христианская религия, сильнее, чем какая-нибудь, отвергающая суету жизни, заставила уходить ревнителю учения Христова в уединенные места. Молитва была для них жизнью и пищей, потребности же тела были ограничены до крайности. Сухие плоды, хлеб и вода – вот все, что они позволяли себе; теплая вода считалась же роскошью. Индийские теории вечного созерцания божества сами собой заставили верных поклонников, для уподобления Богу, заняться самосозерцанием.

Симеон Столпникт. Иона. 1465 г.

Такой взгляд перешел и к отшельникам христианства, – появились такие личности, как Симеон Столпник, в молодости много раз покушавшийся на самоубийство и тридцать лет проведший на вершине столба, с площадкой в один квадратный фут, прикованный на высоте железной цепью. Подражатели их были и у нас. Около пустынной кельи какого-нибудь аскета собирались несколько товарищей и изъявляли желание разделить его благочестие и суровую жизнь. Общежитие породило

СМЕРТЬ

М. С. П. О. Г. ПИПСАИЛЪСЛАНКОНА НА ДЪМНОТОМЪ КОМНАСЪ

киновии, послужившие началом монастырской жизни. Монастыри привлекали к себе отшельников настолько, что в одном Египте насчитывалось их более ста тысяч. Чудесный климат много помогал строгому выполнению обязанностей сухоядения и отрешению от всякого комфорта. Бесчисленное множество отшельников скопилось по берегам Черного моря.

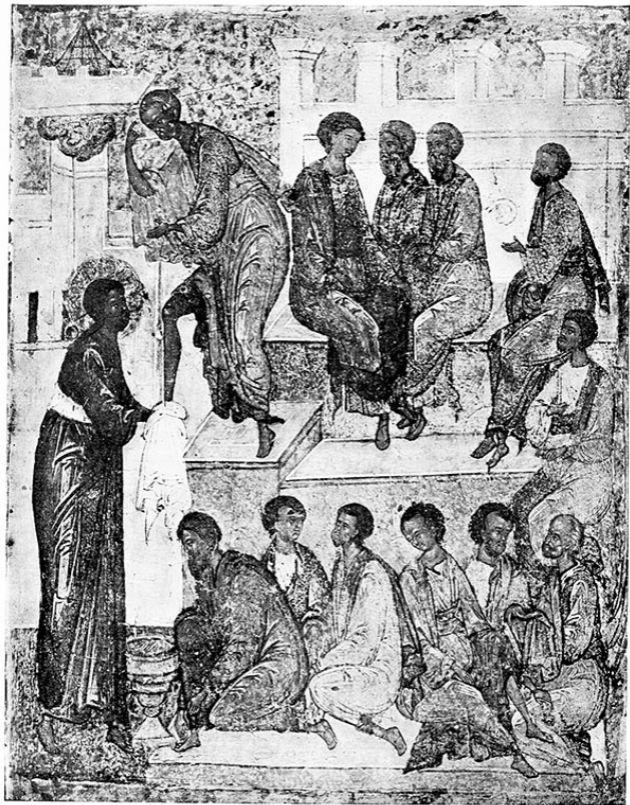
Наступил миг, когда, по выражению одного писателя, от грубого плетения циновок и корзин монахи перешли к списыванию рукописей и занятию музыкой. Монастыри стали руководителями поселенцев. Босые монахи с капюшоном, скрывающим от их взоров соблазны мира, обратили окрестности своих монастырей в роскошные сады и дивные поля. Они не имели права есть вне монастыря, довольствуясь исключительно пищей в обители. Мы увидим далее влияние, которое оказали они на искусство, и в какой огромной зависимости от церковных принципов стало искусство в Риме в славную эпоху полного развития величайшей по чистоте духа школы, кульминационной точкой которой был

XII

Но нам надо еще покончить с Востоком. Когда, отрешившись от Византии, Запад пошел самостоятельной дорогой, мы видели, как крепко византийский элемент привился на Востоке, захватив всю огромную Сарматскую низменность. После гонений на иконы христианская восточная живопись возродилась с новыми взглядами и основами. Гонения и муки находили прямую аналогию в страданиях Спасителя, которых не решалась изображать живопись раннего периода.

Дионисий. Омовение ног. Фрагмент

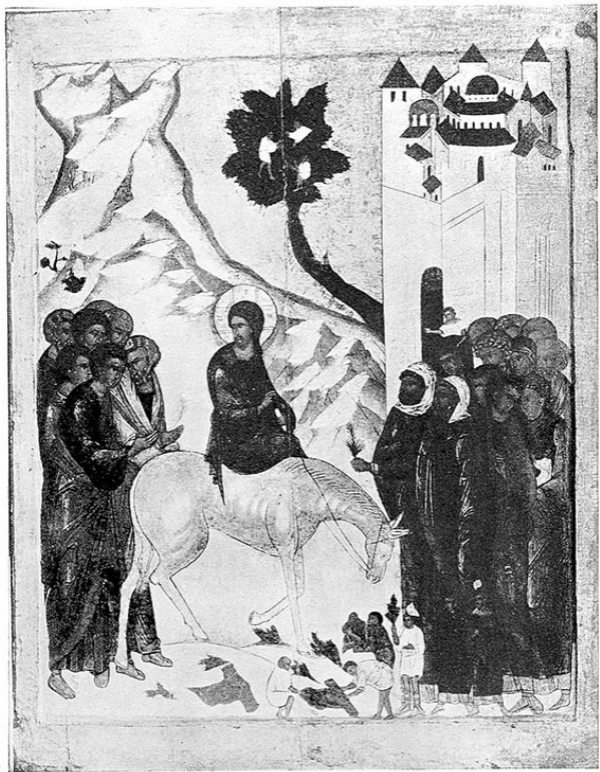
Как прежде Бог являлся только символом и царем славы, могучим существом, которое правит миром и человеком, так теперь Христос стал появляться в человеческом облике, страдающим на кресте. Искусство классическое избегало всякого реального проявления страдания, и произведения вроде «Лаокоона» могут считаться исключительными. Классические традиции едва чувствовались, подав-

ленные символистикой. Постепенно начали вырабатываться типы: Богоматери, Христа и апостолов. У святых появляется борода; для каждого святого в отдельности вырабатывается канон. От этой эпохи до нас дошли замечательные рукописи, украшенные виньетками, деланными кистью. В Париже, в Публичной библиотеке, есть драгоценный фолиант проповедей Григория Назианзинского второй половины IX века с миниатюрами прекрасной работы. В Ватикане есть тоже подобные фолианты с условными пейзажами. Миниатюры эти служат отличным пособием для изучения костюма, обычаев и зданий, представляя вообще драгоценный материал для художника и историка.

Вход Господен в Иерусалим. Новгородская школа. XV в.

До нас, в сущности, дошло много икон византийского стиля; не только в Греции, но и у нас на Руси есть множество образов X века и даже более раннего периода. Москва, Смоленск, Киев – все они обладают этими старыми, сильно пострадавшими, разрушающимися-

ся все более и более иконами, крытыми тем-

ным лаком и пользующимися большим уважением со стороны богомольцев. Собственно канон иконописи был выработан в X–XI веках; художники выискивают идеал и, выработав его, начинают только повторяться. Канон этот делается обязательным настолько, что строго-настрого запрещается малейшее отступление от раз намеченного изображения. Подобное явление мы видели и в Египте: оно должно существовать всюду, где есть условное искусство. Чем можно отличить апостола Марка от апостола Матвея, если не придать им соответствующих атрибутов, к которым уже приучены богомольцы? Таким образом определялись лета изображенного лица, цвет волос, бороды, прическа, риза, обстановка и надписи. Являются так называемые подлинники – образцы разных редакций. Живопись альфреско по сырой извести, требующая быстроты работы, так как раз написанного поправлять уже нельзя, расписывалась не одним, а сразу многими художниками, причем один намечал контуры, другой их вырисовывал и накладывал краски, третий набрасывал блики, а два помощника растирали краски и

набрасывали известь.

Дидрон рассказывает, как они видели на Афоне до сих пор практикуется подобная живопись. Огромная фреска, изображающая Спасителя и одиннадцать апостолов в натуральную величину, была написана художником с помощниками в каких-нибудь два часа. Композиция не была подготовлена заранее, да и варьировать раз положенные каноны было воспрещено; всякая свобода художественного творчества была изгнана, оставалось только механически воспроизводить соответствующие пределы изображения. Византийская скульптура, при общем отвращении от статуй, не могла, конечно, процветать; и в постановлении Православной Церкви отнюдь не делать для храмов статуй мы и должны искать причины того, что ваяние никогда не процветало ни в христианской Греции, ни у нас.

Первые мастера и живописцы, пришедшие на Русь, были византийцы, приглашенные киевскими строителями церквей для расписывания храмов. Оставив после себя греческие подлинники, они дали образец русским

художникам. Талантливая подражательность русских скоро сказалась, – и нашим первым живописцем, о котором мы имеем сведения, был печорский инок преподобный Алипий. Легенда рассказывает, что иконы его не сгорали в огне и что во время болезни его ангел Господень дописывал за него образа. В XV веке появился знаменитый художник, андроньевский инок – Андрей Рублев, составивший целую дружину – артель иконописцев под управлением старосты. Высшее духовенство смотрело на иконопись как на дело большой важности, как на дело богоугодное. Мы знаем, что Петр, митрополит Киевский, перенесший митрополию из Владимира в Москву, был живописец, и иконы его хранятся в Кремле и до сих пор. Канонам нашей живописи стали образа Андрея Рублева (расписавшего Троице-Сергиеву лавру). Иконописью не дозволялось заниматься людям дурного поведения или не навыкшим к живописи. Римское влияние, через Новгород и Псков достигнув Москвы, сказалось в деле техники настолько сильно, что Стоглавый Собор, созванный Иоанном IV, потребовал от живописцев, чтобы они

держались старых образцов.

Андрей Рублев. Троица. XV в.

В конце XVI века у нас явилось два пошиба живописи: московский, строгого стиля, не отличающийся прежней чернотой красок, и строгановский, отличавшийся яркостью красок и золота. Царь Алексей Михайлович, которому не было чуждо веяние Запада, вызвал из-за границы искусных мастеров, в обучение которым и были отданы русские ученики. Более светлый колорит и правильный и изящный рисунок сделались отличительными чертами нового поколения художников. Артельные начала и здесь царствовали во всей силе, разделение труда практиковалось постоянно: одни – «знаменщики» – писали специально лики, другие – «долицовщики» – писали ризы, третьи – «травщики» – расписывали пейзаж и орнамент. Хорошие мастера получали «жалованье» от государя: земли, кафтаны. Влияние итальянской светлой школы сказалось весьма сильно на домовых церквях бояр Голицына и Матвеева. Русские мастера стали подражать им и совершенно подпали под итальянский манер. Никон отлучил их от

Церкви, приказал иконы сжечь и за образцы велел брать древние иконы греческого стиля. Вскоре появились переводы с греческого канона живописи. Книги эти служат для пользования иконописцев и в наше время. Примером описания может служить такой список примет: «Сентября 3-го священномученика Анфима-епископа. Святой Анфим возрастом стар, подобием сед, брада, аки Власьева (см. февраля 11-го), на конце раздвоилась; риза святительская крещатая, в руках Евангелие».

Петр Великий подтвердил, чтобы Синод, заменивший патриарха, наблюдал за писанием икон по древним подлинникам, и главное заведование иконной живописью поручил Ивану Зарудному.

Божья Матерь Одигитрия. Икона

Из древних икон, пользующихся наибольшим уважением в России, надо отметить за престольные иконы Спасителя и Божией Матери в Успенском соборе Московского Кремля, по преданию привезенные из Корсуни, и икону святых Петра и Павла в новгородском Софийском соборе, вывезенную из Византии;

О ПУ А М А Ж Е Д Ы О В А У Ц Е С Ы Б С Т В Е Н А Т Ъ К Ъ Р А Ж Д Ъ Х У Ц И С Р П А С И Т
Т О У Д Ж А Л И К С О К А Д А Д О Р О М Ш И М П Р С С В Т Л О К С Л О С К И Н А М А Ш А Г Е Ч О К О М Т Е Р П Е М
Т Р А К О Т С И С Х Т О Б И Д И Ц И Т А Г О М Д В А Д Л А Т Е У Ч И П Р И Н О С И П Л А
И К А С Т О И М Р А К И Ч О В А П Р И Д А Д А И П Л А М Т Р У В І Г О Т И П О С Т О Е С С

СЛА
Д С Н
М Л У
Л М С
А Ш Е С
Т А Р М
И О Г А Н
И Ч О С
И А Л Т Я
Д А М П
И Р А П Л
С О П Р
С О С К А
С И П Р О
И В А К
С А Г О С
Л А Т И
И П Р А В
С О С О
Г О Д А
П Л О С
І З В А
Т А Р А И
М Л Я С
В Л И С
И П О П Р
И К Т И
С Р П Л
С О У Р
С Р Д И
И С Т Р
М Л Е Н
В П Е Н
Р О С Л О
О И П Р
Т Ш Е С
И Л А Б
С К О Р
И Л А М
С О С Т
І Т А Т
О Д Е С
Ч И С Л
Т В О С
А К О Д
Т А Я В
Т А Д
І Р А Ш
Т О С О
О И П Р
С О П Р
И К Т Р
И Ч У Г А
И П Л А
И Т Е Р
С О С Т
А Х Т Ъ
И Ч О Т
С О С Т

СЛА
Д С Н
М Л У
Л М С
А Ш Е С
Т А Р М
И О Г А Н
И Ч О С
И А Л Т Я
Д А М П
И Р А П Л
С О П Р
С О С К А
С И П Р О
И В А К
С А Г О С
Л А Т И
И П Р А В
С О С О
Г О Д А
П Л О С
І З В А
Т А Р А И
М Л Я С
В Л И С
И П О П Р
И К Т И
С Р П Л
С О У Р
С Р Д И
И С Т Р
М Л Е Н
В П Е Н
Р О С Л О
О И П Р
Т Ш Е С
И Л А Б
С К О Р
И Л А М
С О С Т
І Т А Т
О Д Е С
Ч И С Л
Т В О С
А К О Д
Т А Я В
Т А Д
І Р А Ш
Т О С О
О И П Р
С О П Р
И К Т Р
И Ч У Г А
И П Л А
И Т Е Р
С О С Т
А Х Т Ъ
И Ч О Т
С О С Т

затем надо отметить образ Смоленской Богоматери, писанный, согласно преданию, евангелистом Лукой; находится он в Смоленске и известен под именем Одигитрии. Вывезен он из Греции еще при князе Всеволоде Ярославиче. В Москве находится также царьградская икона Божией Матери, доставленная во Владимир Андреем Боголюбским; это та самая икона, которая была перенесена из Владимира в Москву во время нашествия Тимура, подошедшего к самой Оке. Народ встретил икону на Кучковом поле и, повергаясь на колени, взывал: «Матерь Божия, спаси землю Русскую». В самый день встречи иконы Тимур отступил, утраченный ночным видением, в котором ему явилась Жена со множеством войск. В память этого учрежден праздник Сретения Владимирской Божией Матери, и икона оставлена при московском Успенском соборе навсегда. В Новгороде, в Знаменском монастыре, есть икона Знамения, на которой изображена Богородица с молитвенно поднятыми руками кверху и изображением Иисуса Христа на груди в виде медальона. Во время осады Новгорода суздальским войском одна

из вражьих стрел попала в нее, так как она была вынесена на крепостной вал; тогда икона, оборотясь лицом к городу, заплакала; на суздальцев напал ужас, они стали побивать друг друга и потерпели полное поражение. Большим почетом пользуется икона Казанской Божией Матери, чудесно найденная десятилетней девочкой под развалинами сгоревшего дома, причем Сама Богородица указала ей место находки, явившись в сонном видении. Наконец, остается упомянуть о Тихвинской иконе, которая явилась в воздухе окруженная лучезарным ореолом и остановилась в своем торжественном шествии на том месте, где теперь основан Тихвинский монастырь.

XIII

Что касается истории русского костюма, то она совершенно не разработана, материалы разбросаны, нет систематически сведенного издания, которое в строго хронологическом порядке могло бы восстановить перед нами полный ход развития костюмов и утвари наших предков. Первые сведения о славянских костюмах мы имеем от арабских писателей. Затем наглядными памятниками старины служат скифские курганы в Херсонской губернии, близ Керчи и Никополя. Хотя работа вещей, вырытых из курганов, чисто греческая и принадлежит мастерам, вызванным из колоний для скифских владык, но быт, изображенный на них, носит на себе отпечаток чисто скифского характера. По никопольской и куль-обской вазам можно изучить до известной степени обстановку первобытных степных жителей Сарматии. Много мелких вещей и украшений найдено в курганах. К сожалению, обычай сжигать умерших со всей утварью и украшениями, о чем говорят арабские писатели, уничтожил массу интересных

подробностей, из которых до нас дошла только часть, находившаяся в тех курганах, где были погребены несожженные трупы. Ибн-Фадлан уверяет, что был обычай не только сжигать покойника, но и его возлюбленную, если она того хотела. Женщину, изъявившую такое желание, в назначенный день хорошенько кормили, связывали ей ноги, одевали в лучшие одежды. Покойника несли в лодке, где помещались вина и плоды, убивали жертвенных животных. Обрекшая себя на сожжение ходила по избам родственников и знакомых, сохраняя веселый вид и уверяя, что ее поступок – следствие пламенной любви. Ее возводили на костер и спрашивали, что она видит; она отвечала: мать, отца и ее милого, который ждет ее. Тогда старуха, изображавшая ангела смерти, при звуках музыки затягивала ей петлю и поражала ножом. Родственники зажигали костер тоже под звуки музыки.

О рельефах колонны Траяна было уже говорено. Следующим живописным памятником можно отметить рисунок в Изборнике Святослава 1073 года, где великий князь изоб-

ражен в опушенной мехом шапке, в плаще, застегнутом на правом плече, а его супруга в обычном византийском костюме из пестрой дорогой материи.

1–10. Русские короны: 1. Шапка Мономаха; 2. Императорская большая; 3. Императорская малая; 4. Казанская; 5. Астраханская; 6. Таврическая; 7. Царя Иоанна Алексеевича; 8. Императрицы Елизаветы Петровны; 9. Императрицы Анны Иоанновны; 10. Императора Петра II

К интересным памятникам XI века относятся также фрески Киево-Софийского собора светского содержания; контуры их пройдены резцом и затем уже раскрашены, на груди князей изображены бляхи – сустуги. Как на памятники XII века надо указать на рукопись Ипполита, римского папы, «Об антихристе», с изображением русского князя (по заказу которого была сделана рукопись) в плаще, летней шапке и красных сапогах; на открытые в Кирилловской церкви в Киеве фрески, изображающие святого Кирилла Александрийского; на фрески Дмитровского собора во Владимире; финифтяные портреты князей Бориса и Глеба в княжеских бармах, что найдены в селе Старая Рязань, и, наконец, на портрет князя Ярослава Владимировича в Спас-Нередицкой церкви в Новгороде, в чисто византийском костюме. Рядом с князем есть изображение женщины с убрусом на голове, с украшением посередине и бахромой по концам, причем у девиц волосы видны из-под повязки, а у женщин тщательно подобраны. Убор этот сохранялся до XVII века, почти без изменения, в течение шести столетий, – он только несколь-

ко иначе надевался. Мужчины носили на голове треух вроде тех чухонских шляп, которые носят и до сих пор. На зиму обшивали шапку мехом; верх иногда был вышит разными узорами, даже из драгоценных камней.

Святой Борис. Икона. Фрагмент

Одной из таких шапок, принадлежащих к числу царских регалий, надо назвать знаменитую шапку Мономаха. Это был тот же обычный тип колпачка, украшенного драгоценными камнями, с меховой опушкой внизу и крестом наверху. Шапка эта, конечно, никогда Мономаху не принадлежала, и известие, что ее прислал князю Владимиру Алексей Комнин, надо причислить к области легенд. Во-первых, присылка такого подарка из Византии более чем странна, а во-вторых, византийцы носили короны в виде обруча или венца и уж, конечно, мехом их не оторачивали. Название это выдуманно, вероятно, Иоанном Грозным, который впервые называет ее шапкой Мономаха в своем завещании. («Благословляю сына моего Ивана, — пишет он, — Крест Животворящего Древа большой царь-

градский да крест Петра-чудотворца, которым чудотворец благословил прародителя нашего, великого князя Ивана Даниловича и весь род наш. Да сына своего Ивана благословляю царством Русским, шапкой мономаховской и всем чином царским, что прислал прародителю нашему царю и великому князю Владимиру Мономаху царь Константин Мономах из Царьграда».) Вернее всего, что венец этот появился на русских царях со времен Ивана III, который, присвоив себе византийского орла и взяв в супруги Софью Фоминичну, хотел показать, что дружественные отношения с Грецией начались уже давно и почтенная монархия относилась с уважением к России и в прежнее время.

К первой половине XIII века надо причислить изображения святой великомученицы Екатерины и святого великомученика Пантелеймона, которые находятся в рукописи Пантелеймонского евангелия, – и заглавные буквы разных рукописей. К концу XIII века можно отнести образцы одежд Бориса и Глеба в церкви Николая на Липне, с широкими поясами, подпоясанными низко; славянский Псал-

тырь того же века снабжен миниатюрами, имеющими интересные эпохи.

П. Иоде. Дмитрий Великий Князь Московский. Надпись на портрете «Действительный портрет Великого Князя Московии, убитого своими же подданными 18 мая 1606 года» Амстердам, 1606 г.

Вообще заглавные буквы летописи, украшенные фигурами с натуры, иногда не вполне приличными, заслуживают особого внимания. В рукописи Бориса и Глеба (XIV столетия) есть изображения и князей, и народа, и походов на лошадях. В Императорской Публичной библиотеке есть Псалтырь XV века, с рисунками не только костюмов, но и современных обычаев; замечательны также рисунки Радзивилловского списка Несторовой летописи, хранимого в Академии наук. В Мирожском псковском монастыре есть икона Знамения с изображением князя Довмонта и его супруги.

В XVI веке совершается перемена в древнем costume и появляются охабни с рукавами. Драгоценными материалами для изуче-

LE VRAI PORTRAIT
DV GRAND DVCC
DE MOSCOVIE
TVE DE SON
PEUPLE LE 18
DE MAY A^o 1606

DEMETRIVS MAGNVS DVX
MOSCOVIÆ.

Pet. de Iode excud.

ния этого периода являются записки С. Герберштейна о Московии, с портретом автора в шубе, подаренной ему царем Василием Ивановичем, и с изображением воинов в шлемах с кольчужным покрывалом до плеч, клинообразным щитом и копьем. XVI и XVII века отличаются значительным обилием памятников, из которых мы можем указать на главные, не имея возможности в подробностях остановиться на них. Во-первых, надо отметить две интересные картины: «Шествие посольства Иоанна Грозного к императору германскому Максимилиану» и «Осада русскими Вендена в 1573 году»; во-вторых, огромный интерес представляет картина «Венчание на царство и обручение Лжедмитрия I», не так давно приобретенная из рода Вишневецких ныне царствующим государем. Затем два интересных описания России: Адама Оллария, находившегося в голштинском посольстве, и барона Мейерберга, бывшего послом при царе Алексее Михайловиче в половине XVII века.

К. Е. Маковский. Боярская свадьба

От конца XVI века есть также дошедшее до нас путешествие Лебрена.

В XVII веке охабни приобрели длиннейшие рукава, отбрасывавшиеся назад; кафтан получил перехват, а воротник сделался огромным, стоячим и получил название козыря. Каблуки выросли до необычайных размеров, пуговицы на кафтанах сделались величиной более куриного яйца; соответственно и шапка приобрела чудовищные размеры в высоту и получила название горлатной. (Обычная ошибка наших художников (в том числе и Швар-

ца), делающих на картинах эпохи Иоанна Грозного высокие шапки).

К. Е. Маковский. Смотрины

Отличительной характеристикой женского костюма XVII века являются так называемые вошвы – длинные рукава, соединяющиеся с подолом. В музее Академии художеств есть иллюстрация к библейским событиям – рукопись, принадлежащая XVII веку, где все личности, начиная с Адама, изображены в

костюмах времен Михаила Федоровича. В Москве, на стенах Архангельского собора, есть иллюстрация к притче о богатом и безродном Лазаре, тоже в костюмах времен Михаила. В том же Архангельском соборе есть портрет царя Федора Алексеевича в собственном костюме.

Н. Ф. Некрасов. Борис Годунов рассматривает карту, по которой учится его сын

Итак, мы можем сказать, что самостоятельных костюмов Россия почти не вырабатывала: сначала она подчинялась византийскому влиянию, затем татарскому. Оригинальный, но едва ли удобный покррой платья, который начал вырабатываться к эпохе Петра Великого, был сразу заменен, по воле преобразователя, куцыми голландскими казакинами. (Мы не говорили о платье простолюдина как об одежде более чем примитивной, едва ли могущей присвоить себе наименование костюма национального.) Впоследствии, при императрицах, наша одежда стала зеркалом Запада, — она точным образом отражала все малейшие изменения мод. И до сих пор не

только в модных платьях, но даже в обмундировке войск мы берем за образцы западные покрои. Впрочем, в самое последнее время

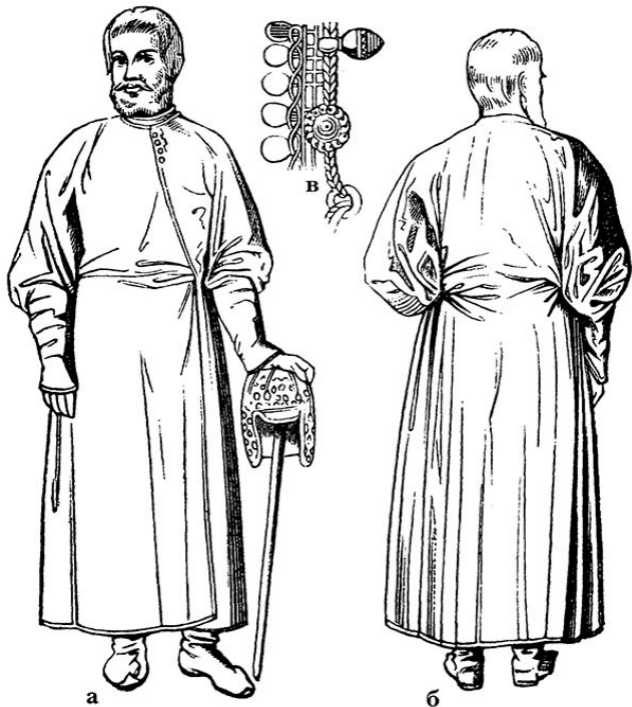
чувствуется поворот к чему-то национальному, — форма меняется согласно климату и удобству.

Церковное облачение

То же самое мы наблюдаем и в царском орнаменте. В костюме первых князей мы видим много византийского; более поздние имеют чисто татарский отпечаток. Переходный тип одежды состоит из длинного станового кафтана и мантии. В костюмах первого разряда золотые узоры шли всегда по красному фону, со светло-синим отливом: цвет царской византийской багряницы. В наряде татарского пошиба материя представляет сплошную золотую парчу и украшена сверху бармами с широким оплечьем, великолепно вышитым драгоценными камнями. К числу царских регалий принадлежат, бесспорно, скипетр, корона и держава. Костюм цариц мало чем отличался от облачения их супругов, и разница заключалась в том, что платье вышивалось только по подолу и по переднему разрезу, а с боков и сзади оставалось одноцветным; из-под короны спускалось белое покрывало, по-

Чти доходившее до нижнего края барм.

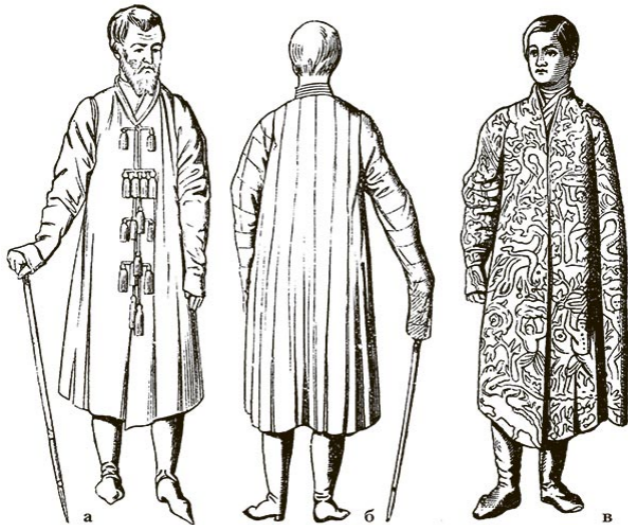

Костюм дородного селянина (а – б)

Восточный кафтан с узкими рукавами заменил византийские одежды среди вельмож и царедворцев, после того как частые сношения с Ордой убедили русских в большей целесообразности татарского костюма. Поверх кафтана, изукрашенного иногда великолепно и сделанного из той мягкой неломающейся парчи, о которой не имеют понятия теперешние мастера, делающие крахмальные ризы духовенству, надевалась шуба, подбитая соболями или другим, более дешевым мехом. Опушались соболем и кафтаны, предназначенные для торжественных случаев, но в горницах, конечно, никогда не сидели в шубах, как это иногда изображают художники на картинах. Вообще длинная одежда считалась по преимуществу достоянием высших классов как у мужчин, так и у женщин.

Костюм государевых мужей (а – в)

Священнические одежды, перенесенные из Византии, и теперь, по прошествии 900 лет со времени крещения Руси, не утратили своего древнего характера. Традиции в церкви хранятся крепче, чем где-либо, и все стихари,

епитрахили, поручи, несомненно, те же, что и у греков в эпоху Константина. Изменилась несколько фелонь, – верхняя риза священника; прежде она имела вид мешка с отверстием наверху для головы, причем спереди священник подбирал нижний край себе на руки в густые складки, что было весьма красиво. Впоследствии, ради экономии и удобства, стали делать спереди вырез. (Епитрахиль тоже

представляет собой некоторое видоизменение – она прежде состояла из двух концов ораря, теперь же делается из целого куска.) В епископской одежде особенно чувствуется и до сих пор византийский пошиб. Панагия – овальный образ Спасителя или Богоматери – составляет тоже один из отличительных признаков византийского духовенства и отличается иногда удивительным богатством. Необходимой принадлежностью высшего духовенства служат: жезл, орлец, подстилаемый священнослужителями под ноги, рипиды, сменившие прежние опахала из страусовых перьев, двусвечники и трисвечники, которыми благословляют народ.

Царский женский костюм

Монашество приняло тоже своеобразную форму одежды, разряды которой были установлены знаменитым игуменом Феодосием Киевским.

Вновь пришедшие в монастырь ходили в обыкновенной мирской одежде; рясофорные, уже подготовившиеся к иноческому обету, носили черную камилавку и власяницу; по-

стриженные в малую схиму имели черную мантию и клобук с разрезными концами,

спускавшимися на плечи и за спину; схимники носили куколь, – высокую скуфью с изображением впереди креста и тремя концами, падающими на плечи и за спину.

Кресты и надписи прежде делались красными, теперь – по большей части белыми.

Длинный кусок материи или кожи – аналав, спускающийся в виде епитрахили от шеи до пола, составлял тоже необходимое облачение схимника; аналав был вышит крестами с изображением адамовых голов и шестикрылых серафимов. Вокруг была вышита молитва – «Достойно есть, яко воистину», а внизу аналава знаменитый текст погребения – «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас».

Праздничный мужской костюм

Остается сказать два слова о рисунках двух корон и двойного престола, относящихся к этой главе. Когда после смерти царя Федора Алексеевича на престоле явилось два царя, Иоанн и Петр, оказалось необходимым приготовить двойной трон, на котором могли бы сидеть десятилетние мальчики, и две коро-

ны: одна из них, называющаяся короной Сибирской, принадлежала Иоанну Алексеевичу, другая, немного напоминающая Мономахову

шапку, – Петру. Трон был изукрашен очень хитро и если не отличается особенным изяществом и вкусом, то тем не менее интересен для нас как любопытный памятник XVII века.

Архитектура запада

Романский стиль. – Готика

I

Семьсот лет самых энергичных усилий понадобились Риму на то, чтобы соединить под своей властью все Средиземное приморье. Для этого было необходимо сплотиться в военную силу и, следовательно, ввести военный деспотизм. Наконец, нормально организованная монархия гордо возвышается над миром: по-видимому, тишина и спокойствие должны водвориться в ней; но ее ждал распад. Истребив врагов, победители стали истреблять друг друга; мир чувственных наслаждений стал их жизнью; апатия охватила всех, – и одни рабы несли на себе непосильную ношу работ, поддерживали разрушающееся государство. Железный Рим, несокрушимый, могучий, стал дряхлым стариком, – и не ему было сопротивляться диким ордам варваров. С севера и востока нахлынули они какой-то стихийной силой, все разбивая, сокру-

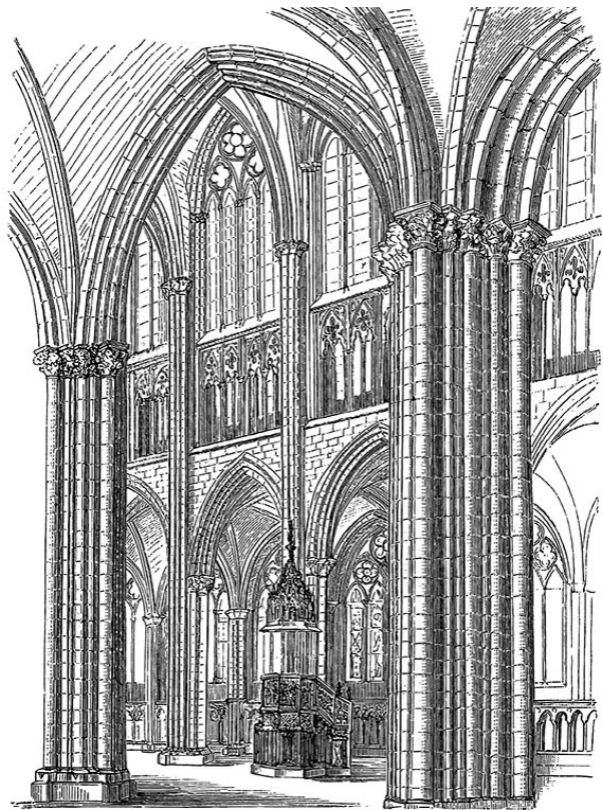
АРХИТЕКТУРА ЗАПАДА

шая на пути. На обломках сокрушенных народов водворялись они победителями и сами подпадали новым силам, неудержимо лившимся неведомо откуда...

Внутреннее пространство Мюнстерского собора. Страсбург

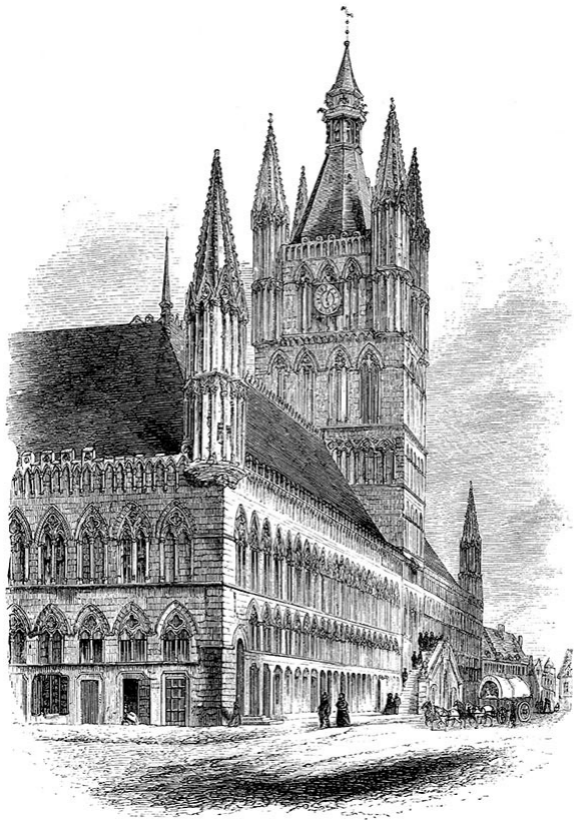
Наконец они водворились на выбранных пунктах, возвели свои феодальные замки, стали грабить несчастных крестьян, жечь жатвы. На огромные пространства шли пустыри; земля оставалась невспаханной, – одна часть населения разбежалась, другая – тупела и грубела. Все прошлое человечества, вся античная история была смыта разливом Средних веков; среди немногих людей жило славное воспоминание о прошлом, о великой сокрушенной Элладе, о Риме, о Гомере, Вергилии, Овидии. Это было светлое, чудесное утро, которое в ненастный день кажется волшебной, несбыточной сказкой. Тогда был век искусства – теперь век зла и разврата. Жизнь была истинной юдолью скорби и плача: покинуть ее – было истинным блаженством. По неволе люди мысли уходили из этого содома

в монастыри и там запирались от света. Экзальтация и нервность стали функциями века. Упадок духа, ханжество, рыцарские подвиги, внутреннее бессилие, мистическая любовь, какое-то боготворение женщины, взгляд на нее как на небесное создание, потребность неземных наслаждений повели общество к болезненной чувствительности. Мрачный ад и лучезарный рай – то тот, то другой – попеременно тревожили человеческое воображение.

Дом цеха суконщиков в Ирпене

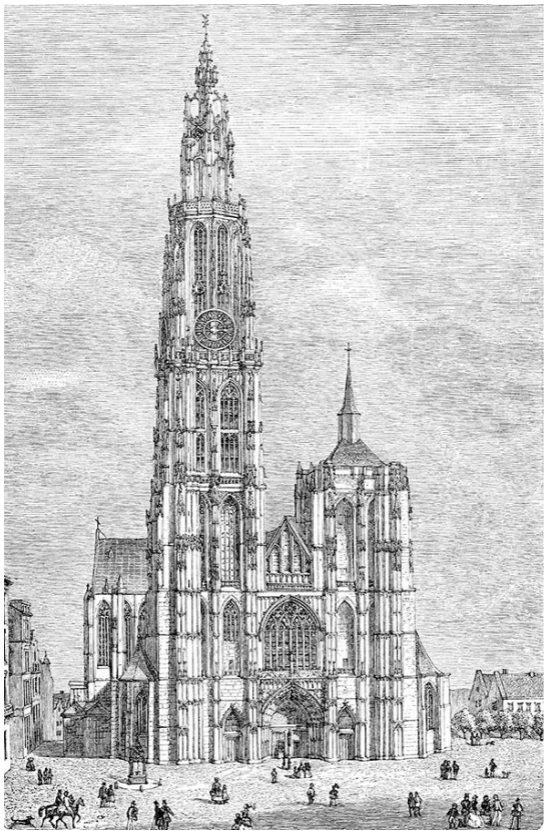
Соперничество церкви и государства, интриги, ссоры рушили всякую политическую осмысленность. Папство упало до последней степени: на престол Рима развратные женщины сажали своих возлюбленных и, наконец, его продавали просто за деньги. Законодательство пало. Весь запад Европы представлялся сплошным лесом, среди которого то там, то сям проглядывали городки, поселки и монастыри. Монашество подрывало военный дух; обожание религий заменило истинную религиозность. Незавещающий приличной

суммы в пользу церкви должен был умереть без покаяния: ему отказывали в причащении. Виновность людей на суде испытывалась при помощи жесточайших мучений.

Собор в Антверпене

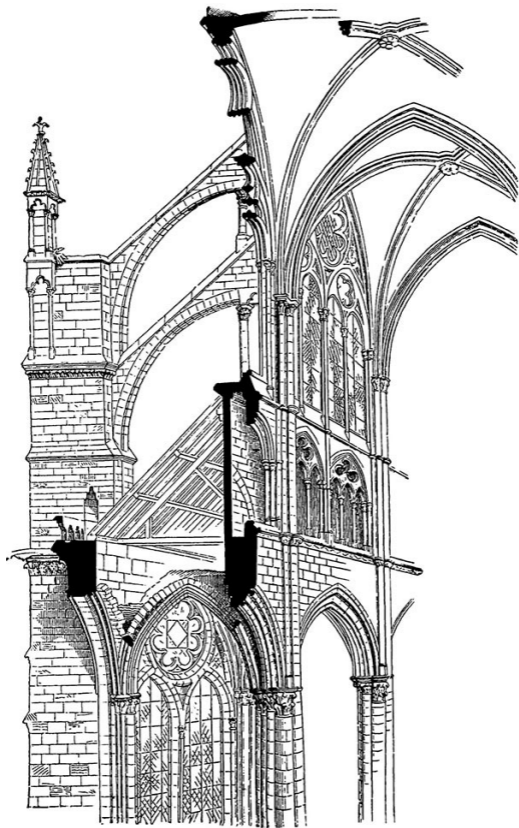
Чистое христианское учение, перетянувшее на свою сторону античный мир, стало затемняться разными кривотолками, наносными догматами. Истинный идеал и принцип христианства – бесконечная любовь к людям – совершенно опускался наместниками Христа – папами. Историки развертывают перед нами ужасающие подробности биографий пап. Они не прощали врагов, но безжалостно умерщвляли их, выкалывая им глаза и вырезая языки. Ради выгод и денежных расчетов они были готовы на все. Когда Иоанн VIII, не справившись с магометанами, принужден был платить им дань, – неаполитанский епископ, бывший с ними в тайном союзе, получал от них часть дани. Сами папы не избегали участи своих подданных: их тоже топили, душили, морили голодом. Иногда в течение пятилетия менялось до пяти пап. Мы

отказываемся приводить здесь примеры той безнравственности, которая практиковалась при избрании пап. Маросия, дочь знаменитой Феодоры, приказавшая задушить папу Иоанна X, возвела на престол своего сына Иоанна XI; другой ее сын заключил ее в тюрьму, а своего сына (внука Маросии) поставил папой. Не говоря о личной безнравственности, папы доходили до ужасного святотатства, делая епископами десятилетних мальчиков, совершая церемонию посвящения в конюшне, пьянствуя, призывая в свидетели Венеру и Юпитера. Народ потерял всякое уважение к наместнику Бога, – да и какое же могло быть уважение к нему, если его возили порой по улицам Рима на осле лицом к хвосту, с винным мехом на голове, с выколотыми глазами, обрезанными носом и языком. Аукцион папского престола явился нормальным следствием подобного порядка вещей.

Архитектурные элементы собора в Амьене

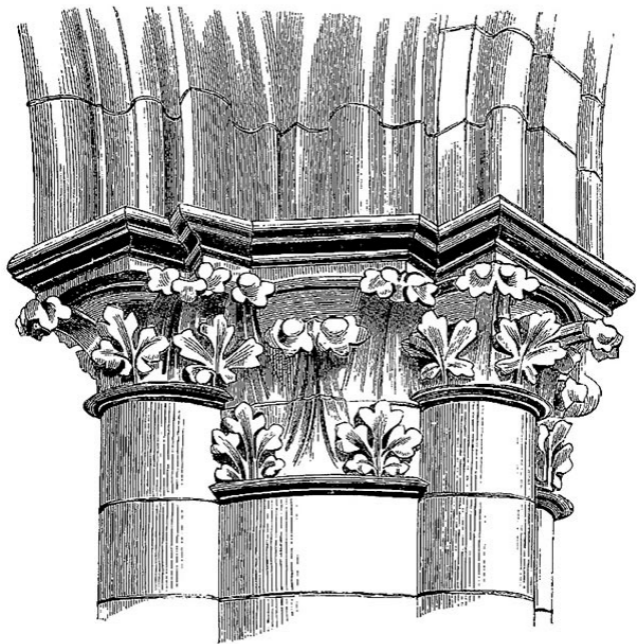
Чему же должно было служить искусство, проявлению каких сил, какие вырабатывать идеалы? В этом смутном хаосе передвижения,

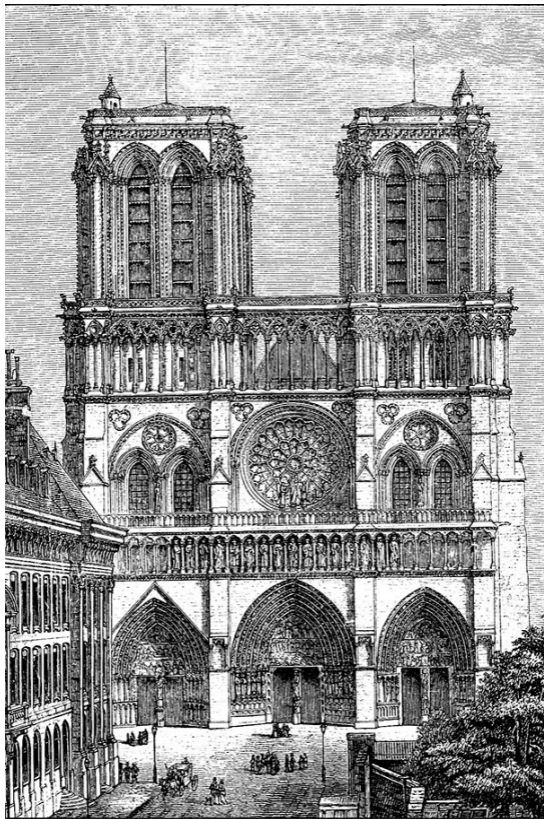
казалось, заснули все эстетические движения души. Форма жизни не слагалась, – не слагалась и искусство. Неясно выраженные форма и цель примитивных христианских построек были сродни византийцам и римлянам, все-таки имевшим классические предания. Но что же они могли дать северу, с его холодным, застывшим чувством красоты и отсутствием чего бы то ни было в прошлом? Приходилось начинать работу сизнова. Самостоятельно подгонять новые формы к новым идеалам.

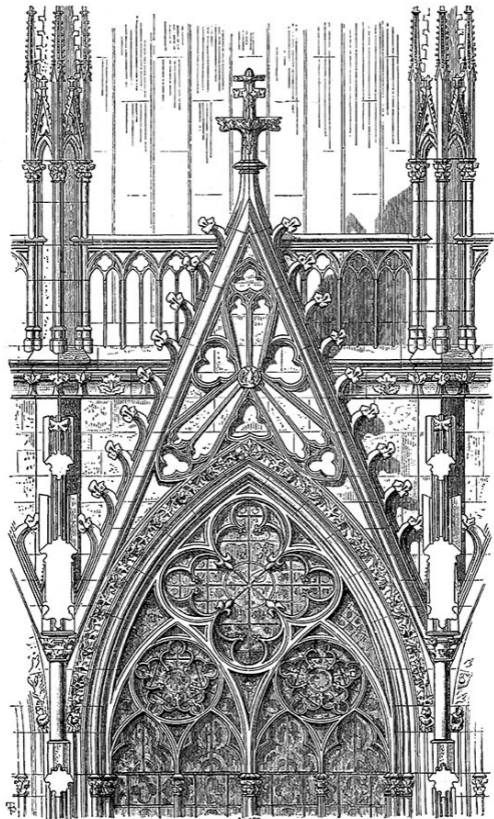
Староготическая капитель собора в Амьене

Тяжелый, массивный характер германской расы сказался тотчас, при самых первых проявлениях образчиков архитектуры. Разнородные элементы народностей сходились в одном: у всех была общая задача – устроить церковь, которая отвечала бы требованиям религии.

Собор Парижской Богоматери

Верх портала Кёльнского собора

Конечно, Византия и тут имела свое влияние, как имело его и мавританское зодчество. Живые жизненные мотивы архитектуры юга хотя и поражали прямолинейного сухого северянина, но тем не менее действовали на него положительно. Совокупность всех влияний и дала ход средневековому искусству.

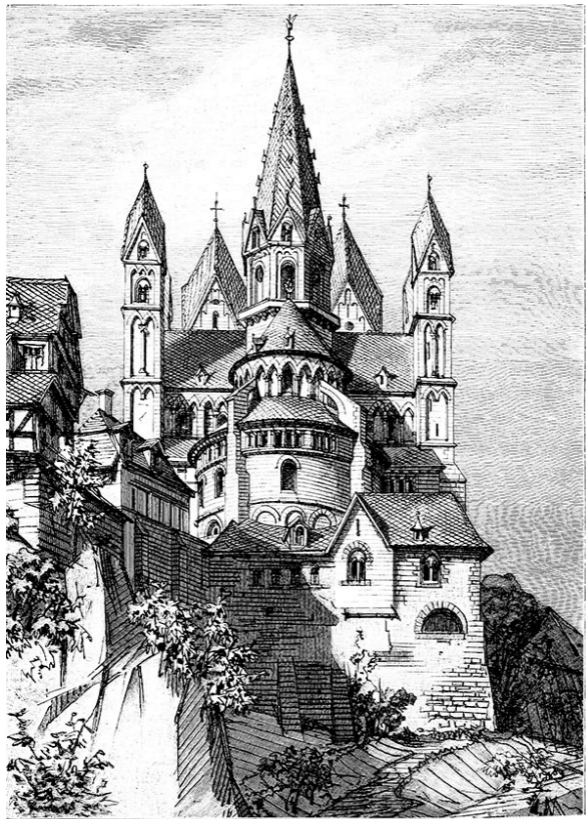
II

До нас не дошли первые попытки Германии к самостоятельному творчеству; вероятно одно: большинство северогерманских построек было сделано из дерева – что и составляет главную причину, почему до нашего времени ничего из этого периода не дошло. Форма базилики все еще сохранялась, но любимым германским мотивом стала многогранная пирамида вместо купола. Северное безвкусие и неуклюжесть сказались тут как нельзя лучше. Трудно себе представить что-нибудь скучнее тех первых каменных строений, что дошли до нас. Это полуантичные формы с круглыми башнями и длинным фасадом, по пер-

вому впечатлению напоминающими церковь Аполлинария в Равенне. Немногим, впрочем, отличаются французы и англичане. Печать безвкусицы лежит всюду; сонная апатия чувствуется в прямых математических линиях зданий, в отсутствии какой бы то ни было игры карнизов и выступов. Пропорция и крыши невозможны. Несколько большим оживлением отличалась Италия: венецианская жизнь невольно как-то возрождала человеческий дух к творчеству. Античные развалины Рима находили кое-каких смутных последователей.

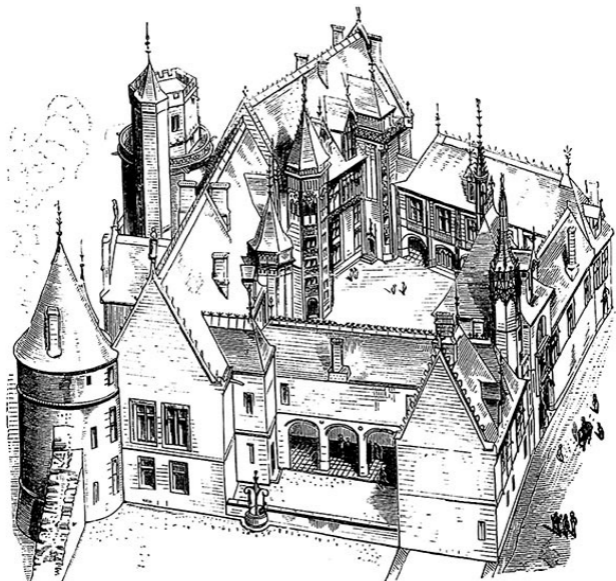
Замок и церковь в Лимбурге

Но кое-где уже мелькали намеки на будущее, и будущее грандиозное. Простая, спокойная форма храма не могла уже более удовлетворять пылкому воображению новых людей. Прежде, в язычестве, маленькая ниша для статуи божества удовлетворяла вполне неприхотливые религиозные требования толпы; самое здание храма не нуждалось в больших размерах, – народное собрание и процессии могли ограничиваться храмовой площа-

дью и портиком. Строгость классического стиля, полная высших эстетических красот, и даже нагота зданий удовлетворяла простоте воззрения верующих. Теперь явились другие требования. Само здание должно символически своим планом напоминать тот крест, на котором был распят Спаситель, каждая архитектурная подробность облечена символистской: розетки – это вечная роза, ее лепестки – души праведников; символические священные цифры кладутся в основание математических пропорций стройки. Требуется здание обширное, которое вмещало бы в себе целые города; внутри здания сумрачно и холодно, в дождливый день полумрак кажется еще суровее, в солнечный – яркие лучи, проникающие сквозь цветные стекла, кажутся кровавыми. Все полно таинственности, все говорит о каком-то ином, не здешнем мире; эти бесконечно переплетающиеся аркады и своды, кажется, ведут куда-то в иной мир. Все стремится к чему-то высшему, гигантскому; лепестки трилистника прорезают стены; на колоссальные столбы колонн громоздятся новые столбы, над ними нависают сквозные воздушные пе-

реходы; своды вздымаются все выше и выше; над ними идут колокольни, далее колокольни еще и еще, и их острые башенки, кажется, теряются в облаках. Внутри, под сводами стрельчатых дуг, бесконечный ряд колонок, переходов, статуй и гробниц окутан кружевом изящного орнамента, нежность форм которого доведена до грандиозной утрировки.

Дом Жака Кер в Бурже

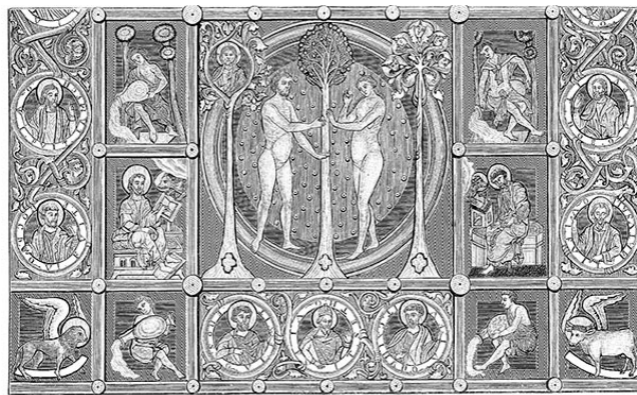
То высшее проявление готики, до которого дошла средневековая архитектура, может бесспорно быть названо парадоксальным. Это не здания, это какие-то ювелирные работы, трактованные в колоссальном размере. Они до того кажутся сквозными, что могли бы рушиться сами собой; и это действительно так: если бы не контрфорсы, весь этот колосс рухнул бы; все здание хрупко, оно постоянно крошится, железо ржавеет и не поддерживает камня, целый городок работников живет у подножия такого сооружения. О прочности и солидности здания никто не заботится, весь вопрос сводится к красоте удивительных деталей. Во всем чувствуется пылкая нервность, беспокойное вдохновение, порывы бессилия и та страстность, которая присуща эпохе рыцарства и утрированного обожания женщины.

Роспись потолка церкви Святого Михаила в Гильдесгейме. Фрагмент

Четыре столетия царил этот фантастиче-

ский стиль в Европе, захватив собой все пространство от Северного моря до Средиземного, и отразился на всем: и на соборах, и на замках, и на крепостях, и на мебели, и на одежде. Это не была классическая простота антика, то был горячечный бред болезненного средневекового периода человечества.

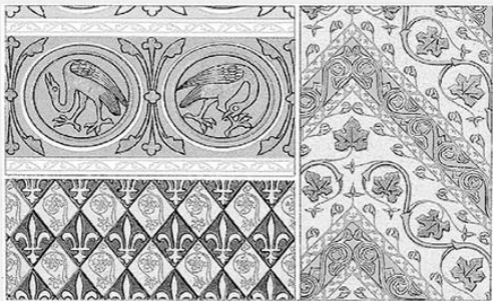
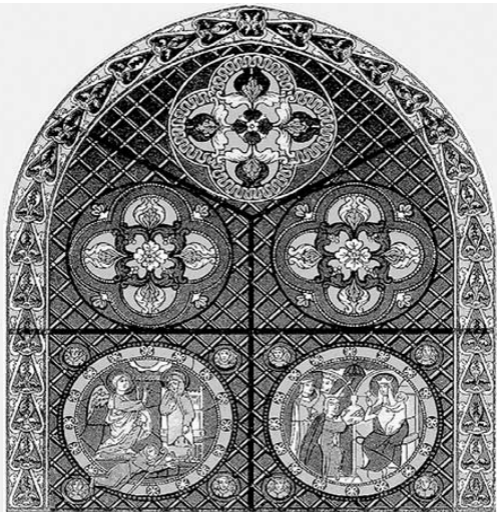
Роспись потолка церкви Святого Михаила в Гильдесгейме. Фрагмент

Готика вылилась из романского стиля, так же как романский стиль вылился из древнехристианского, как древнехристианский был

потомок римского. Только народный дух переиначивал по-своему прежние образцы, подводил под уровень своих понятий и потребностей то, что было ему чуждо и неудобно.

Витражи церкви Сен-Дени и элементы декоративной росписи церкви Сент-Шапель в Париже

Искажение античного искусства, которое чувствуется в X и XI столетиях, в самых неудачных, грубых проявлениях, тянулось недолго. Как ни странно сказать, но стиль, вырабатываемый германскими народами, был варварским сравнительно с чистотой форм классического искусства. Взяв за образец римско-христианскую базилику, романский стиль почувствовал на себе влияние мавров, и влияние настолько сильное, что стрельчатая дуга, несомненно, обязана своим происхождением арабскому племени. Но в общем архитектурном расположении и некоторых деталях образуется уже нечто новое, свое собственное, не наносное извне. И это свое было, сравнительно с заимствованным наносным, конечно, настолько невелико, что

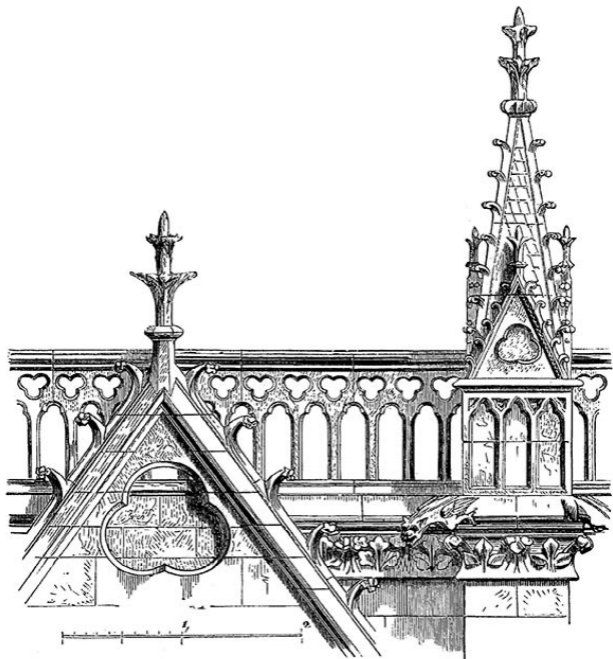
все-таки в конце концов надо сознаться в компилятивном собрании элементов средневековой архитектуры. Самый оригинальный мотив – крутой скат крыш, вылившийся из условий местной жизни, – повел к таким крутым откосам, что почти превратил конус в шпиль.

Балюстрада церкви Сент-Шапель в Париже

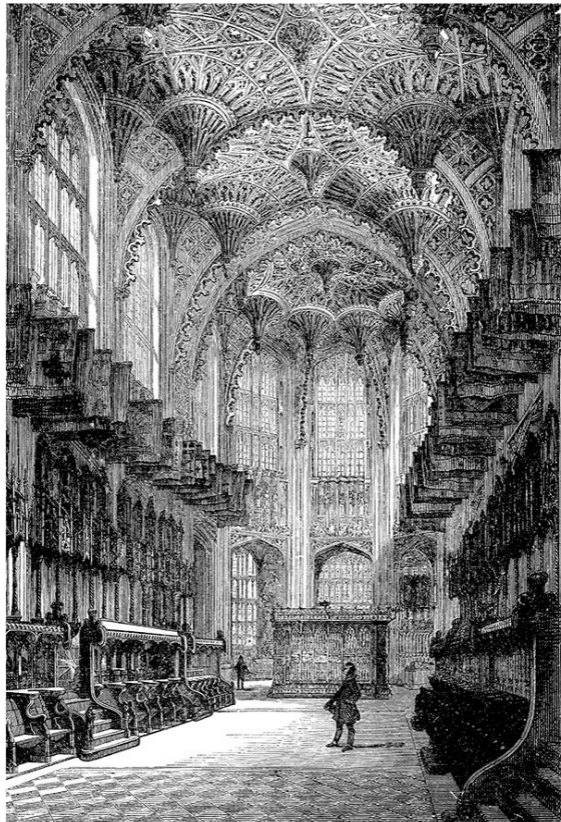
Полукруглая форма дуги, столь излюбленная в римском искусстве, заимствована романским стилем с той же любовью.

Внимание строителей обращается на портал, и на нем сосредоточивается весь блеск выполнения. Когда на Востоке воспрещалась лепка статуй, здесь, напротив того, изображения не только святых, но даже фантастических фигур получило право полного гражданства.

Астрономическая символика, свойственная разве Древнему Египту, проявляется иногда в церквях в 12 аллегориях Зодиака, по которому плывет солнце в течение года. Иногда трактуется двенадцать эмблематических изображений года, причем занятие, соответ-

ствующее каждому месяцу, дает представление о нем. Над главным входом помещается розетка – круглое кружевное окно – одна из самых характерных черт романского стиля.

Капелла Генриха V в Вестминстерском аббатстве

Башни, стоящие в итальянских церквах отдельно, слились в романских постройках чрезвычайно гармонично со всем зданием; на верхней их части вешали колокола для созыва верующих на богослужение. Бонн, Майнц, Лимбург, Зальцбург, Реймс, Париж – все наперебой стали воздвигать здания, и частные, и церковные, превосходя друг друга в фантазии и красоте деталей. Огромные замки рыцарей составляли целые группы зданий, обнесенных зубчатой стеной с башнями по краям, с подъемными мостами через ров.

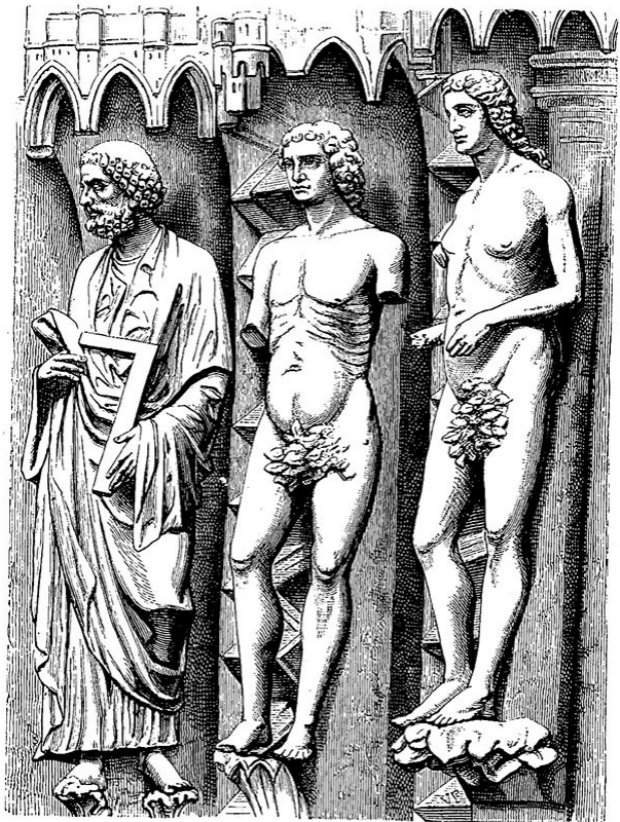
Когда во Франции появилась монархическая власть, влияние двора и светских обществ сделалось ощутительным и в искусстве. Классические предания были забыты, и варварское великолепие готики заняло первенствующее место.

Церковь Парижской Богоматери, соборы Амьена, Бужи, Мо, оконченные в XIII веке, дали архитектурную свободу мысли, выразили христианский принцип яснее и полнее, чем он выражался когда бы то ни было. Готическое здание – совершенное подобие карточному домику, опирающемуся на все свои части, которые совершенно схожи одна с другой и представляют собой чудо равновесия. Здесь материя подчиняется идее, как и в христианском вероучении. Основная идея готики – стремление вверх; основная структура стиля – острая дуга. Приверженность грека к земле, выраженная в горизонтальной линии карниза, не могла удовлетворять христианскому созерцанию: оно требовало наклонных линий, сходящихся где-то там, наверху, в беско-

нечном пространстве, у престола Бога. Тонина колонн, пропорция сводов – все это очень ловко скрадывается оригинальным характером постройки; шпили, по выражению одного поэта, напоминают пальцы, указывающие на небо. Лестницы, то там, то тут проглядывающие из-за колонн и по уступам, бегущие вверх, казались той лестницей Иакова, которая соединяла его с Богом. Два отрезка круга, образующие стрельчатую дугу, дают тем стройнее и тем выше свод, чем больше радиус этой дуги. Орнамент, покрывающий стены, не заимствован ни с Востока, ни у мавров, он выливается в самобытную форму. Буковый, дубовый, виноградный лист, даже репейник, цикорий и клевер дают мотивы для архивольта и капители.

Восточный портал собора в Бамберге

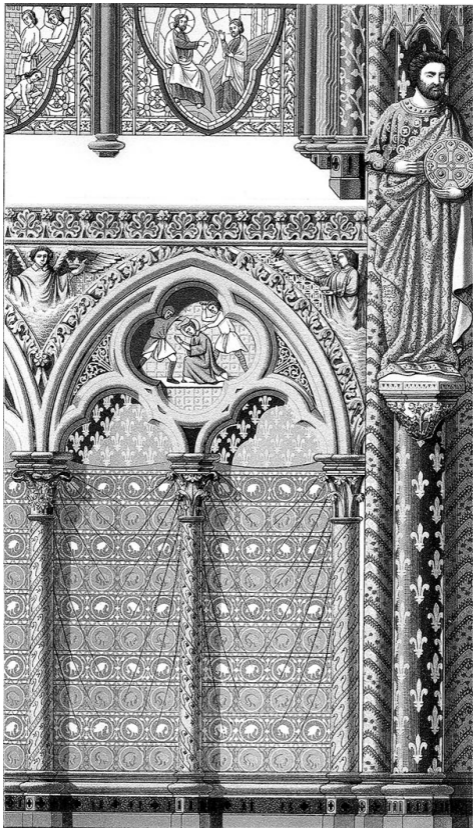
Основной план готики, в сущности, тот же, что и у романской сводчатой базилики; храм состоит из приподнятого пространства, доступного только священнослужителям, среднего наоса, портала и двух или четырех боковых наосов, соединенных стрельчатыми ар-

ками с главным храмом. В готическом стиле различают три эпохи. Первая эпоха – раннего готического стиля, с некоторой тяжестью, свойственной предшествующей романской эпохе, и с простой характерной острой дугой благородной формы, стрелка которой не очень заострена. Средний стиль, более выработанный, продолжавшийся до конца XIV столетия, представляет высшее проявление готики в полных изящества и силы образцах. Третья эпоха представляет уже некоторое падение: вычурность и излишний блеск деталей окончательно затемняют архитектурное целое, – это так называемый пламенистый стиль.

Декоративная отделка стен церкви Сент-Шапель в Париже

Стремление к стрельчатым верхушкам было гораздо более сродни северу, чем югу. И в Италии готический стиль был только временной модой. Стремление вширь здесь чувствуется гораздо полнее, чем в Германии. Миланский собор – этот верх совершенства итальянских зданий готического стиля – мало соот-

ветствует идее готики. Это смесь с эпохой Возрождения. Превосходный материал, белый мрамор и отделка деталей искупают неудовлетворенность общего впечатления, а таинственный розоватый свет, распространяемый внутри собора, придает ему особую торжественность.

Лучшими памятниками готического стиля считаются: Кельнский собор, башни которого превосходят высотой даже Хеопсову пирамиду, Страсбургский собор, с недостроенной башней, церковь Святого Стефана в Вене, Оренбургский и Антверпенский соборы, знаменитый Нотр-Дам де Пари, собор в Реймсе, Вестминстерское аббатство в Лондоне, с чудесной часовней Генриха VII, и множество других построек, разбросанных по всей Европе. Прилагаемые рисунки дадут гораздо больше впечатления, чем длинные описания.

Скажем два слова о скульптуре.

Крестовые походы и знакомство с поэзией мавров подняли национальную поэзию. Христианство чудовищно слилось с магометанством и с древнеязыческим миром; и мистицизм овладел духом поэтического возрожде-

ния. Стремление к таким новым идеалам отразилось и на искусстве. Все выступы, консоли, галереи сплошь покрылись статуэтками, мотивы которых были заимствованы из легенд и полны символики. Конечно, ничего общего между этими статуями и классической пластикой нет. Анатомия сильно страдает, складки порой условны и скучны, фигуры суховаты и длинны, греческая грация и развязность сменились угловатостью и скованностью. Статуи расписывались, одежды размазывались в красный или голубой цвет с золотой отделкой. А на консолях и капителях нередко появлялись безобразные изображения каких-то чертей и фантастических драконов, которые, скрежеща зубами, строили невозможные гримасы.

Резная кафедра в Вексельбурге. Фрагмент

Мы не останавливаемся на подробностях романского стиля и готики, не считая возможным утомлять ими читателя-неспециалиста.

